КОНАН
КОНАН
И ВСАДНИКИ
БУРИ

Annotation

…и снова Конан-Варвар отправляется в странствия, снова он принимает бой и снова выходит победителем.

АСТ, «Северо-Запад Пресс», 2001 г., том 62 «Конан и Всадники бури»
Мартин Романо. Всадники бури (роман), стр. 5-366

- Мартин Романо
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Глава VI
  - Глава VII
  - Глава VIII
  - Глава IX
  - Глава X
  - Глава XI
  - Глава XII
  - Глава XIII
  - Глава XIV
  - Глава XV
  - Глава XVI
  - Глава XVII
  - Глава XVIII
  - Глава XIX
  - Глава XX
  - Глава XXI
  - Глава XXII
  - Глава XXIII
  - Глава XXIV
  - Глава XXV
  - Глава XXVI
  - Эпилог

Мартин Романо
Всадники бури

Глава I
«Тварь в небе»

Огромный темно-багровый диск догорающего солнца только-только опустился за серые спины западных предгорий. И вслед за ним, словно исполинский шлейф, по небу медленно потянулись мелкие перистые облака. Внизу, у самой горной гряды, они были еще вызывающе красны от недавнего прикосновения к ним жарких лучей светила.

Чуть выше на них оставался приятный, не раздражающий глаз румянец. Дальше этот румянец легонько, как будто смущенно, задевал лишь самые краешки уже редких облаков. А ближе к востоку небо было чистым и светлым. На нем даже обозначились появившиеся первыми ночные светила, и чем более меркло все вокруг, тем ярче становились они.

Было тихо. И только частый топот конских ног нарушал первозданную тишину горного края. Конь бежал быстрой уверенной рысью. Так что если бы не гулкий стук его копыт, со стороны могло легко показаться, будто он и не бежал вовсе по узкой горной дороге, а при помощи неких магических сил летел над ней.

Могучему, напоенному первозданной силой жеребцу ни в чем не уступал и его всадник, державшийся в седле столь уверенно, будто был в нем рожден. Это был настоящий гигант с развитыми, играющими при всяком движении мускулами, широкими плечами и смуглым обветренным лицом. Его длинные черные волосы развевались на ветру.

Взгляд синих, как утреннее небо, глаз был полон отваги и достоинства. Одежда всадника выдавала в нем воина. Поверх кольчуги был наброшен плащ из шкуры леопарда. Короткие кожаные штаны чуть не доходили до колен. Замшевые, с очень плотной подошвой сандалии были закреплены на икрах тонкими ремешками. Колени прикрывали металлические пластины. В ножнах, придерживаемых на поясе широким ремнем, висел огромный двуручный меч.

Этого всадника звали Конан. Его имя знал весь мир: на заснеженных нагорьях севера и в изнывающих от зноя пустынях юга, на зеленых бесконечных равнинах Запада и в таинственных джунглях Востока. Его имя знали гордые властелины богатых империй и неимущие крестьяне, вольные, как морской ветер пираты и бесправные рабы. Сам же Конан происходил из дикого западного племени, называемого киммерийцами, и был сыном кузнеца. Но в своей жизни ему довелось побывать во многих странах и облачаться как в набедренную повязку из шкуры убитого им же самим горного хищника, так и в расшитые золотом королевские одежды. Слава о его недюжинной силе, отваге и уме, обошедшая весь мир, была справедливо заслужена. Кто-то мог любить и боготворить его, кто-то мог ненавидеть и бояться, но и у тех, и других он непременно вызывал искреннее уважение к себе.

Конан держал направление на восток, в теплую и влажную страну, именуемую Вендией. Двое долгих суток варвар был в пути, и впереди у него оставалась еще целая ночь. Скача по петляющим ухабистым горным тропам, не останавливаясь для привала, только к утру следующего дня он мог достичь столицы Вендии — Айодхьи. Туда звала его сама Дэви Жасмина.

Конан не видел ее уже много лет и, по правде говоря, еще несколько дней назад в

мыслях не могла промелькнуть даже надежда на новую встречу с ней.

И вот теперь, спустя столько лет, Дэви Жасмина нуждалась в нем. В своем послании к Конану, отправленном с самым скорым и надежным из гонцов (хотя сам Нергал знал, как нелегко было отыскать киммерийца!), она отчаянно взывала о помощи.

Конану было известно только то, что малолетнюю дочь Жасмины похитили, но кому и зачем понадобился королевский ребенок — он точно не знал, как, впрочем, не знала и сама растерянная мать.

Здесь, в Химелийских горах, (а местным жителям удавалось быть в курсе всего, что творилось вокруг), поговаривали о коварных замыслах правителя Турана Ездигерда, причем осторожно и туманно упоминали о некой связи между этими замыслами и горестями Дэви Жасмины. Конан и сам был неплохо осведомлен о том, что властолюбивому Ездигерду давно уже не терпелось протянуть свои длинные руки к богатому Востоку. Туранцы воевали с кшатрийской армией еще при правлении брата Жасмины Бунды Чанда. И чаще всего они оставались поверженными. В последнем же сражении — около полугода назад — в плен был взят лучший туранский полководец Зулгайен.

Ездигерд пока не предпринимал попыток вернуть его. Да никто и не ждал от него этого: туранский правитель был слишком скуп, чтобы заплатить щедрый выкуп за кого-либо из своих подданных, пусть даже это был сам предводитель его войска. Ездигерд не привык вести честную игру. Он был опасен, как опасен может быть трусливый тигр. И если бы все же оказалось, что похищение королевской дочери дело рук туранского владыки, этому бы никто не удивился, в том числе и Конан. Пока же совершенной уверенности в причастности Ездигерда к пропаже вендийской принцессы не было.

Эти мысли тревожили Конана, когда вдруг он заметил, что небо начало медленно менять свой цвет, из блекло-голубого, почти белого, окрашиваясь сначала в алый, а затем в более насыщенный — пурпурный. Напрягся каждый мускул киммерийца, каждый нерв. Страха же не было в его взгляде, Конан глядел прямо перед собой с дерзкой невозмутимостью. И только его правая рука метнулась к покоящемуся в ножнах мечу, но еще не коснувшись его, замерла в напряженной готовности.

В пурпурном небе заплясали огромные слепящие сполохи. Воздух наполнился какой-то горечью, тяжелой, неприятной, опьяняющей и как будто даже ядовитой. Откуда-то вдруг взялась огромная черная птица и с назойливой неугомонностью принялась кружить над самой головой Конана. У нее были удивительные глаза, неестественно громадные и похожие на человеческие.

Киммериец понял, что перед ним косальский гриф. Никогда прежде не доводилось ему встречать этих крылатых тварей, но он немало слышал о них, хотя, наверняка, все больше — преисполненных суеверным страхом глупых небылиц. Говорили, что эти твари были выходцами из самой преисподней и что встреча с ними предвещала скорую смерть. При одном только упоминании об этих птицах, жителей Косалы охватывал панический страх. Пуще ядовитых гадов боялись они огромных черных грифов с человеческими глазами.

Но что же привело косальскую тварь сюда, в Химелийские горы?! Что за демонические силы окрасили небо в пурпурный цвет, наполнили воздух тяжелым зловонием?!

Конь под Конаном бежал так быстро, как только мог, однако птица ничуть, не отставала от него. Вытянув вперед длинную тонкую шею и безудержно галдя, она пыталась клюнуть киммерийца в лицо или в шею, острым клювом вонзиться в узкие щели между пластин его доспехов. Пока что варвару удавалось отбиваться от птицы, но та атаковала лишь с большим

неистовством. Не выдержав наконец, Конан твердым движением обнажил меч и занес его над головой.

— Получай, проклятая тварь!

Меч задел только кончик хвоста грифа. Расправив длинные крылья, птица взмыла вверх, молниеносно, как выпущенная из арбалета стрела. Из ее глотки вырвался душераздирающий крик. Скоро птица исчезла в пурпурной зияющей пропасти небес. И еще долго в ушах Конана, не ослабевая ни на йоту, звенел ее голос. Но только он успел затихнуть, унесся с собой последние вкрадчивые отзвуки, как вдруг птица возвратилась.

Из маленькой черной точки где-то далеко на небосводе она в считанные мгновения опять выросла в огромную гадину. Конана обдало холодным потом — теперь у крылатой твари было человеческое лицо. Узкое, с морщинистой темно-желтой кожей, длинным крючкообразным носом, громадными зелеными глазами и кривой щелью безгубого рта. Вдоль тощей шеи свисали спутанные, черные с проседью космы.

Конь под Конаном, словно подчинившись чьему-то велению, внезапно остановился. И сколько хозяин ни тянул поводья, ни бил в крепкие бока, ни молил его сдвинуться с места, конь продолжал стоять, как вкопанный. Иногда он мотал головой и, будто испытывая мучительную боль, тихо прерывисто ржал. Крылатая тварь уже совсем низко опустилась к Конану и снова принялась описывать над его головой круги. Киммериец крепко сжимал меч.

— Проклятое отродье! — гневно воскликнул он. — Думаешь испугать меня своей уродливой мордой? — Конан с брезгливым негодованием сплюнул. — Что же ты не приближаешься?! Мой меч ждет тебя.

Тварь что-то недовольно похрипела и стремительно метнулась в сторону Конана.

Киммериец, чья реакция была молниеносна, вытянул вперед руку с мечом. Непобедимое лезвие прошло сквозь тело твари в мгновенном разящем ударе.

Но та лишь взмахнула огромными крыльями. По правде говоря, удар непременно должен был бы разрубить ее на две части. Однако этого не случилось. Из огромного, покрытого черными перьями тела не упало ни капли крови. И Конан с изумлением увидел, что его меч покрылся ржавчиной.

В глазах твари мелькнуло злое торжество. Она оскалила кривые, изъеденные гнилью зубы. А затем начала безудержно хохотать, совсем по-человечески. Разве что трудно было бы вообразить, как кто-либо из людей извергает такой пронзительный, невыносимо отвратительный хохот.

Конан неотступно глядел на нее. С трудом сдерживая ярость, он скрежетал зубами. Его глаза сузились в презрительном недоверчивом прищуре. Костяшки пальцев побелели, напряженно сжимая рукоять ржавого меча. В висках отдавался стук сердца.

Черная тварь снова взмыла к небу. Она поднималась все выше, но при этом звуки ее хохота нисколько не ослабевали, — а напротив, все нарастали и нарастали с неумолимой силой. И когда птица наконец совсем исчезла из виду, хохот сделался настолько оглушительным, что содрогалась земля.

Как будто из самой преисподней поднялся ураганный ветер и, подобно обезумевшему исполину, метался из стороны в сторону. Он отчаянно завывал. Сбрасывал с горных вершин каменные глыбы. Обламывал громадные куски у серых скал. С корнями вырывал деревья и кустарники. Поднимал высоко над землей сухую дорожную пыль. Конь под Конаном дрожал. А над всем этим грохотал неудержимый омерзительный хохот.

Внезапно все затихло. И хохот, и ветер. Только конь по-прежнему боязливо трясся. Да и

сам Конан чувствовал вокруг себя какое-то сдерживаемое напряжение. Это было словно недолгое, коварное затишье перед бурей. Киммериец приготовился к новой атаке со стороны демонических сил. И он не ошибся.

Очень скоро в пурпурном небе опять мелькнули зловещие сполохи, и тишину разрезал… отчаянный детский крик. И в душе Конана все содрогнулось от его звуков.

Снова воцарилась тишина, пугающая и обманчивая.

А потом раздался голос женщины. Конан с трудом узнал в нем голос Дэви Жасмины. Она шептала слова молитвы и тихонько плакала.

И вдруг, как раскаты грома, заглушая абсолютно все, опять ворвался тот хохот, сумасшедший, кощунственно насмешливый и алчный. Забеспокоилось небо, стало походить на бурлящую жижу ведьмовского варева. От испуга конь под варваром припал к земле.

У горизонта на юго-востоке небо уверенно окутывал темный зловещий туман. А в нем то появляясь, то вновь исчезая, плясали какие-то неясные образы.

Напряженно, не позволяя себе даже моргнуть, Конан вглядывался в этот туман, но с трудом различал в нем что-либо.

Так продолжалось несколько мгновений. Затем туман начал рассеиваться. И на обнаженном фоне неба обозначилось огромное расплывчатое изображение узкого лица.

Постепенно оно становилось все более отчетливым…

Громадные зеленые глаза, длинный крючкообразный нос — это было лицо крылатой твари.

Она глядела прямо на Конана. Щель безгубого рта изогнула злая ядовитая насмешка. Варвар внезапно ощутил давление некоей невообразимо мощной силы, словно порыв ветра донесся из невообразимого далека, готовый все смести на своей дороге. Это не просто ветер, еще успел сказать себе Конан… однако это был только мимолетный проблеск в его сознании. А затем — затем все исчезло.

Глава II
«Отшельник из пещеры Йелай»

Конан очнулся. И обнаружил, что находится в небольшом гроте. Скудный, неуверенно мерцающий свет лучины, с трудом побеждая темноту, обволакивал низкие каменные стены и уже совсем меркнул у входа в грот. Завораживающе поблескивали огромные причудливых форм сталактиты.

У стен стояли глиняные кувшины, миски, котлы. Откуда-то, далеко или близко — слух Конана почему-то не мог разобрать, доносились звуки медленно капающей, а затем звучно бьющейся о камень воды.

Конан лежал на длинном деревянном настиле, покрытом толстой невыделанной шкурой. Из всей одежды на нем были только короткие кожаные штаны, да леопардовый плащ, но не закрепленный на шее, а просто наброшенный на его тело, подобно покрывалу.

Кольчугу, сандалии, наколенники, ремень и даже меч в ножнах киммериец нашел рядом. Все покоилось на большом, почти плоском камне. Про себя Конан не преминул отметить, что, кто бы ни положил одежду и оружие сюда, на расстоянии всего лишь протянутой руки от ложа киммерийца, он поступил благородно. Когда поблизости был меч, Конан мог чувствовать себя спокойно. Хотя…

Он вдруг вспомнил, как, пройдя сквозь тело крылатой твари, лезвие его меча вдруг покрылось ржавчиной. Однако сейчас все это представлялось ему не более чем просто кошмарным сном.

В одно мгновение киммериец вскочил на ноги и, схватив облаченный в ножны меч, обнажил его. Отражая свет лучины, лезвие приветливо блеснуло. На нем не было и следа ржавчины.

У входа в грот послышались тихие звуки чьих-то шаркающих шагов. Киммериец оглянулся и напряг зрение. Там, где темнота сгущалась, смешиваясь с неясными трепещущими тенями, наверное, отбрасываемыми сталактитами, возник какой-то невысокий силуэт.

Еще пара мгновений — и Конан смог хорошо разглядеть вошедшего в грот человека. Это был старик. По виду, иранистанец. Резко очерченное лицо с темной, обветренной, изборожденной глубокими морщинами кожей, блестящими черными глазами под густыми бровями и тонким горбатым носом. Седая борода опускалась чуть ли не до пояса. На маленьком жилистом теле висела длинная хламида, вытканная из грубой шерстяной пряжи. Несмотря на свое убогое одеяние, держался незнакомец на удивление величественно. А прямой взгляд его светился благородством и мудростью. Только лишь увидев этого старца, Конан проникся к нему доверием, хотя, быть может, варвар и не совсем отдавал себе в том отчет.

В пяти — или около того — шагах от киммерийца, старец остановился.

— Рад видеть тебя в добром здравии, — сказал он ровным и звучным голосом.

— Что это за грот? И как я здесь оказался? — с бесцеремонным нетерпением спросил Конан.

— Эта пещера Йелай, — ответил старец. — Я нашел тебя, почти бездыханного, в ущелье

неподалеку. Перенес сюда и выходил. Надеюсь, к тебе вернулись прежние силы.

— Мне кажется, что они и не покидали меня, — в ответе Конана показная небрежность смешивалась с искренним изумлением. — Но как ты смог перенести меня сюда?

Со всей высоты своего исполинского роста он смерил маленькую, высохшую фигуру старика испытующим взглядом. Тот ничего не ответил, и только губы его сморщила многозначительная, но вовсе не злая улыбка.

— Ты голоден? — спросил он, поднимая с пола у стены вязанку сухих поленьев.

— Будто не ел целую вечность! — ответил Конан.

— Всего лишь двое суток, — тихо заметил старец. — Но все это время я поил тебя питательными и целебными отварами трав.

— Двое суток?! — не в силах сдержать охватившее его гневное изумление воскликнул киммериец. — Не может быть!

Старец с молчаливым согласием кивнул маленькой длинноволосой головой.

— О, Кром! Этого просто не может быть, — уже не воскликнул, а неуверенно пробормотал себе под нос Конан.

— Дэви Жасмина почти отчаялась дождаться тебя.

— Ты… знаешь, что меня звала правительница Вендии? — голос варвара прозвучал настороженно.

— И не только это, Конан.

Киммериец вздрогнул, вдруг услышав из уст незнакомца свое имя.

— Ты колдун? — с некоторой опаской спросил он.

— Мне знакомы таинственные обряды и белых, и черных колдунов. Но я не принадлежу ни к тем, ни к другим. А мои силы во многом уступают их силам.

— Кто же ты?!

Старец доверительно улыбнулся.

— Отшельник, желающий постигнуть высшие законы, что движут этим миром. Я не вмешиваюсь в жизни людей.

— Хотя и имеешь привычку наблюдать за ними, — не очень-то дружелюбно заметил Конан.

— Мои знания позволяют это, — невозмутимо ответил старец. — Что ж, пойдем. Я разожгу костер. Мы пообедаем и поговорим обо всем.

Сказав это, отшельник вышел из грота. Конан последовал за ним. Затем, миновав длинный, погруженный во мрак проход, такой низкий, что не только гиганту киммерийцу, но и маленькому старцу пришлось согнуться, чтобы не удариться головой о его каменный свод, они вышли из пещеры.

Была ночь, ясная, прохладная и опьяняюще свежая. В зарослях кустарника послышались негромкие звуки какой-то возни, а потом приветливое лошадиное ржание.

— Твой конь, — сказал отшельник, мимолетным взглядом указывая в сторону, откуда исходили звуки. — Учуял хозяина.

Старик разжег костер и повесил над ним большой медный котел, в котором затем, не переставая ни на миг, принялся что-то помешивать. Какое-то варево, очень аппетитно пахнувшее.

— Знаю, ты привык есть мясо, — обратился к Конану отшельник. — Но надеюсь, мое скромное угощение сможет утолить твой голод.

Конан вежливо кивнул. Откровенно говоря, он бы сейчас немало отдал за добрый кусок

дичи. Но выбирать не приходилось, а он был голоден, как дикий зверь.

Отшельник потчевал его не только кашей. Откуда-то перед киммерийцем появились деревянная кружка, доверху наполненная жирным молоком, кусок сыра и миска горячих лепешек.

— Известно ли тебе что-нибудь о похищении маленькой вендийской принцессы? — осторожно спросил Конан, как только осушил кружку молока.

Лицо старика оставалось бесстрастным. Привычным движением он бросил в костер пару поленьев и о чем-то сосредоточенно задумался.

— Мне известно об этом совсем немногое. Хотя… — Он сделал многозначительную интригующую паузу, и еле заметная улыбка коснулась его белых губ. — Хотя, может быть, и больше, чем остальным.

— Это дело рук Ездигерда? — с нотками сомнения в голосе спросил киммериец.

— Нет.

— Чьих же тогда?! — нетерпеливо взревел Конан. — Во имя Крома, ответь мне!

— Силы зла желают управлять жизнями людей, — тихо пробормотал отшельник, напряженно вглядываясь в пламя костра, будто пытаясь увидеть там нечто важное. — И очень часто им это удается.

— Силы зла, — словно завороженный, повторил за старцем Конан, — Силы зла. Пурпурный цвет неба, темный туман у горизонта и крылатая тварь с человеческим лицом… — Его даже передернуло при воспоминании обо всем этом. — Значит, то был не сон?!

Старец обратил к нему взгляд своих больших черных глаз, и киммериец прочел в них ответ.

— Но мой меч?! — отчаянно воскликнул Конан. — Я видел, как он вдруг покрылся толстым слоем ржавчины. А теперь он блестит, словно только что из кузницы.

Отшельник улыбнулся.

— Для меня было столь же легко очистить лезвие твоего меча от ржавчины, сколь для сил зла — навлечь ее.

— Что же это была за крылатая тварь, преследовавшая меня?

— Точно не знаю, — с горечью признался старец. — Расскажи мне обо всем, что случилось с тобой.

— Тогда, на закате? — уточнил Конан. Ответом ему был легкий кивок отшельника.

Конан поведал ему обо всем, что только смог вспомнить.

И чем дольше старец слушал рассказ киммерийца, тем более настороженным становился взгляд его черных глаз.

— Кажется, я уже знаю, с кем ты встретился, Конан, — задумчиво произнес он, как только выслушал все. — Но об этом пока рано говорить. — На его губах проскользнула тень улыбки.

— Так ты думаешь, все происшедшее со мной как-то связано с похищением вендийской принцессы? — тихо спросил Конан.

— Я почти уверен в этом.

— Зачем же этим тварям из преисподней понадобилась дочь Дэви Жасмины?

— О! — Старец возвел к небу глаза. — Маленькая принцесса обладает огромной силой! Искушенные в магии люди отдали бы многое — очень многое! — чтобы завладеть этой силой. Жизни девочки ничего не угрожает, но… — он вдруг замолк и с тяжким сожалением

вздохнул.

— Но… — как бы поторапливая старца с объяснениями, подхватил Конан.

— Если коварным замыслам темных сил суждено сбыться, — с таинственным оттенком в голосе продолжал отшельник, — ни Жасмина, ни кто-либо другой из смертных не увидят впредь маленькую принцессу. — Он вдруг вздрогнул. А затем, строго взглянув на Конана, сказал: — Я не буду предлагать тебе переждать в моей пещере до рассвета. Думаю, что за время, проведенное здесь, ты уже выспался на несколько ночей вперед. Теперь ты должен поспешить к Дэви Жасмине. Она нуждается в тебе.

Он встал на ноги и жестом велел подняться и Конану. Киммериец беспрекословно подчинился.

— Ступай и оседлай коня, — сказал отшельник. — А я тем временем принесу твои доспехи.

С этими словами старик скрылся в зияющей черноте ведшего в пещеру лаза. Вернулся он скоро. И пока помогал Конану облачиться в принесенные из пещеры доспехи, снова обратился к нему:

— Послушай меня внимательно, — с расстановкой начал он. — Сейчас я могу сказать тебе немногое. Мне нужно время, чтобы хорошенько обо всем поразмыслить. И тогда я, быть может, смогу тебе помочь найти маленькую принцессу.

— Как же мы встретимся? — спросил киммериец.

— После встречи с Дэви Жасминой ты должен будешь вернуться сюда.

— Но разве не ты говорил, что я должен спешить?! — изумленно воскликнул Конан. — Не упущу ли я время?

Старец поднял к небу глаза. И, подумав немного, изрек:

— Время дорого, и дороже его — лишь знания. — Он проницательно взглянул на Конана. — Приезжай ко мне, и ты будешь обладать знаниями, что помогут тебе в поисках принцессы. И вот еще что, — взгляд старца оживился, — я буду ждать тебя не одного.

— Не одного? — от удивления приподняв брови, повторил Конан. — С кем же?

— Слышал ли ты о пленном туранце Зулгайене?

— Да, — не так чтобы уж невозмутимо ответил киммериец. — Я не знаком с ним лично. Но говорят, что это лучший полководец Ездигерда.

— Верно. Он служил Ездигерду. Хотя, видит Небо, туранский правитель недостоин иметь его среди своих подданных. Чего бы тебе это ни стоило, — голос отшельника стал жестче, — вызволи Зулгайена из плена. Я буду ждать вас вдвоем.

— Но…

— Я буду ждать вас вдвоем, — бесстрастно повторил старец, перебив недоумевающего киммерийца.

— Во имя Крома! — яростно зарычал Конан. — Не ведешь ли ты двойную игру?!

Глаза старца лукаво блеснули.

— Видно, ты вообразил, что я на стороне Ездигерда. Что ж! — старец усмехнулся. — По правде говоря, в моих глазах владыка Турана ни больше и ни меньше, чем правитель Вендии. Если бы похитили дочь Ездигерда, я не отказал бы в помощи и ему. Меня не интересуют политические распри.

— Почему же тогда ты печешься о Зулгайене? — с оттенком недоверия в голосе спросил Конан.

— Вызволи его из вендийского плена, и тогда поймешь все сам. — Губы отшельника

снова задела едва заметная улыбка. — Доверься мне, Конан!

Киммериец с трудом сдержал проклятие. Потом вдруг рассмеялся.

— Кому же еще мне можно довериться, если не тебе, старик?! — за нарочитой насмешливостью его тона угадывалась смущенная искренность. — Ты спас меня от смерти. О, Кром! Обещаю, я вернусь сюда вместе с Зулгайеном.

— Пусть удача не покидает тебя, Конан! — пожелал старый отшельник. — Ну, торопись!

Киммериец легко запрыгнул на коня.

— До свидания, старик! — громко сказал он, и потянул за поводья.

Глава III
«Страхи Ездигерда»

Воистину, пышен был королевский сад. Здесь высились стройные, хрупкие кипарисы, остроносые верхушки которых покачивались при малейшем дуновении ветерка, раскидистые пальмы прикрывали наготу своих стволов длинными веерообразными листьями, невысокие красавицы-софоры цвели пушистыми розовыми гроздьями, словно сказочные исполины возвышались платаны.

Ближе к дворцу деревья отступали. А землю будто огромным ковром покрывали цветы, великолепие которых поражало воображение. И средь всего этого тончайшей, с первого взгляда почти незримой паутиной протянулись, скрещиваясь меж собой, выложенные гранитом дорожки. В самом центре сада был устроен неглубокий, в форме продолговатого восьмигранника пруд. Его венчал красивейший фонтан.

Широкий пологий пандус поднимался к портику дворцовой террасы. Колонны в портике были округлой формы и сделаны из розоватого мрамора.

За ними следовало еще несколько рядов точно таких же колон. Портики проходили как спереди, так и по бокам террасы.

Высокая плоская крыша с внутренней стороны была искусно инкрустирована яшмой различных оттенков. Пол украшала изысканного узора мозаика.

Посередине террасы располагался выложенный из плиток голубого мрамора бассейн, форма которого точь-в-точь повторяла форму пруда в саду.

В нескольких шагах от бассейна, ближе к колоннаде стояло огромное нефритовое с золотой инкрустацией кресло. На нем сидел владыка Турана Ездигерд, наследник недавно почившего Илдиза.

Правитель был уже немолод и не слишком хорош собой. Его длинные прямые волосы успела щедро посеребрить седина. Узкое смуглое лицо тронула сеть еще неглубоких морщин. Кончик тонкого костлявого носа опускался к самым губам. Черные брови были густы и безобразно лохматы. Небольшие темные глаза — один из которых по размеру значительно превышал другой — были глубоко посажены и глядели на все холодно и жестко.

На короле была длинная просторная джубба, сшитая из тончайшего светлого льна. На ногах — кожаные сандалии. Правая рука Ездигерда сжимала златокованую чашу, наполненную густым красным вином. Левая рука покоилась на подлокотнике кресла.

С обеих сторон от Ездигерда стояли молодые чернокожие рабы и плавными, даже как будто ленивыми движениями обмахивали своего господина опахалами из страусиных перьев.

У самой колоннады, несколько правее от кресла Ездигерда, в скучающем ожидании замерли девушки-танцовщицы.

На каждой из них были шелковые соблазнительно просвечивающиеся шаровары. На шее висело золотое монисто.

При малейшем движении танцовщицы тонкие пластинки монисто вздрагивали, чуть обнажая пышные груди. Красота стройных тел девушек была безупречна.

Правитель сидел неподвижно, лишь изредка поднося к губам чашу и редкими скупыми глотками отпивая из нее.

Его лицо скорее напоминало маску. Взгляд темных глаз был непроницаем.

Между тем, правитель был вовсе не спокоен. Каждую частичку его существа, казалось, разрывало от волнения. Больше всего на свете Ездигерд боялся предательства (впрочем, как всякий тиран!)

Он не доверял никому. Так учили его отец и дед, которых прежде тому же учили их отцы и деды.

И с этим глупо было бы спорить. Кому можно было доверять?! Жрецы жаждали власти. А Ездигерду ничего не оставалось, как с горечью признать, что они ее все же имели. Знать, погрязшая в разврате и расточительстве, нисколько не заботилась о делах государства.

Дворяне давно забыли, как держать боевое оружие, не желали обучать военному мастерству своих рабов.

Но ведь Туран испокон веков существовал за счет завоевательных или, вернее сказать, грабительских войн.

Простой люд — нищие крестьяне и ремесленники — люто ненавидели своего правителя, хотя (и слава Эрлику!) их ненависть была слишком бессильна, чтобы вызывать опасения. Армия?! За последние годы она становилась все малочисленнее и слабее.

По телу Ездигерда пробежала вдруг быстрая судорога.

Он вспомнил о захваченном в плен Зулгайене — лучшем туранском полководце.

Этому человеку правитель, в самом деле, доверял. Доверял как никому другому. Зулгайен был уважаем в государстве, да и повсюду за его границами.

Ездигерд по праву гордился своим генералом, но… было между ними какое-то непонимание, возможно, даже сдерживаемая неприязнь. Причем сам правитель находил ее оскорбительной для себя.

По сути, Зулгайена не в чем было упрекнуть. На поле брани он был подобен льву. Его отвага не просто служила примером другим воинам, а вдохновляла их.

Он был умен и дальновиден. Образованию, полученному им в стенах укрытого высоко в горах древнего храма у жрецов Тарима, мог позавидовать сам Ездигерд.

Он был честен и справедлив. К словам полководца прислушивались и правитель, и высшие сановники. Его искренне любил народ Турана. Зулгайен был тем самым связующим звеном Между простым людом и знатью, только благодаря которому возможно было их мирное сосуществование в государстве. И Ездигерд, конечно же, хорошо понимал это.

Ему нравился Зулгайен, только вот… сам полководец почему-то не был расположен к своему правителю, хотя и не выражал явной вражды.

Однако его достоинства и государственная необходимость в нем были настолько неоспоримы, что Ездигерд, со всем своим монаршим великодушием все же соглашался с некоторой натянутостью в их отношениях. Так было до того самого дня, когда вендийцы захватили Зулгайена в плен.

Видит Эрлик, Ездигерд не пожалел бы золота, чтобы выкупить из плена своего лучшего полководца.

Слухи о его скупости были слишком преувеличены. Правитель был бережлив, быть может, даже и не совсем по-королевски, однако никак не считал это поводом для насмешек. Напротив, лично он находил в себе качество это очень положительным и почитал чуть ли не главнейшим из всех своих достоинств.

Но вовсе не бережливость удерживала Ездигерда вызволить из вендийского плена своего полководца.

Нет! Этого ему не позволяли сделать жрецы. Религия Эрлика была главенствующей в стране. Провозгласил ее, при этом с убежденной категоричностью объявив раннюю религию — пророка Тарима ложной, еще прадед Ездигерда Оскавиот.

Он потребовал, чтобы все население Турана от самых низов до потомственных вельможей впредь поклонялись единственному богу — Эрлику.

А не угодившие чем-то Оскавиоту жрецы Тарима подверглись жесточайшим гонениям. Их храмы были сожжены, а богатства конфискованы.

Пострадала также и высшая знать, основная часть которой была связана со жречеством кровными узами.

В то время Оскавиот укрепил монархическую власть в государстве и прибрал к рукам золото свергнутой знати. Прошли десятки лет, и теперь крепко ставшее на ноги жречество Эрлика начало уверенно добиваться власти.

Они владели землями, золотом, рабами, и в целом их богатство почти вдвое превышало королевское. На государственном совете слово жрецов было решающим.

А власть правителя настолько ослабла, что он боялся вступать в открытый спор с ними. Единственной опорой Ездигерда был Зулгайен. Жрецы не любили полководца, хотя и, отдавая ему должное, признавали в нем достойного противника. Пока на стороне правителя был Зулгайен, служители Эрлика не могли рассчитывать на полную власть в Туране. Им это было хорошо известно.

Но как можно было избавиться от полководца?!

Зулгайен был воспитан в храме Тарима. Он не почитал Эрлика за истинного бога и нисколько не скрывал этого.

То есть у жрецов был предлог для того, чтобы покончить с Зулгайеном, предав казни через сожжение на очистительном огне.

Ездигерд, конечно, воспротивился этому, причем столь яростно, что жрецам пришлось все же посчитаться с его мнением. Однако они вовсе не оставили свой замысел и спустя некоторое время принялись с еще большей настойчивостью требовать у Ездигерда расправы над полководцем.

Правитель, со свойственной ему гибкостью, хотя и не очень уверенно отклонял их требования и, уповая на бога (ему было совершенно без разницы — на Тарима или на Эрлика), ждал, когда все разрешится само собой, то бишь без его, Ездигерда, участия.

И вот Зулгайен попал в плен.

Вендийцы знали подлинную цену своему пленнику и хотели получить за него щедрый выкуп.

Ездигерд готов был пойти им навстречу. Но тут вмешались жрецы Эрлика.

Они противились освобождению и возвращению на родину Зулгайена. Грозили настроить против правителя знать, что — понимал Ездигерд — и вовсе уничтожило бы его власть.

В то же время в стране начало расти народное волнение, связанное опять-таки с заточением в вендийском плену Зулгайена. Людей возмущало бездействие правителя. В самой столице и во многих провинциях Турана вспыхивали новые бунты.

Особенно сильное негодование проходило в рядах армии.

Правитель был в полной растерянности. Ведь его казна главным образом держалась на поступлениях от жречества и с завоевательных войн. Ему были жизненно необходимы и жрецы, и армия, а значит, он обязан был считаться с интересами тех и других. Ездигерд

оказался меж двух огней.

…За спиной правителя послышались тихие звуки чьих-то мягких приближающихся шагов. Из-за правого плеча Ездигерда плавной, грациозной походкой вышла молодая — лет двадцати семи — женщина.

Черты ее красивого, со смуглой матовой кожей лица были безукоризненно правильны. Темные вьющиеся волосы ниспадали на плечи. Наготу высокого, стройного тела прикрывал длинный хитон из тончайшего шелка природного цвета.

На лоб был надвинут тонкий, искусно отлитый в форме извивающейся змеи золотой обруч.

Оба запястья объяли красивейшие инкрустированные браслеты. На груди драгоценными камнями сверкала диадема.

Это была Ширин — третья, самая молодая жена Ездигерда. Она почтительно наклонилась перед правителем и коснулась губами полы его одежды.

— Мой повелитель! — тихим воркующим голосом произнесла Ширин, поднимая к нему широко раскрытые глаза.

— Что еще?! — небрежно ответил Ездигерд. — Судя по твоему тону, — его губы искривила ехидная усмешка, — ты намерена снова что-то просить. Ну?!

Ширин, действительно, вовсе не отличалась кротостью нрава.

И уж если иногда в разговоре с Ездигердом ее голос и звучал особенно ласково, а взгляд темных лучистых глаз светился нежностью и преданностью, то это случалось лишь тогда, когда ей было что-то нужно от правителя.

Ширин улыбнулась.

— Ты так великодушен, мой повелитель! — с жеманным восхищением произнесла она.

— Перестань кривляться! — Ездигерд гневно нахмурился. — Ну говори, зачем пришла! Не испытывай мое терпение!

— Я пришла к тебе не одна, — с расстановкой начала она, при этом своими длинными унизанными перстнями пальцами разглаживая складки льняной джуббы на коленях правителя. — Моя подруга надеется найти у тебя помощь.

Ездигерд тяжко вздохнул.

— Вот как?! Твоя подруга, — протянул он. — Эта одна из женщин моего гарема?

— Нет, — ответила Ширин.

— Нет?! — разъяренно крикнул правитель. — Какого же демона ты привела ее ко мне?!

Ширин судорожно вцепились в запястье Ездигерда, потянула к своему лицу и принялась отчаянно целовать.

— Прошу тебя, прими ее! — обжигая кожу правителя своим жарким дыханием, шептала она. — Умоляю, повелитель мой!

Правитель решительным жестом высвободил свою руку из цепких пальцев Ширин.

— Ладно, зови ее, — наконец согласился он и затем с брезгливой усмешкой добавил: — Надеюсь, она не такая надоедливая, как ты?!

— Она не твоя жена, — улыбаясь, заметила Ширин. Потом встала на ноги, взглянула куда-то, за спину правителя и легким кивком головы подала знак.

Ездигерд услышал, как тихонько отворились двери.

Тут же через них кто-то прошел и быстрым, торопливым шагом направился в сторону сидевшего в нефритовом кресле правителя. Еще какие-то считанные мгновения — и перед Ездигердом появилась женщина.

Она приблизилась к правителю. Наклонилась и поцеловала полы его одежды с тем же почтением, с которым некоторое время назад это сделала Ширен. А затем, снова выпрямив горделивую осанку, отошла от трона на несколько шагов.

И только тогда Ездигерд смог хорошо разглядеть ее.

Приколотая к гладким иссиня-черным волосам вуаль была достаточно прозрачна, чтобы позволить увидеть молодое лицо, с белой, как лепесток магнолии, кожей. Огромные карие глаза были подведены сурьмой. Светлые муслиновые одежды нисколько не скрывали контуры стройного тела.

Ездигерд узнал ее. Это была Ассинджа — жена Зулгайена. Красивейшая из женщин Турана. Несколько лет тому назад сам Ездигерд предлагал ей госпожой войти в его дом. Но она отказала правителю, предпочтя ему его же собственного полководца.

А сейчас прекрасная Ассинджа сама пришла и королевский дворец. Но пришла туда за помощью.

За помощью?! Про себя Ездигерд усмехнулся, то ли со злостью, то ли с горечью — он и сам не разобрал.

Даже теперь, в нелегкое для нее время, Ассинджа смогла сохранить достоинство. С гордо поднятой головой пришла она искать помощи у некогда отвергнутого ею Ездигерда.

— Государь! — обратилась она к правителю, и ее голос звучал взволнованно. — Я осмелилась прийти к тебе только потому, что… не в силах более вынести этой неизвестности, — Ассинджа говорила прерывисто. — Мой муж… Тот, кто служил тебе верой и правдой, сейчас в плену, — в отчаянии ее руки взметнулись к лицу. — Разве не дорог тебе Зулгайен, что ты совсем позабыл о нем… Оставил дожидаться смерти…

Ездигерда будто передернуло. Но он совладал со своими эмоциями или же только сделал вид, что совладал.

Что ни говори, но правитель не должен показывать своим поданным, какие чувства и сомнения одолевают его.

— Я и слышать ничего не желаю о Зулгайене! — едва не срываясь на крик, отозвался Ездигерд. Глаза его гневно сверкнули.

Ассинджа, недоумевая, глядела на правителя.

— Меж твоих подданных не найдется человека, которому ты смог бы доверять больше, нежели Зулгайену, — уверенно произнесла она. — Ты всегда признавал это.

Зулгайен предал меня, — жестко сказал Ездигерд.

— Нет же! — в сердцах воскликнула Ассинджа. — Кто угодно, только не он!

Ездигерд выдавил из себя хриплый смешок.

— Твой драгоценный муж продался вендийцам. И вовсе не в темнице он сейчас, а в палатах королевского дворца в Айодхье. Ты пришла ко мне просить за него. Только вот сам Зулгайен, в объятиях вендийских девок, давно уже позабыл о тебе!

— Это неправда!

Правда — то, что он предал тебя, равно как и меня, — холодно произнес Ездигерд.

Ассинджа, отрицая, покачала головой.

— Зулгайен верен…

Но она не успела договорить — правитель резко перебил ее.

— Верен?! Да что женщина может знать о верности?! — из его горла вырвался горький смех.

— А что можешь знать о верности — ты?! — твердым голосом спросила Ассинджа.

Ездигерд почувствовал, как что-то сильно сдавило ему сердце.

— Нет! Я знаю, это не Зулгайен продался вендийцам, — решительным тоном продолжала Ассинджа. — А ты… ты — жрецам!

— Прочь с моих глаз! — не выдержав, закричал Ездигерд. — Не то я отправлю тебя на виселицу!

— На виселицу?! — усмехнулась Ассинджа. — С каких пор ты стал казнить знать?!

— Ты жена предателя. А от титула ничего не останется, как только веревка палача коснется твоей шеи!

— Как же ты глуп, Ездигерд! Мне даже жаль тебя.

— Прочь! — взревел правитель. Ассинджа издала легкий смешок и быстрым уверенным шагом направилась к двери.

Ездигерд тяжело вздохнул. Сделал небольшой глоток вина из златокованой чаши, которую по-прежнему держал в правой руке. И пустым, бесцельным взглядом уставился прямо перед собой.

Ширин стояла подле него. Ее глаза сверкали гневом. Руки инстинктивно сжались в кулаки, и костяшки пальцев побелели. Казалось, она готова была, словно дикая кошка, наброситься на Ездигерда и разорвать его в клочья. Так она стояла в течение нескольких долгих мгновений. А потом, вдруг громко фыркнув, медленной полной грации походкой подошла к самой кромке бассейна. Скинула с себя шелковый хитон и нагишом прыгнула в воду.

Глава IV
«Встреча с Дэви Жасминой»

Когда Конан наконец, после бесконечной, утомительной скачки, вошел в огромные, окованные медью ворота Айодхьи, был полдень, жаркий и удушливый.

На узеньких, изнывающих от зноя улицах вендийской столицы вовсю кипела жизнь. Громкоголосые торговцы, суетливые рабы, глядевшие на все как будто свысока кшатрии, пугливые парии. Коню Конана пришлось пробираться сквозь уличную толпу едва ли не черепашьим шагом, чтобы ненароком не сбить какого-нибудь зазевавшегося прохожего.

Конан намеревался отправиться прямо к королевскому дворцу. Ему давно уже не случалось бывать в Айодхье, и, признаться, бесконечные петляющие улицы, огромные, увенчанные фонтанами и каменными изваяниями площади, неприступные башни, пышные дворцы и вздымающиеся к самому небу храмы чуть не сбили его с толку.

Королевский дворец располагался на самом высоком холме и потому виден был из каждого, даже самого отдаленного уголка Айодхьи. Видел его и Конан, только вот никак не мог отыскать к нему верный путь. И, быть может, так и вовсе отчаялся бы добраться до него, если бы ему не помог встреченный на одной из площадей старик-вайшья.

Со всех сторон королевский дворец окружала толстая высоченная стена. У позолоченных ворот стояли вооруженные стражники. После долгой дороги и затем утомительных блужданий по раскаленному от прикосновения беспощадных солнечных лучей городу Конану теперь меньше всего хотелось вступать в объяснения со стражниками. Одолеть достигавшую в высоту не менее сорока локтей стену представлялось невозможным. Да и довольно-таки странным было бы будто какому-то вору перелазать через стену тому, кого приглашала во дворец сама Дэви. Тем не менее, в своем послании правительница Вендии подчеркивала, что лучше бы варвару прибыть во дворец тайно, не называя себя, и он предпочел бы послушаться этого совета…

Так как же лучше поступить?

И тут Конан увидел молодую женщину, вышедшую из ворот и теперь направлявшуюся в его сторону. Надо сказать, что впервые он заметил ее еще некоторое время назад у храма Асуры. Меж остального городского люда она заметно выделялась роскошным одеянием, драгоценными украшениями и горделивой осанкой, хотя и не была похожа на благородную даму. Тогда, у храма, от внимания киммерийца не смог ускользнуть и обращенный к нему взгляд незнакомки. Она смотрела на Конана с неестественным любопытством, и при этом ее взгляд был преисполнен некой интимной доверительности, будто без слов она пыталась объяснить ему, что посвящена в какую-то тайну.

Наконец, женщина приблизилась к киммерийцу.

— Ты — Конан? — шепотом, словно опасаясь, что кто-то третий может подслушать их, спросила она.

— По крайней мере, другого Конана не знаю! — тоже тихо, хотя и несколько резко ответил киммериец.

Вендианка облегченно вздохнула, а в глазах ее промелькнули торжествующие искорки.

— Я проведу тебя во дворец, к Дэви, — прошептала она.

Конан недоверчиво прищурился.

— И только для того, чтобы сообщить мне об этом, ты следила… — с сомнением в голосе начал было он, но незнакомка не дала ему договорить.

— Я служу Дэви Жасмине. Вот погляди! — Она чуть приподняла правую руку, и на длинных, ухоженных пальцах, отражая солнечный свет, блеснули золотые кольца. Женщина указала на одно из них, широкое, с замысловатым рисунком. — Это печать Дэви. Теперь-то ты веришь мне? — Она заглянула своему собеседнику в глаза.

— Но разве я не могу сам отыскать Дэви? — Тон Конана по-прежнему выражал недоверие, хотя взгляд его синих глаз все же слегка смягчился.

Губы вендианки задела незлая усмешка.

— Как же ты собираешься пройти во дворец?!

— Через ворота, — невозмутимо ответил Конан.

— Однако ты не спешишь к ним, — произнесла она; усмешка все еще не покидала ее полных губ. — Что ж! Ты уверен, что стражники пропустят тебя внутрь?!

— Почему бы и нет?! — Конаном овладело справедливое возмущение. — Меня пригласила во дворец сама Дэви.

— Это верно, — согласилась вендийка, — но сомневаюсь, что правитель Джайдубар будет рад принять тебя во дворце. А ведь стражники подчиняются только ему. Послушай меня, Конан, — с расстановкой сказала она, и ее голос звучал мягче обычного, — Дэви Жасмина ждет тебя. А мы стоим здесь и теряем время, предаваясь глупому спору. Пойдем!

И то ли тон незнакомки был слишком убедителен, то ли сам киммериец чуть поостыл, но он не заставил более себя упрашивать.

— Пойдем!

Женщина удовлетворено улыбнулась.

— Скажи мне, как звать тебя, проводница? — уже более приветливо, и даже позволив непринужденной, дружелюбной улыбке коснуться своих губ, спросил ее Конан.

— Танар, — ответила она. И, не мешкая, направилась к позолоченным воротам.

Взяв коня за поводья, Конан последовал за ней.

Танар стоило только, взглядом коснувшись своего спутника, сказать стражникам: «Этот человек со мной», как те без единого вопроса пропустили Конана через ворота.

Королевский дворец был великолепен. Огромные из белоснежного алебастра купола искрились в лучах яркого полуденного солнца. Внизу, цокольную часть стен облицовывал голубой глазурованный кирпич. По краям фасада строение вздымалось продолговатыми террасами с фланкируемыми базальтовыми изваяниями портиками. К перекрытому монументальной аркой входу во дворец вела широкая выложенная гранитом дорога, с обеих сторон которой пролегали пальмовые аллеи. Ближе к стенам были устроены пруды. По бокам дворца возвышались узкие алебастровые башенки, в высоту достигавшие вершины самого большого купола.

Конан и Танар прошли вдоль по гранитовой дороге. И уже приблизившись к самому дворцу, но вошли в центральный вход, а свернули направо. Обогнули строение и очутились в небольшом внутреннем дворике, каких — про себя отметил Конан — здесь должно было быть несколько. К ним подбежал полуголый, темнокожий раб. Танар велела ему позаботиться о коне высокочтимого гостя. Тот услужливо поклонился и, взяв животное за узду, повел в конюшню.

Танар и Конан направились к маленькой выходившей во дворик двери. Войдя в эту

дверь, они поднялись по высокой лестнице, крутые ступени которой киммерийцу приходилось только угадывать, ибо после ярких солнечных лучей лишенное окон и почему-то вовсе не освещенное, это место показалось ему мрачнее всякого подземелья. Танар же поднималась уверенно, видимо, ей не столь уж редко случалось проводить по этой лестнице неугодных правителю Джайдубару посетителей, вроде самого Конана. Затем они прошли по узкому коридору с низким, сводчатым потолком и закрепленными на каменных стенах горящими факелами. И, поднявшись еще по одной лестнице, широкой, с мраморными ступенями, миновали огромную сверкающую позолотой арку и оказались в длинной просторной галерее. Солнечные лучи проходили сюда только через специально устроенные для этого отдушины под потолком, но и этого света было достаточно, чтобы позволить взгляду оценить роскошное внутреннее убранство. Стены покрывали алебастровые плиты с высеченными на них раскрашенными рельефами, а в продолговатых нишах были устроены миниатюрные фонтанчики. Пол был выложен мраморной мозаикой. По краям галереи, словно безмолвные стражники, стояли округлые белоснежные колоны.

— Жди здесь, — сказала Танар и, быстрым шагом пройдя вдоль по галерее, скрылась за сводчатой, инкрустированной камнями разных оттенков дверью.

Конан остался один. Отчего-то на душе у него было неспокойно. Киммериец все еще сомневался: мог ли доверять Танар? Не мог понять, почему он вынужден скрываться от Джайдубара? Чем вызвал немилость того?

Внезапно Конан почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд, будто кто-то украдкой наблюдал за ним. Ощущение это было настолько сильным, что инстинктивно напрягся каждый мускул, каждый нерв киммерийца. Конан внимательно осмотрелся, но не обнаружил ничего подозрительного. Между тем беспокойство, овладевшее им, нарастало все с большей силой. Создавалось неясное впечатление, словно все вокруг было подчинено какому-то сдерживаемому волнению.

И тут чуткий слух Конана уловил звуки неразборчивого бормотания. Он силился разобрать, Откуда доносились эти звуки, но у него ничего не получилось — сама акустика помещения каким-то неведомым образом не позволяла этого.

Конан решил не бездействовать. Медленным шагом он прошелся вдоль стен. Пригляделся: не было ли где щели, сквозь которую кто-то, невидимый ему, мог наблюдать за киммерийцем. Такая щель — знал Конан — должна была быть почти незаметной. От внимательного взгляда киммерийца мало что могло укрыться. И все же ничего похожего на щель в стене ему обнаружить не удалось.

Конан подошел к двери, через которую совсем Недавно вышла Танар. Прислушался, и не уловив за дверью никаких звуков, осторожно открыл ее. Выждал какие-то мгновения и лишь тогда прошел в нее. Перед ним была другая галерея, похожая на первую, только в стенах вместо редких ниш с миниатюрными фонтанчиками здесь были дверные проемы — всего три. А с другой стороны пролегала огромная во всю длину галереи лоджия с алебастровой балюстрадой.

Одна из дверей, самая отдаленная от Конана открылась, и оттуда вышли две женщины. Одна из них была Танар. Другая… сама Дэви Вендии Жасмина.

Казалось, что годы не изменили ее. Тело по-прежнему было гибким и стройным. В огромных черных глазах горел тот же неутомимый огонь жизни. Как и прежде волнительно вздымалась грудь под шелковыми одеяниями. Разве что более зрелой стала ее красота.

Наверное, Конану нужно было почтительно поклониться — все же перед ним была

Дэви! Но он этого не сделал.

Жасмина приветливо улыбнулась ему.

— Спасибо тебе, что приехал! — тихим, мягким голосом сказала она и нежно коснулась руки гостя. — Пойдем в мои покои. Там мы сможем обо всем поговорить. — Затем она обратилась к Танар: — Останься здесь и следи, чтобы никто нас не побеспокоил.

Танар с подчеркнутой учтивостью склонила перед своей госпожой голову.

А Жасмина медленной, полной грации — воистину королевской грации — походкой прошла к той самой двери, из которой только что вышла, и скрылась за ней. Конан следовал за Дэви. Они вошли в просторную, с богатым убранством комнату. Дэви Жасмина указала Конану на громадное, обитое темно-синим бархатом кресло у левой стены.

— Садись, — сказала она. И когда Конан опустился в предложенное ему кресло, Дэви, оставаясь стоять, сдавленным, прерывающимся голосом произнесла:

— Извини, если я покажусь тебе не слишком дружелюбной. Но… я сейчас не могу думать ни о чем, кроме как… — она не договорила, а только судорожно сглотнула, глаза ее заволокла пелена слез. — То, что случилось — ужасно! Моя дочь… Насинга… похищена. Я не знаю, где она, что с ней… Говорят, ее похитили туранцы. Будто бы Ездигерд хочет вернуть своего полководца Зулгайена. Однако… он почему-то не ответил на послание Джайдубара. — Ее руки отчаянно взметнулись вверх, ладони коснулись висков. — Что же теперь будет?! Почему Ездигерд молчит?! И я, и Джайдубар согласны освободить Зулгайена хоть сегодня, лишь бы нам вернули маленькую Насингу. А что если она уже… — и снова не договорив, Жасмина вдруг замолкла. Из ее глаз хлынул поток слез. — Нет! Нет! Я не должна даже думать об этом! Не должна! — она вытерла ладонью слезы на щеках и, громко всхлипнув, беспомощно посмотрела на Конана. — Но зачем еще Ездигерду могло понадобиться похищать Насингу, если не для того, чтобы вернуть своего полководца?!

— Или… может быть, он надеется таким образом заполучить западные провинции Вендии? Без боя, без крови. Как это низко! — презрительно сузив глаза, Дэви царственно выпрямила спину и сжала кулаки так сильно, что побелели костяшки пальцев.

В этот момент дверь в комнату плавно открылась, и, покачивая крутыми бедрами, вошла молоденькая девушка-рабыня. В руках она держала широкий поднос, на котором стояла посуда с различными кушаньями. Рабыня не спеша выставила все на стол из светлой яшмы, наполнила красным вином высокую золоченую чашу, и в ожидании приказаний замерла.

— Оставь нас, — обратилась к ней Дэви Жасмина.

Девушка услужливо поклонилась и. торопливым шагом вышла из комнаты.

— Угощайся! — жестом Дэви указала на приготовленный рабыней стол. — Наверное, ты голоден?!

Конан молча кивнул и, подвинув кресло ближе к столу, безо всяких подобающих случаю церемоний набросился на еду.

Дэви Жасмина наблюдала за ним с застенчивым, сдерживаемым укором во взгляде. Ее охватывали смешанные чувства. Нынешние манеры Конана смущали Дэви. Но при этом еще больше смущала ее собственная нетерпимость к ним. Ибо, какими бы ни были его манеры и привычки, она, Жасмина, знала, — чувствовала это! — что по-прежнему могла довериться Конану, как никому другому, могла рассчитывать на его помощь.

— И ты совершенно уверена, что маленькую принцессу похитили туранцы? — спросил гость, проглотив очередной кусок сочной жареной баранины.

Дэви озадаченно покачала головой.

— Нет, — нерешительно произнесла она. — И чем дальше, тем все сильнее сомнения одолевают меня. Но кому еще, — Дэви Жасмина вдруг повысила голос, — могло понадобиться похищение Насинги?!

— Этой ночью я разговаривал с отшельником из пещеры Йелай, — спокойным, ровным голосом начал Конан. — Он уверил меня, что Ездигерд никоим образом непричастен к похищению принцессы.

— Он так сказал? — задумчиво произнесла Дэви Жасмина. И, казалось, в ее взгляде промелькнула слабая тень надежды. — Когда умер мой брат Бунда Чанд, я встречалась с йелайским отшельником. Это он рассказал мне о том, что в смерти молодого правителя повинны были черные колдуны горы Имш, — ее голос дрогнул. — Ему… Ему известно что-то о моей дочери? Говори же, не молчи! — торопила она Конана.

— Отшельник уверен, что и в этот раз не обошлось без колдовских сил, — осторожно сказал киммериец.

Жасмина отчаянно вскрикнула и прикрыв лицо ладонями, принялась что-то тихо, почти про себя, бормотать. А потом, опустив руки, засмеялась, не весело, а так, словно с трудом сдерживаемое рыдание.

— Колдовские силы?! Колдовские силы?! Я проклята! Сначала был мой брат, теперь — дочь?! — в уголках ее больших черных глаз снова выступили слезинки. О, всевидящий Асура, — она поглядела наверх, — почему ты оставил меня?! В чем я виновата?! В чем?!

Вдруг стремительно открылась дверь, и в комнату на мгновение заглянула Танар, взволнованная, даже испуганная, с расширившимися глазами и приоткрытым ртом, как будто силилась сказать что-то, но голос застрял у нее в горле.

Чья-то унизанная огромными золотыми перстнями рука властно схватила женщину за плечи и потянула назад, в галерею.

Как только Танар исчезла, на ее месте в сводчатом проеме двери появился высокий, стройный мужчина. Он был молод и красив. Держался величественно. А светлые просторные одеяния его были сшиты из дорогой ткани. Мужчина глядел на Конана, и его взгляд, казалось, не сулил ничего хорошего.

— Джайдубар! — в смешении удивления, растерянности и некоторого испуга воскликнула Дэви Жасмина.

На миг разъяренный взор мужчины метнулся в ее сторону, а затем снова вернулся к Конану.

— Это и есть… тот пресловутый варвар?! — жестко спросил он.

— Это мой друг, — ответила Жасмина, и, если поначалу ее голос чуточку дрожал, то сейчас она говорила уверенно и невозмутимо. — Его зовут Конан.

— Мне незачем знать его имя! — холодно отрезал Джайдубар. — Что он делает в твоих покоях, Жасмина?

— А что здесь делаешь ты?! — не без насмешки спросила Дэви. Лицо Джайдубара потемнело.

Я твой муж. Но ты, наверное, уже забыла об этом, раз позволяешь себе приводить сюда… неотесанных варваров?! — его глаза сверкали гневом.

Все это время Конан с удивительной невозмутимостью продолжал свою трапезу. Однако последние слова правителя настолько задели его, что, не выдержав все же, он в ярости вскочил из-за стола. В несколько молниеносных прыжков достиг своего обидчика и, крепко схватив его за плечи, хорошенько потряс, не то чтобы со всей силы — он пощадил мужа Дэви

— но, казалось, тому хватило и этого.

— В следующий раз, если надумаешь отпустить в мой адрес какое-нибудь замечание, советую тебе придержать язык за зубами! — негромко, но решительно произнес он. — Иначе, клянусь Кромом, я не отвечаю за себя! Запомни, я не вендиец, а потому не обязан подчиняться тебе!

Киммериец отпустил хватку, и Джайдубар, покачнувшись, отскочил назад.

Правитель нахмурился, еще больше потемнел лицом и что-то прохрипел.

Дэви стояла неподвижно, и только смущенно поглядывала на мужа.

Конан же возвратился к столу и с прежним рвением набросился на пищу.

Правитель быстрым шагом подошел к медному гонгу и уже, видимо, собирался ударить по нему, дабы призвать стражников, как его остановила взволнованная Жасмина

— Джайдубар! — она подбежала к мужу, упала перед ним на колени и с мольбой прошептала: — Прошу тебя, не делай этого! Конан приехал к нам как друг! Друг — и мне, и тебе! Я позвала его, прося о помощи. Отыскать нашу дочь. Насингу.

Во взгляде правителя на миг промелькнуло недоверие. А затем его место заняло смятение. Долго и неотступно глядел Джайдубар на стоявшую перед ним на коленях жену, но при этом будто вовсе и не замечая ее. Его лицо искривила гримаса мучительной боли.

— Найти Насингу, — дрожащими губами пробормотал он — Думаешь, ему это под силу?

— Да! Он один сумеет отыскать ее! — взволнованно, повышая голос почти до крика — до отчаянного крика, отвечала Жасмина. В безумном неистовстве она принялась целовать полы мужниной одежды. Лицо Дэви было мокро от слез.

Джайдубар вдруг выпрямился и решительным тоном произнес;

— Тогда пусть он, — его взгляд скользнул в сторону киммерийца, — отправляется на поиски Насинги. Но ни дня лишнего не задержится здесь, во дворце! Если он преуспеет, мы вознаградим его. Если же нет — я никогда более не желаю слышать его имени!

Услышав это, Конан усмехнулся — не слишком-то он и нуждался в «благословении» правителя и, тем более, не страшился его угроз! — но все же ничего не сказал.

Джайдубар повернулся к двери и твердым шагом вышел прочь.

Жасмина все еще стояла на коленях и плакала навзрыд. К ней подбежала взволнованная Тамар (пока правитель находился в покоях Дэви Жасмины, дверь туда была открыта, и она из галереи могла наблюдать все происходившее), ласково обняв свою госпожу, помогла ей подняться, усадила на мягкий, накрытый выделанной шкурой пантеры пуф и при этом ни на миг не переставала шептать что-то ласковое.

Конан не вмешивался, больше всего на свете он не любил успокаивать плачущих женщин. Хотя… надо признать, не мог без щемящей сердце боли слушать их рыдания. Он был сильным, бесстрашным, порой даже грубым, но все же — человеком. Вот и сейчас, находясь рядом с Жасминой, Конан чувствовал, будто что-то все мучительнее сжимало ему грудь.

Но, к счастью, Дэви постепенно успокаивалась. Лишь тихие всхлипывания порой вырывались из ее горла, да редкие слезинки медленно спускались по бледным щекам. Танар все еще обнимала ее и тихо что-то нашептывала. Когда же Жасмина совсем пришла в себя, Танар тактично удалилась, осторожно прикрыв за собой дверь.

— О чем же еще рассказал тебе йелайский отшельник? — сдавленным голосом спросила Дэви, напряженно вглядываясь в лицо своего гостя еще не высохшими от слез

глазами.

Конан собрался с силами и со всем нашедшимся в себе спокойствием произнес:

— Он просил вызволить Зулгайена.

Глаза Жасмины расширились, задрожали губы. Теперь Дэви глядела на Конана недоверчиво и возмущенно.

— Я доверяла тебе! — она не кричала, но ее голос был резок, как никогда. Казалось, от нее за лигу веяло сдерживаемой яростью. — Вот почему ты уверял меня в непричастности Ездигерда. Ты с ним заодно. И, ко всему прочему, имеешь дерзость ссылаться на отшельника из пещеры Йелай! Неужели я была настолько слепа?! — она хрипло рассмеялась.

— О, Кром! — взревел Конан. — Клянусь, мне плевать и на Ездигерда, и на Зулгайена! Ты просила меня о помощи — только поэтому… — он испытующе посмотрел на Дэви Жасмину, — только поэтому я здесь, в Вендии, — его тон был убедителен. — В Химелийских горах меня преследовала какая-то крылатая тварь с человеческим лицом. А потом… потом я очнулся в пещере Йелай. Старый отшельник сказал, что нашел меня в ущелье, почти мертвого, выходил, исцелил. Если бы не он, ты бы сейчас вряд ли могла видеть меня живым.

— Но причем здесь туранский полководец? — срывающимся от волнения голосом спросила Дэви.

— Сам не знаю, — откровенно ответил Конан, и в его голосе прозвучала досада. — Старик обещал помочь отыскать маленькую принцессу. И я ему верю… Зачем же ему понадобился этот пленный Зулгайен — понятия не имею.

— Мне так хочется тебе верить, — мягко произнесла Дэви Жасмина, — Но я… я не могу!

В этот момент за дверью послышался негромкие, еле различимые звуки какой-то возни. Дэви, наверное, ничего не заметила. Конана же Не мог подвести чуткий слух. Он напрягся. И скоро все доносившиеся из галереи звуки перекрыл отчаянный вскрик Танар, тоже не очень громкий — приглушенный, как если бы кто-то зажимал ей ладонью рот. Но это продолжалось совсем недолго — какие-то считанные мгновения. Конан не успел даже достигнуть двери, когда вопль уже затих.

Конан ворвался в галерею. И первое, что он увидел, это лежавшую на мраморном полу Танар. Левое плечо женщины истекало кровью. Она хрипло дышала и беспрестанно шевелила губами, будто силилась что-то сказать, но ей это не удавалось. Ее немощное тело охватила судорога.

Вдоль по галерее, боязливо озираясь по сторонам, бежал невысокий худощавый человек. Не теряя времени, Конан бросился вслед за ним. Позади себя он услышал громкий испуганный крик Дэви Жасмины. Она тоже выбежала из покоев и, найдя свою подданную истекающей кровью, взывала о помощи. Конан тем временем миновал сводчатую, инкрустированную камнями дверь и снова очутился в той самой галерее, где около часа назад был оставлен Танар дожидаться Дэви.

Он внимательно осмотрелся, в галерее никого не было. Но преследуемый им человек прошмыгнул сюда, через эту самую инкрустированную дверь — Конан мог поклясться, что видел это. Добежать же до противоположной двери вдоль невообразимо длинной галереи всего за несколько мгновений было бы не по силам даже для самого быстроногого бегуна. Невозможно было усомниться в том, что человек, ранивший Танар, притаился где-то здесь, в галерее.

И тут, как мимолетный проблеск, Конану вдруг показалось — или же он это отчетливо увидел?! — что на одной из колон чуть двинулась алебастровая плита. В два или три быстрых прыжка он достиг колонны. Обнажил меч и поддел им плиту. Легко поддавшись, та отошла.

Два горящих в темноте глаза встретили Конана перепуганным взглядом. Внутри полой колоны стоял немолодой темнокожий мужчина, судя по всему — раб. Трусливо сжавшись, весь дрожа, словно лист на ветру, он глядел на своего преследователя широко раскрытыми от ужаса глазами. Меч киммерийца уперся в грудь раба.

— Кому ты служишь?! — яростно заорал Конан. — Ну же! Отвечай, скотина!

Раб открыл рот и намеревался уже было что-то сказать, но вместо слов из его глотки вырвался только какой-то не членораздельный хрип.

— Ты следил за мной? — жестко спросил его киммериец.

Тот снова что-то прохрипел и принялся безудержно трясти головой.

— И собирался подслушивать под дверью Дэви? Да не трясись же ты!

Свободной рукой Конан схватил раба за плечо.

— Я… я клянусь… что ничего не слышал, — прерывающимся голосом ответил темнокожий, — Клянусь… ничего!

— Кому ты служишь?! Джайдубару?! Раб затрясся пуще прежнего.

— Отвечай! — неистово взревел Конан. — Или я прикончу тебя на месте! Кто приказал тебе следить за мной?! Джайдубар?!

Его меч сильнее прижался к груди темнокожего.

— Нет! Нет! — вопил раб. — Не правитель Джайдубар. Это…

И тут в его глазах промелькнуло что-то — испуг или даже… Конан успел только услышать тихий свист у своего уха и почувствовать какое-то дуновение, когда вдруг из глотки раба вырвался душераздирающий вопль.

В самом основании жилистой, почти черной шеи торчал короткий дротик. Худое морщинистое лицо раба в одно мгновение исказила гримаса невыносимой боли. В широко раскрытых глазах навечно застыл предсмертный ужас. Конан уже было сорвался с места, чтобы догнать неизвестного, который метнул дротик, но тут же остановился. Просто внимательно осмотрелся. Вокруг никого не было. К тому же, все говорило о том, что дротик, вонзившийся в шею темнокожего раба, был выпущен со стороны двери, той, что вела в следующую галерею.

Там сейчас были Танар, Дэви Жасмина… и еще невесть сколько народу могло сбежаться на крик Дэви?! Убийце хватило бы ума, чтобы тут же скрыться меж суетливого дворцового люда. Вычислить же его представлялось почти невозможным. Однако кто-то же бросил дротик?! Причем бросил его с невероятной меткостью, ибо — отметил Конан — совсем ничего и жертвой с легкостью мог бы оказаться он сам. Впрочем, быть может, именно он и был желаемой мишенью?

Конан обернулся к рабу. Безвольное тело медленно сползало по внутренней стенке полой колонны. Высунув из шеи мертвого дротик, Конан тщательно вытер его от крови и спрятал за своим плащом.

Затем он подбежал к двери, приоткрыл ее. В галерее никого — совсем никого — не было. Ни одной живой души. Только в том месте, где лежала раненая Танар, на мраморном, выложенном мозаикой полу красным пятном выделялась лужа крови. Конан направился к покоям Дэви.

Глава V
«Принц Шэриак»

Внутри Жасмины не оказалось. Но вместо нее Конана встретил высокий пожилой мужчина. Его светлое, уже основательно тронутое сетью морщин лицо было гладко выбрито. Небольшие темные глаза под густыми бровями глядели холодно, однако с тонких бледных губ ни на миг не сходила улыбка.

Просторные одеяния незнакомца были сшиты из тончайшего шелка природного цвета. Покрывавший голову белоснежный тюрбан украшал невообразимо громадный оправленный золотом изумруд. Длинные костлявые пальцы были унизаны драгоценными, искуснейшей работы перстнями.

Скрестив на груди руки, незнакомец почтительно склонил голову. Про себя Конан не преминул отметить, что вендийцу благородного происхождения (а человек, стоявший перед ним, производил именно такое впечатление) не пристало кланяться перед простолюдином, даже, — ха-ха! — если простолюдин этот требовал к себе самого почтительного обращения!

— Принц Шэриак, — представился мужчина, и его голос был звучен и певуч.

Конан же ничего не ответил. По правде говоря, ему приходилось кое-что слышать о принце Шэриаке. Не слишком много, но достаточно для того, чтобы сложить о нем уверенное и далеко не самое лестное мнение.

Конан глядел на Шэриака с явным недоверием. Хотя, казалось, того это ничуть не смущало. С его губ по-прежнему не сходила доброжелательная улыбка.

— Я много слышал о твоих подвигах, Конан, — произнес принц, то ли с восхищением, то ли с унизительным снисхождением. — И признаюсь, давно мечтал познакомиться с тобой. Как жаль только, — уголки его губ плавно опустились, — что этой встрече суждено было случиться именно теперь, когда туранцы похитили нашу малышку Насингу.

Тут Шэриак выдал целую тираду по поводу пропажи маленькой принцессы. Жалел правителя Джайдубара и Дэви Жасмину. Ругал Ездигерда и всех туранцев вместе с ним. Потом вдруг вспомнил о раненной Танар. И беспрестанно говорил, говорил, говорил.

Конан слушал его невнимательно. И в голове у него не укладывалось, как благородный вендийский принц мог быть столь болтливым. За все время сам Конан не проронил ни слова, однако создавалось впечатление, что Шэриак вовсе и не замечал этого, он то и дело обращался к гостю Дэви Жасмины, будто тот был наилюбезнейшим собеседником.

Так продолжалось, пока не появилась сама Дэви.

Когда она увидела Шэриака, ее лицо просветлело, губы задела ласковая улыбка.

— Дядя! Я совсем не ожидала встретить тебя здесь, — мягко произнесла она. Потом обратилась к Конану: — Извини, что заставила себя ждать? Я не могла оставить Танар. — Ее глаза заволокла пелена слез. — Бедняжка! Из раны вытекло так много крови… Слава Асуре, что она осталась жива!

— Рана не очень серьезная, — тихо заметил Конан. — Тот, кто наносил удар, явно просчитался.

— Но… — голос Дэви оборвался от волнения. — Это так ужасно! Не понимаю, кому понадобилось подслушивать наш разговор?! Я хотела скрыть все от Джайдубара. Но после

того, как… Нет, я уверена, это был человек не Джайдубара! — Она решительно сжала кулаки. — Кому же еще надо было подслушивать нас?!

Конан издал легкий смешок, но ничего не ответил.

— Во дворце творятся чудовищные вещи, — многозначительно кивая головой, изрек Шэриак.

Жасмина грустно улыбнулась.

— Я же совсем забыла! — вдруг спохватилась она. — Наверное, вы уже успели познакомиться?! Конан, — ее глаза встретились с глазами своего гостя, — дядя Шэриак в курсе всех моих дел. Я доверяю ему, как никому другому во дворце. Мне бы очень хотелось, чтобы он стал и твоим другом.

От слов Дэви Жасмины внутри киммерийца все кипело.

Шэриак — другом?! Нет! Сначала небо должно будет обрушиться на землю!

— Если бы не поддержка дяди, я, быть может, так и не решилась бы обратиться к тебе за помощью, — тихим, мягким голосом продолжала Жасмина. — Джайдубар отчаянно противился твоему появлению в Айодхье. Хотя… — она задумалась и затем, еще более понизив голос, произнесла: — Откровенно говоря, не знаю даже в чем причина его неприязни к тебе…

На лице Шэриака появилась вдруг злорадная ухмылка, так смело обнажившая его истинную сущность, что наблюдавший за ним Конан едва сдержал гневное возмущение.

Однако, как скоро принц обнаружил на себе неотступный суровый взгляд королевского гостя, ухмылка мгновенно покинула его лицо, а вместо нее снова нарисовалась полная ледяной притворной любезности улыбка.

— Правитель слишком горяч, — сказал он. — Ты должна быть терпимей к нему, девочка моя Джайдубар твой муж, и об этом не следует забывать.

— Но, дядя! — воскликнула Дэви Жасмина. — Всем во дворце известна правда о наших с ним отношениях. Я согласилась стать женой Джайдубара только потому, что между всех остальных претендентов на мою руку, — она грустно усмехнулась, — и на вендийский престол, разумеется, он показался мне наиболее подходящим человеком. Джайдубар умен, искренен, дальновиден, прекрасно образован. И я нисколько не ошиблась в нем! — решительно произнесла она. — Джайдубар умело властвует. Лучшего правителя для Вендии трудно было бы отыскать! Я уважаю Джайдубара. Но… любить?! Нет! Я не смогла бы любить его!

Дэви Жасмина бросила в сторону Конана быстрый смущенный взгляд. Тотчас же опустила глаза. И несколько мгновений стояла в молчаливой задумчивости. Потом, снова взглянув на Конана, обратилась к нему:

— Так что же тебе известно о Насинге? Что сказал йелайский отшельник? — От волнения ее голос чуть дрожал.

Конану не особенно хотелось рассказывать о чем-либо в присутствии принца Шэриака. Дэви будто угадала его мысли. Взгляд ее черных глаз сделался жестче.

— Если я стесняю твоего друга, Жасмина, — все с той же притворной доброжелательностью вмешался Шэриак, — я могу оставить вас вдвоем. Меня это вовсе не оскорбит.

— Нет, — твердо ответила Дэви. — Тебе незачем уходить, дядя.

Глаза Конана холодно блеснули. Киммериец с трудом сдержался, чтобы не отпустить в адрес принца грубое замечание.

— И все же мне лучше покинуть вас, — как будто бы даже с некоторой опаской пробормотал Шэриак, пятясь к сводчатой двери.

В обращенном к киммерийцу взгляде Дэви Жасмины читался немой укор. Конан с нарочитой безучастностью отвел глаза в сторону. Он не собирался останавливать Шэриака.

Когда за принцем закрылась дверь, Дэви, негодуя, воскликнула:

— Как ты мог?! Ты вел себя с Шэриаком непростительно грубо!

— Чего же ты не бежишь успокаивать своего драгоценного дядюшку?! — с гневной насмешкой в голосе спросил Конан. — Не сомневаюсь, что он все еще стоит под дверью.

— Не смей говорить о нем в таком духе! Шэриак заслужил мое доверие, — с искренней убежденностью говорила Дэви Жасмина. — Он помогает мне…

— Помогает?! — перебив ее, усмехнулся Конан. — Ха! Ну, если все поступки принца Шэриака, о которых я только слышал, воспринимать, как помощь тебе… О, Кром! Жасмина, ты сильно заблуждаешься! Шэриак — вовсе не тот, кому стоит доверять!

— Я не могу поверить, что слышу это от тебя, Конан, — с горечью произнесла Дэви. — О Шэриаке ходит много толков. Но, уверяю тебя, все это не более чем, происки его недругов!

— Послушай, Жасмина, — с расстановкой начал Конан, и тон его был примирителен, — Твой дядя мне очень неприятен. Я не скрываю этого, потому что не выношу фальши в отношениях между людьми. Ты утверждаешь, что никогда не сможешь полюбить Джайдубара. Я понимаю тебя и не осуждаю. Почему же ты не можешь просто, без всяких обид, принять мое недоверие к Шэриаку?! — Конан испытующе смотрел на Жасмину. — Клянусь Кромом, что мое отношение к твоему дяде никоим образом не вынудит меня оставить поиски принцессы Насинги!

Дэви не могла усомниться в искренности его слов. Уголки ее полных губ приподняла нежная улыбка.

— Я знаю это, Конан, — тихим голосом произнесла она. — Но мне так хотелось, чтобы ты и Шэриак стали друзьями. Прости, если я чем-то обидела тебя!

Вместо ответа киммериец дружелюбно улыбнулся;

— Так, что же о Насинге? — осторожно спросила Жасмина.

— Отшельник из пещеры Йелай обещал помочь отыскать маленькую принцессу, — ответил он. — Однако, когда мы с ним разговаривали этой ночью, он еще не мог ничего определенно сказать. Я обещал, что вернусь к нему сразу же, после встречи с тобой. Но… — голос Конана ничуть не дрогнул, — отшельник будет ждать меня вместе с Зулгайеном.

— Так значит, все-таки Зулгайен? — в голосе Дэви Жасмины теперь не было и тени недоверия, скорее, досада. — Боюсь, Джайдубар не согласится освободить туранского полководца.

Конан с молниеносностью пантеры подскочил к двери, открыл ее и, высунув голову в галерею, внимательно осмотрелся по сторонам. Не обнаружив никого поблизости, он снова прикрыл дверь.

Глядя на своего гостя, Жасмина не удержалась, чтобы не издать ироничный смешок, но тут же посерьезнела, видимо, вспомнив о раненой Танар.

— Где вы держите Зулгайена? — вполголоса, ибо по-прежнему не мог быть совершенно уверен в том, что их разговор никто посторонний не подслушивает, спросил Конан.

Дэви, казалось, колебалась с ответом.

Она пристально смотрела на Конана, и ее огромные черные глаза молили его не обмануть ее доверия.

— В башне Желтой звезды, — дрожащим голосом произнесла она. — Боги! — Руки Дэви взметнулись и описали неопределенный жест. — Тебе бы не стоило труда узнать это и без моей помощи.

— Где находится эта башня? — спросил киммериец.

— На восточной окраине Айодхьи, — ответила Дэви Жасмина. И то ли предупредительно, то ли порываясь остановить Конана, добавила: — Ее охраняет не меньше дюжины стражников.

Он весело усмехнулся в ответ.

— Не многовато ли для одного пленного полководца?

— Джайдубар опасается, что туранцы снова возобновят попытки выкрасть Зулгайена. Да и сам этот полководец Ездигерда, насколько мне известно, стоит ста демонов! Сейчас, после полугода заточения в башне, он, наверняка, уже потерял прежнюю силу, но все равно внушает опасение.

Киммериец слушал Жасмину с нескрываемым одобрением. Что бы там ни было, но туранский генерал вызывал в нем самое искреннее уважение. Отшельник из пещеры Йелай не преувеличивал, когда говорил, что Ездигерд не достоин иметь среди своих подданных Зулгайена.

Дэви молчала. Не то чтобы она каким-то образом выражала недовольство, однако и восторженного одобрения тоже не было заметно в ее взгляде.

— Чуть не забыл, — воскликнул тут Конан, засовывая руку под плащ и извлекая оттуда короткий дротик. — Вот этой самой штуковиной убили ранившего Танар человека.

Дэви Жасмина непонимающе глядела на своего гостя.

— Кто его убил? — прерывающимся от волнения голосом наконец спросила она.

— Если бы я только знал! — не без сожаления ответил Конан.

— А кем был убитый? — Жасмина брезгливо покосилась на дротик.

— Темнокожий раб. Он был послан подслушивать под дверью в твои покои. Единственное, в чем он успел признаться, пока некто не кинул в него этот дротик, это что он был послан отнюдь не твоим супругом.

Дэви Жасмина опустила глаза и только безмолвно кивала головой.

— Признаться, я охотно верю этому несчастному, — продолжал Конан. — Чувствую, Джайдубар далеко не самый опасный человек во дворце.

Жасмина подняла глаза и взглянула на него со скептической насмешкой. Ей не стоило труда догадаться, что своей репликой, относительно «самого опасного во дворце человека» Конан бросил камушек в сторону принца Шэриака. Но, дабы избежать еще одного спора, Дэви все же воздержалась от ответа.

Глава VI
«В башне Желтой звезды»

Полночь стояла душная. Темно-синее, почти черное, небо сплошь было усыпано звездами. Полная луна цвета слоновой кости висела низко над землей, у самого горизонта, и оттого невольно создавалось впечатление, будто при желании к ней можно было бы легко прикоснуться рукой.

Конан быстро отыскал башню Желтой звезды. Здесь, на восточной окраине Айодхьи, места были довольно пустынные. Высокая, в несколько ярусов, округлая сторожевая башня, стоявшая на небольшом холме, была заметна издалека. На фоне темного неба четко вырисовывались ее зубцы…

Толстые стены, воздвигнутые из горного базальта, вздымались наклонно и к тому же со всех сторон были окружены густым кустарником, так, что казались совершенно неприступными.

В узких бойницах горел тусклый оранжевый свет. Словно двумя длинными крыльями, от башни отходили некогда охранявшие город, а теперь почти разрушенные каменные стены.

Конан привязал коня к стволу дерева, что росло у подножия холма, а сам поднялся наверх, к башне. Осторожно, чтобы его шаги не услышали стражники, приблизился ко входу, где у высокой железной двери, сидя на корточках, скучал одинокий стражник.

Из бойницы на втором ярусе доносились громкие звуки чьих-то голосов. Спрятавшись, киммериец внимательно прислушался. Это были голоса трех молодых мужчин, причем, судя по всему, выпивших изрядное количество вина.

Однако рассчитывать, что кроме Зулгайена, стражника у двери и троих пьяных на втором ярусе в башне Желтой звезды больше никого не было, Конан не мог себе позволить.

Одним прыжком Конан достиг сидевшего на корточках стражника и прежде, чем тот сумел, очнувшись от своих дум, сообразить, что к чему, мгновенным разящим ударом меча перерубил ему шею.

Хлынул поток крови, снесенная голова стражника полетела к каменной стене, ударившись, словно мячик, отскочила от нее и быстро покатилась по пологому спуску холма. Обезглавленное тело рухнуло на землю и какое-то время все еще билось в предсмертной судороге.

Конан открыл железную дверь. Но вошел не сразу, только после того, как убедился, что внутри ему ничего не угрожает, по крайней мере, в ближайшее время.

Тусклый свет одного-единственного коптящего факела, что был здесь, не позволял глазу разглядеть что-либо и на десять шагов.

Не теряя времени, Конан побежал по короткому, с низким сводчатым потолком коридору к узенькой лестнице, устроенной у самой стены и обвивавшей внутренние помещения башни, подобно спирали.

Он скорее, не заметил, а почувствовал присутствие у лестницы еще одного стражника. Однако, приблизившись, варвар обнаружил, что тот спит.

Из полуоткрытого рта стражника выходило ровное свистящее дыхание. Шаги ночного гостя ни на мгновение не нарушили его крепкий безмятежный сон. Усмехнувшись про себя,

Конан миновал охранника и взбежал по крутой извилистой лестнице.

На втором ярусе башни пролегал точно такой же коридор, что и на первом. Вот только в низких темных стенах в лунном свете, проходившем сюда сквозь узкие бойницы, вырисовывались прорези наглухо закрытых деревянных дверей. За одной из этих дверей находились три пьяных стражника, но за любой другой мог быть упрятан пленный туранский полководец.

Осторожным шагом Конан прошелся вдоль по коридору. Прислушался. Голоса доносились из-за самой дальней от лестницы двери. За другими же никаких звуков не было.

Конан снова поспешил к лестнице, бегом поднялся на третий ярус. Почуяв его приближение, с потолка сорвались две огромные летучие мыши, беспокойно покружили над головой мужчины и затем, громко хлопая крыльями, вылетели через бойницу.

Здесь было всего две двери, и ни за одной из них Конан ничего не услышал.

В маленьком коридорчике четвертого яруса горел прикрепленный к стене факел. Два человека тихо, вполголоса, о чем-то говорили между собой.

Конан оставался на лестнице. Он не мог видеть беседующих, но отчетливо слышал каждое их слово.

— Следовало бы укрепить охрану башни! — Конан без особого труда узнал голос принца Шэриака. Правда, теперь в нем не оставалось и следа от обычной напускной любезности. Шэриак говорил жестко и холодно. — Мне известно, что сегодня ночью здесь должен будет появиться человек Ездигерда. Он намерен вызволить туранского полководца. — Шэриак зло усмехнулся. — Необходимо будет схватить его. Но не торопитесь! Сперва как можно ближе подпустите его к полководцу и уж затем, именем правителя Джайдубара, берите под стражу. Ни в коем случае не упустите его! И не убивайте! Этот человек нужен мне, — тон Шэриака стал еще более жестким. — Ты лично отвечаешь головой!

— Я постараюсь, ваше высочество! — дрожащим от волнения голосом отвечал принцу собеседник, видимо, комендант башни Желтой звезды. — Постараюсь…

— И будьте осторожны! Насколько я могу мыть, этот авантюрист опасен, как сам Нергал! — заметил Шэриак. — Поставьте еще одного стражника у входа в башню.

— Слушаюсь, ваше высочество!

— И вот еще что, — от ледяного голоса принца, казалось, вздрагивали толстые каменные стены. — Мне не нравится, что ты позволяешь своим людям спать на посту!

— Я… не позволяю, — еле слышно пробормотал комендант.

— Какого же демона я нашел поставленного на лестнице стражника беспробудно спящим?! — злобно закричал Шэриак. — Ты должен сегодня же выгнать его!

— Нет, господин! Прошу вас, не принуждайте Меня делать это! — взмолился комендант. — Это мой сын! Он еще молод, неопытен. Это я виноват, что позволял… — он не договорил, только что-то промычал. Потом в отчаянии воскликнул: — Ручаюсь, такое больше не повторится!

Шэриака же его мольбы ничуть не трогали.

— Если оставить его, — без тени сожаления говорил он, — другие не извлекут из этого урок. Любое нарушение дисциплины должно немедленно быть пресечено и жестоко наказано! В любой другой день я бы ни перед чем не остановился, чтобы собственноручно покарать провинившегося. Но сегодня нам потребуются люди. Так что твоему сыну посчастливилось, — из его горла вырвался злорадный ироничный смешок, — иначе он уже

мог бы никогда и не очнуться ото сна.

— Ваше высочество! — молил комендант — Он лишится единственного заработка. Уважения. А ведь у него вся жизнь еще только впереди

— Его можно будет отослать в действующую армию, — ответил Шэриак. — Я лично позабочусь об этом.

— Но, господин… — начал было несчастный отец. Однако принц решительно остановил его:

— С меня хватит твоего нытья! Еще немного, и ты отправишься вслед за сыном!

Комендант в одно мгновение затих.

— Что ж, — снова раздался голос Шэриака. — Надеюсь, ты все уяснил. Теперь проводи меня вниз к выходу. А затем сразу же приступай к своим обязанностям. Человек Ездигерда может появиться здесь в любую минуту. И помни, — твердо сказал он, — чтобы ни было, мое имя не должно упоминаться в этих стенах.

— Я все помню, господин, — ответил комендант, чеканя каждое слово.

Уверенным шагом Шэриак направился в сторону лестницы. Комендант последовал за ним.

Чтобы не попасть на глаза принцу, Конан, не теряя времени, припустил вверх по крутым, неровным ступеням.

— Что это за звуки? — насторожился Шэриак. — Будто кто-то бежал по лестнице.

— Я ничего не слышал, ваше высочество, — ответил комендант. — Может быть, это крысы? Их здесь много.

— Ты держишь меня за дурака, что ли?! — грубо отрезал принц. — Я, к счастью, могу отличить человеческие шаги от крысиных! Слишком уж крупные твари бегают в этой чертовой башне! — Он злобно усмехнулся. — Кстати, где остальные твои люди? Я видел только двоих. Один стоял у входа в башню. Другой, твой сын, — его голос заметно ожесточился, — наверное, все еще спит беспробудным сном!

Комендант пробормотал что-то нечленораздельное.

— Так где же остальные? — повторил Шэриак.

— Все… здесь… в башне, — с трудом скрывая волнение, ответил комендант. И ему было за что волноваться — принц навряд ли был бы доволен, если бы узнал, что трое стражников пьяны. — Я… дал им кое-какие указания… Но, заверяю, ваше высочество, они сейчас же вернуться на свои посты!

Когда их голоса, наконец, затихли, киммериец поспешил к пятому, самому последнему из крытых ярусов. Стены башни Желтой звезды поднимались наклонно, и оттого каждый ярус занимал меньшую площадь, чем предыдущий.

Здесь уже не было уже ни коридорчика, ни даже маленькой площадки. Одна только кованная бронзой дверь во внутренней стене лестничного прохода. Но в том, что именно за ней находился пленный туранский генерал, киммериец нисколько не сомневался. Дверь, разумеется, была заперта. Выбить ее даже для столь сильного человека, как Конан, казалось, было невозможно (ну, или почти невозможно!).

Необходимо было торопиться. Выходя из башни, Шэриак непременно обнаружил бы обезглавленное тело стражника. И для него не столь уж трудным было догадаться, чьих это рук дело. Сам принц, конечно, поспешил бы тут же покинуть башню Желтой звезды. Отправился бы он во дворец или же переждал бы где-нибудь поблизости, чтобы иметь возможность собственными глазами наблюдать за всем происходящим — невозможно было

предугадать. Но то, что в самое же скорое время комендант отправит своих людей на его, Конана, поиски — известно было наверняка.

И вдруг наверху послышались звуки чьих-то мягких осторожных шагов, спускавшихся по лестнице. Конан приготовился, чтобы атаковать незнакомца.

При этом — знал он — все должно было произойти быстро и бесшумно, чтобы ни в коем случае не привлечь постороннее внимание. И только силуэт человека, невысокого, худощавого, одетого солдатом, показался из-за прилегавшей к лестнице стены, как киммериец одним стремительным прыжком достиг его и, крепко зажав ладонью рот, притянул к себе.

Незнакомец пытался кое-как отбиваться, вовсе не сильно, как будто полагал, что ничего плохого ему не угрожало, однако все же не теряя надежды высвободиться из хватки могучих рук мужчины.

Конан чуть приподнял к себе голову воина, заглянул ему в лицо. Два огромных черных глаза приветливо сверкнули в лунном свете. Это была Дэви Жасмина. Конан опустил руки.

— Жасмина, что ты здесь делаешь?! К чему этот маскарад? — в недоумении прошептал он.

Дэви доверительно улыбнулась ему.

— Я ждала тебя на крыше тоже шепотом сказала она. — Выглядывая между зубцов башни, видела, как ты приехал, как обезглавил стражника, — в ее голосе слышалось восхищение.

— Зачем тебе нужно было одеваться солдатом? Кто-нибудь в башне знает, кто ты на самом деле?

— Нет. Я показала стражнику королевскую печать и сказала, что пришла с важным поручением из дворца. Меня без вопросов пропустили внутрь, — не без гордости пояснила Жасмина. — Я принесла тебя ключ от этой двери.

— Здесь держат Зулгайена?! — уточнил Конан, не скрывая торжества.

Дэви утвердительно кивнула.

— Скорее! Нам нельзя терять ни мгновения! — Она протянула киммерийцу небольшой отлитый из бронзы ключ.

Взяв его, Конан метнулся к двери. Просунув ключ в замочную скважину, несколько раз повернул его вправо. Потянул дверь к себе, и та легко поддалась.

Глазам киммерийца открылась просторная, скудно освещенная едва тлеющей лучиной комната. Убогость выложенных из необработанного камня стен и пола скрадывали те немногие предметы дорогого убранства, которые подчеркивали значимость и благородное происхождение заточенного здесь узника. У левой стены стояла большая, завешенная полупрозрачным пологом кровать. На ней полулежал молодой черноволосый мужчина. Это был туранский полководец Зулгайен. При виде незнакомых посетителей он вскочил со своего ложа и в напряженном ожидании замер.

Они не успели сказать другу ни слова, когда на лестнице послышался громкий частый топот нескольких пар чьих-то тяжело обутых ног, и скоро в комнату ворвались четыре вооруженных стражника. Испуганная Жасмина метнулась к стене.

Конан обнажил свой двуручный меч, и только один из стражников рискнул первым приблизиться к нему, как одним разящим ударом булатного клинка он нанес тому смертельное ранение. Стражник рухнул на пол. Из его глотки вырвался хриплый вопль. На губах выступила кровавая пена. По телу пробежала быстрая судорога, и на том нить его

жизни оборвалась.

Дэви вырвала из-за пояса кинжал и бросила его Зулгайену. Туранец, которого, конечно же, держали в плену безо всякого оружия — будь то боевой меч или даже обычный, с тонким лезвием ножичек, которым обыкновенно режут фрукты, — ловко поймал кинжал и, крепко сжав его, бросился атаковать стражников.

Несмотря на то, что ни Конану, ни Жасмине так и не удалось еще объясниться с ним, он быстро сообразил, на чьей стороне нужно было сражаться. И следовало отдать ему должное, боевому умению Зулгайена мог бы позавидовать любой воин, как в туранской, так и в вендийской армии. Его глаза пылали жаждой свободы. Улыбка обнажала белые ровные зубы. Движения были стремительны и метки. В первые же мгновения боя туранец вонзил острое лезвие кинжала в живот первого попавшегося ему под руку стражника.

Дэви вплотную прижалась к холодной каменной стене и наблюдала за всем происходящим широко раскрытыми глазами. Страх, волнение и восхищение были в ее взгляде.

Оглушительно лязгал металл. Меч Конана безжалостно разил направо и налево. Уверенно и решительно взметался кинжал Зулгайена.

Уже трое стражников были повержены. Только четвертый, — это был сын коменданта — самый молодой и, к тому же, единственный трезвый из всех, все еще продолжал борьбу. Однако силы его, казалось, были уже на исходе. И если ему все же удавалось кое-как отбиваться от ударов двуручного меча Конана, то самому так ни разу и не довелось даже слегка царапнуть противника.

Зулгайен поспешил на помощь киммерийцу. Но лишь занес кинжал над спиной молодого стражника, как вдруг… в плечо полководца вонзилась стрела. Зулгайен покачнулся и упал ничком. Но, падая, успел судорожно вцепиться пальцами в одежду стражника и увлек его за собой на каменный пол. Ослабленной, дрожащей от напряжения рукой, по-прежнему крепко сжимая рукоять кинжала, он сумел нанести противнику удар в грудь — в самое сердце. Тело молодого стражника внезапно дернулось и затем уже навечно застыло.

Конан тем временем бросился на лестницу, вслед за выпустившим стрелу. Доверяя лишь своему слуху, припустил вверх по крутым ступеням. Ворвался на широкую круглую площадку, окруженную высокими башенными зубьями. Свежий ночной воздух наполнил ему грудь и сполна вернул потерянные в недавней борьбе силы. Легкий ветерок овеял его тело.

У самого края площадки, между каменных зубьев, стоял немолодой уже, но достаточно крепкого телосложения мужчина. Вероятно, это был сам комендант башни Желтой звезды. Он держал арбалет, стрела из которого была направлена в сторону Конана. Натягивавшие тетиву пальцы коменданта побелели от напряжения. Еще какое-то мгновение, и стрела, со свистом разрезая воздух, понеслась бы вперед. Необходимо было обладать быстротой реакции Конана, чтобы, вовремя отпрыгнув в сторону, не позволить беспощадной стреле пронзить свое тело. И не успел комендант сообразить, в чем дело, как Конан, подобно лесной кошке, в несколько молниеносно быстрых прыжков достиг его. Одним ударом меча выбил из его рук арбалет, другим…

А вот другого — у него не было. Тяжело обутой ступней противник со всей силы бил в левое колено Конана. И если бы не металлические наколенники, такой удар стоил бы тому разбитой ноги.

Киммериец упал на холодный камень покрывавших площадку плит. Найдя в себе силы, он попытался встать, но комендант снова жестоко ударил его.

Резкая мучительная боль на время лишила Конана ясного рассудка. Он разжал хватку и… выронил меч.

Комендант потянулся к выроненному мечу; чтобы оттолкнуть его дальше. И в этот самый момент киммерийцу удалось, схватив противника за лодыжку, потянуть к себе. Комендант рухнул на пол. Между противниками развязалась отчаянная борьба. Оба мужчины яростно скрежетали зубами, рвали друг на друге одежду, наносили безжалостные удары. Их глаза горели презрительной ненавистью. О да, надо было привить, что комендант башни Желтой звезды стоил всех своих стражников. Тот, кто еще совсем недавно заискивал перед принцем Шэриаком, теперь, в честной схватке, был подобен льву. Однако же и Конан ни в чем не уступал ему. На стороне киммерийца был заметный перевес.

Конан пытался двигаться таким образом, чтобы приблизиться самому краю площадки. А там уже… или он сам, или комендант. Они могли погибнуть оба. Но выжить?.. Выжить мог только один из двух!

И вот Конану удалось-таки подползти к краю площадки. Собравшись с силами, он приподнялся над своим изможденным противником. Крепко ухватился за угол одного из каменных зубьев и столкнул коменданта на землю.

Он не глядел вниз, только слышал истошный продолжительный вопль падающего. И уже потом, когда вопль наконец прервался, резко и безвозвратно, киммериец опустил глаза. Там, внизу, у самой стены башни, распласталось неподвижное тело коменданта.

Когда Конан спустился на пятый ярус, то нашел Зулгайена по-прежнему лежащим на каменном полу. Глаза туранского полководца были прикрыты. Лицо — мертвенно бледно. Изо рта вырывалось хриплое порывистое дыхание.

— Жасмина, сидя на коленях, склонилась над Зулгайеном. Она перевязывала кровоточащую рану у него на плече вырванным с покрывавшего кровать полога куском ткани. Услышав приближающиеся шаги, Дэви подняла к Конану глаза.

— Слава Асуре, он жив, — тихо произнесла она. — Рана не очень глубокая.

Конан молча кивнул. Он и без слов Жасмины, знал, что рана Зулгайена была вовсе не смертельной. Даже удивительно было, что из-за такой царапины туранец потерял сознание.

— Поторопись, — сказал он. — Нам следует как можно скорее покинуть башню. Чувствую, твой дядюшка уже успел позаботиться, чтобы в самое ближайшее время сюда нагрянула, по меньшей мере, сотня бравых вендийских воителей!

Дэви глядела на него непонимающими глазами.

— Ты снова вспомнил о Шэриаке?! Какое отношение, по-твоему, имеет он ко всему этому?

— О, Кром! Только не надо говорить, что ты ничего не знаешь о его недавнем визите сюда, в башню Желтой звезды?! — в синих глазах Конана мелькнуло насмешливое торжество. — Что не слышала разговор Шэриака со здешним комендантом?!

Жасмина слушала его оторопело.

— Мне, в самом деле, ничего не известно обо всем этом, — сдавленно произнесла она. — Я стоила на верхней площадке, спрятавшись между башенных зубцов. Ожидала тебя. — Ее голос дрогнул, — Перед самым твоим приездом в башню вошел высокий мужчина в темных одеяниях. Однако… я не разглядела его лица. Неужели…

— Да, наверняка, это и был принц Шэриак, — ответил Конан, и его тон был убедителен. — Ты что-нибудь говорила дяде о моих планах относительно похищения Зулгайена? — Он испытующе глядел на Дэви.

Жасмина хотела ответить, но была так взволнованна, что голос отказался ей служить. И она смогла только, отрицая, повести головой.

— Значит, ему каким-то образом все же удалось подслушать нас, — с трудом сдерживая вертящиеся на языке проклятия, заключил Конан.

К тому времени Дэви наконец перевязала Зулгайену рану.

— Все готово, — сказала она. — Теперь нужно отвезти его во дворе. Боюсь, нам не обойтись без помощи лекаря. Кровотечение ничуть не ослабевает, — и, встретив преисполненный сомнением взгляд Конана, поспешила добавить: — Я позову своего личного лекаря. Это очень надежный человек.

Конан, соглашаясь, кивнул. И, взвалив Зулгайена себе на спину, твердым шагом вышел из комнаты. Жасмина последовала за ним.

Глава VII
«Серидэя»

Насинга уже давно не видела отца и матери. Она очень скучала по ним. И еще скучала по солнцу. Насинга толком не помнила, как покинула родной Айодхийский дворец, за высокими белоснежными стенами которого ей прежде не доводилось бывать. Не помнила, как оказалось здесь. Не помнила ничего, что смогло бы хоть чуточку помочь ей определиться. Насинге было страшно. Но она не плакала. Принцессы не должны плакать, даже когда им очень плохо, этому учили ее отец и мать. Хотя… Насинге так часто снилась мама. Она явственно видела ее перед собой, близко-близко, что, казалось, стоило только протянуть руки, и можно было обнять ее. Глаза мамы — огромные, черные, совсем такие же, как у самой Насинги — в этих снах всегда были полны слез. А ведь Дэви не пристало плакать, равно как и принцессам.

Было совсем тихо. Здесь всегда было тихо. И мрачно. Насинга сидела в огромном черном кресле с очень высокой спинкой и напряженно вглядывалась в рыжее пламя масляного светильника, стоявшего прямо перед ней, на каменном, ничем не покрытом полу. Так велела ей Серидэя. И маленькая принцесса не противилась. Она любила огонь. Часто смотрела на него, как будто пыталась отыскать в пламени что-то — она и не понимала, не могла понять, что именно. А еще ей порой казалось, будто она сама была частичкой этого пламени.

Серидэя тоже любили огонь. И была такой же сильной, как огонь. Насинга боялась Серидэю. Никогда не решалась приблизиться к ней, заглянуть вглубь ее громадных темно-зеленых глаз.

Серидэя была необыкновенно красивой, с белой, как алебастр, кожей, вьющимися красно-черными волосами и гибким стройным телом. Но красота ее была холодной — маленькая вендианка не могла не чувствовать этого. Наверное, оттого, что само сердце Серидэи было холодным.

Насинга услышала звук чьих-то медленных шагов позади себя. Однако же она не повернулась, чтобы посмотреть, кто идет. Не сомневалась, что это был кто-нибудь из рабынь. Серидэя всегда появлялась бесшумно, и только как будто боязливо вздрагивало пламя огня. Насинга признавалась себе в том, что все время ждала, когда к ней придет Серидэя, может быть, при этом сердце ее билось с тревожным страхом, но она, в самом деле, ждала.

Пришла чернокожая девушка-рабыня. Принесла большое серебряное блюдо, наполненное фруктами. Поставила его возле маленькой вендианки и, почтительно поклонившись, снова удалилась.

Никто из рабынь не говорил с Насингой, они не знали вендийского языка. И Серидэя никогда ничего не говорила ей, вернее, не говорила вслух, и все же между ними двоими существовала какая-то особенная нерасторжимая связь, они хорошо понимали друг друга без всяких слов.

Будто непроизнесенные вслух мысли Серидэи каким-то необъяснимым образом оказывались в голове Насинги, и — наоборот. Прежде такого еще не было с маленькой принцессой. Она всегда чувствовала себя бесконечно одиноко, даже когда рядом были отец и

мать. А теперь… Теперь у нее была Серидэя.

Насинга хотела, чтобы Серидэя поскорее пришла к ней. Но та все не появлялась. Девочка пробовала даже звать ее, не вслух, конечно, а мысленно. Серидэя сама научила этому маленькую вендийку и всегда очень скоро приходила по ее зову. Сегодня же почему-то вовсе не торопилась. При этом Насинга была уверена, что Серидэя хорошо слышала ее. Та была где-то совсем близко. Девочке удавалось даже поймать ее мысли. Она могла отличить их из тысячи других — имели Серидэи, казалось, звучали как-то особенно, у них был свой неповторимый голос. Насинге очень нравился этот голос, хотя, может быть, оттого, что напоминал ей свой собственный или… тот, который она так часто слышала, когда еще жила с отцом и матерью в Айодхийском дворце?

Серидэя знала о том, что маленькой вендианке удавалось вторгнуться в ее мысли. Но была ли она довольна этим? А Насинга искренне не хотела делать что-либо такое, что могло бы не понравиться Серидэе. И это было вовсе не потому, что она боялась ее. Нет. Вернее… не только поэтому. Просто Насинга не любила расстраивать кого-либо, будь то отец, мать или вот — Серидэя.

Но почему же она все еще не шла?! Почему не откликалась на зов Насинги?!

— Серидэя! Серидэя! — неутомимо молила ее девочка.

И в ответ не было ничего.

Серидэя часто повторяла, что Насинга должна оставаться одна, должна познать одиночество. Может, поэтому она сейчас и не приходила. Очень многое, из того, о чем говорила Серидэя, было непонятно Насинге. Порой даже пугало ее. Между тем казалось, что все это каким-то необъяснимым девочке образом было неразрывно связано с ней самой.

И вдруг… Насинга заметила, как встрепенулось пламя масляного светильника, будто по нему пробежал легкий ветерок. Девочка тоже чуть вздрогнула, и радостно, и боязливо — она сама толком не могла понять. В одно мгновение вскочила со своего кресла и обернулась. Ее глаза возбужденно блестели.

Пламя неравномерно освещало зал. Его теплый розоватый свет был ярок только здесь, у кресла Насинги, чуть дальше он слабел, а у стен совсем меркнул, будто царившая там густая темнота решительно и безжалостно гнала его прочь. Несколько первых мгновений девочка напряженно вглядывалась в темноту и ничего не различала в ней. А потом… от мрака, жадно поглотившего большую часть зала, словно черная тень, отделился тонкий женский силуэт. Это появилась Серидэя. Ее походка была медленна и грациозна. Насинга порой всерьез думала, что Серился и не ступала вовсе, а летела, не касаясь пола. Ее длинные красно-черные волосы были распушены (она вообще очень редко укладывала их в прическу) и плавными волнами ниспадали до пояса. Лазурное расшитое по краям узором из серебряных нитей одеяние подчеркивало статность и гибкость ее тела. Массивное ожерелье из драгоценных, оправленных в серебро камней украшало ее грудь. Тонкие белоснежные руки обпивали, подобно змейкам, металлические кольца. Серидэя приблизилась к Насинге.

— Я звала тебя, — «сказала» ей девочка, вернее, мысленно передала ей это. — Мне было очень одиноко и скучно.

Губ Серидэи коснулась едва заметная улыбка.

— Но помни ты не одна, с тобой — Огонь. Лишь наедине с ним ты сможешь постигнуть законы, что управляют миром, научишься владеть своим разумом и телом. Ты станешь сильной.

— Такой же сильной, как ты?!

В темно-зеленых глазах Серидэи промелькнуло что-то алчное и вместе с тем опасливое — Насинга даже вздрогнула. Серидэя глядела на маленькую вендианку, как никогда еще прежде. Словно в ней, отчаянно борясь между собой, сплетались несколько совершенно разных чувств.

Насинга силилась прочесть ее мысли, но тщетно.

— Возможно, ты станешь сильнее меня, — наконец ответила Серидэя. — Только ради этого тебе потребуется многим — очень многим пожертвовать.

— Я никогда не увижу маму и папу? — осторожно спросила Насинга. Признаться, она уже понемногу начала привыкать к мысли о том, что впредь больше не сможет встретиться с родителями. И все же в ней по-прежнему жила надежда, совсем крохотная, но… но без которой Насинге было бы еще тяжелее смириться с разлукой.

Вот и сейчас — девочка так боялась потерять эту надежду, упустить ту тоненькую, хрупкую нить, что связывала ее с жизнью в Айодхийском дворце. Она внимательно глядела на Серидэю.

— Не сейчас, — ответила та. — Сперва ты должна измениться. Очень сильно изменится!

— Чтобы меня никто не узнал?

Серидэя рассмеялась. Вслух. Громко и как будто не очень весело. Потом ее смех вдруг резко оборвался.

— Они узнают тебя, если… — ответила она, и в ее глазах снова промелькнуло что-то, торжество или даже холодная насмешка, — если ты сама этого захочешь.

Насинга смотрела на нее непонимающе.

— Запомни, — продолжала Серидэя, — ты не такая, как твои отец и мать. Не такая, как все. Ты была рождена для того, чтобы стать хранительницей Огня. Скоро у твоих ног будет весь мир. Властелины самых могущественных держав будут трепетать при одном только звуке твоего имени. Я дам тебе несоизмеримо больше, чем ты можешь себе даже вообразить. Ты еще слишком маленькая, Насинга, и многого не знаешь. Но, когда подрастешь, поймешь, что обладаешь великой силой — силой, которая может сделать тебя повелительницей мира. Я помогу тебе. — Ее глаза сверкнули. — У меня есть для тебя подарок.

Серидэя негромко хлопнула в ладони. И в тот же миг послышались чьи-то торопливые, приближающиеся к ним шаги. Еще через какие-то считанные мгновения из темноты, завладевшей большею частью зала, вышла молоденькая девушка-рабыня. В руках она держала небольшой нефритовый ларец.

Девушка приблизилась к своей госпоже и, почтительно склонив голову, протянула ей ларец. Серидэя приподняла крышку:

Внутри, на темной бархатной подушечке покоился перстень с огромным камнем ярко-голубого цвета, усыпанный маленькими, едва различимыми золотистыми крапинками. У маленькой вендианки от восхищения даже перехватило дыхание.

— Это дианирин. Очень редкий камень. Ну что ж ты не возьмешь его, Насинга?! Теперь он твой.

Дрожащей от волнения рукой девочка прикоснулась к камню. Осторожно, будто опасаясь чего-то, провела по его гладкой поверхности. И лишь затем решилась надеть перстень. Это было совершенно удивительно, сначала Насинге показалось, что кольцо будет ей очень велико, но, как только она одела его, оно так плотно уселось на тоненький девичий палец, словно было вылито как раз по нему.

При этом Насинга почувствовала, как ее вдруг обдало чем-то ледяным, голова закружилась, и от внезапной слабости маленькая вендианка чуть было не упала на пол, если бы Серидэя в тот же миг не удержала ее за руку.

Постепенно ледяная волна отступала, и вместо нее Насингой овладевало другая, теплая, ласковая и опьяняюще приятная.

Девочку начало клонить ко сну. Тяжелели веки. Она все еще глядела на стоявшую прямо перед ней Серидэю, но видела лишь ее неясный силуэт, плавающий в какой-то темной густой дымке и то приближающийся к ней, то снова удаляющийся.

Потом образ Серидэи стал более четким. Насинге удалось разглядеть черты ее красивого белого лица. Серидэя смеялась. А маленькой вендианке всегда было почему-то немного страшно, когда та смеялась вот так — тихо и холодно.

Девочка стояла, не находя в себе силы даже для того, чтобы пошевелиться. При этом ей самой казалось, будто она летит куда-то. Насинга была уже не в зале, где взяла из нефритового ларца перстень с огромным ярко-голубым камнем. То, что сейчас находилось вокруг, девочке приходилось больше различать каким-то неизвестным ей доселе чувством, нежели видеть. Все укутала зияющая темнота.

Насинга не могла видеть даже своего тела. И только камень в подаренном Серидэей перстне светился во мраке, тускло, но вместе с тем невыносимо обжигая глаза. Насинга старалась не смотреть на него.

Ее взгляд был устремлен вперед, хотя и ничего не различал там. Между тем, она летела так ровно и уверенно, точно ничего более обычного для нее и не было. Где-то, совсем рядом, была Серидэя. Насинга всегда могла безошибочно угадывать ее присутствие подле себя.

— Серидэя! — позвала девочка.

— Я здесь, — был ей ответ, — Посмотри назад! Насинга обернулась, но ничего не увидела.

— Где ты? — спросила она. — Я не вижу тебя.

— Коснись дианирином своих век, — велела ей Серидэя.

Маленькая вендианка подчинилась. И тотчас же ее глаза объял неяркий, но ровный свет.

Это светила в небе полная луна. Насинга увидела, что парит высоко-высоко над землей. А там, внизу, не зная ни конца, ни края, растянулись пустынные просторы.

Рядом с девочкой летела огромная черная птица. У нее были огромные темно-зеленые глаза, совсем похожие на человеческие. Насинга безо всякого труда узнала в них глаза Серидэи. Ей пришло в голову, что и она сама сейчас, возможно, была в облике птицы. Но нет. Она оставалась такой же, как и всегда.

— Как же я могу лететь, без крыльев? — не скрывая искреннего удивления, спросила она.

— Ты и не летишь, — ответила Серидэя, или, вернее, черная птица с глазами Серидэи. — Тебе только кажется, что ты летишь. Это Дианирин. С помощью его магической силы тебе передаются мои ощущения.

— Но как же ты смогла превратиться в птицу?

Серидэя улыбнулась глазами.

— Я научу тебя этому, Насинга.

— Когда?! — Маленькой вендианкой овладело такое радостное волнение, что сердце чуть не выпрыгнуло из груди.

— Очень скоро.

— О! — восторженно воскликнула Насинга. — И мы сможем летать вместе?! Неужели это возможно?!

— Я научу тебя не только принимать облик птиц и зверей, — говорила Серидэя, — но еще очень многому. Всему, что умею сама.

— Я так хочу этого! — все с тем же неуемным восторгом отвечала маленькая вендианка. — Обещаю, я буду очень хорошей ученицей!

— Да, — ответила Серидэя, — ты будешь хорошей ученицей.

— Куда мы… — Насинга, как будто смутившись, на мгновение прервалась, но тут же поспешила поправиться: —…ты летишь?

— Потерпи немного, и все сама узнаешь. Дальше они летели молча. Пока вдали не показалась длинная горная гряда.

— Взгляни, Насинга, — обратилась к ней Серидэя, кончиком своего крыла указывая на одну из скал. Огромную черную и похожую… Насинга даже вздрогнула. Форма скалы точь-в-точь напоминала профиль птицы. Той самой, в облике которой сейчас была Серидэя. В темно-синем небе, над вершиной этой скалы, зловеще мерцая, необыкновенно ярко сияла голубая, как дианирин в перстне Насинги, звезда. Свет ее, казалось, затмевал луну.

Неотрывно, не позволяя себе даже моргнуть, Насинга глядела на скалу в виде птицы и на голубую звезду над ней. Внутри нее все как будто замерло в напряженном ожидании.

— Это скала Черного грифа, — сказала Серидэя, и при этом глаза ее торжественно сверкнули.

— Скала Черного грифа, — не без опаски повторила маленькая вендианка. — Ты летишь к ней? — И не дождавшись ответа (впрочем, она в нем нисколько и не сомневалась), добавила: — Зачем?

— Ты очень нетерпелива, Насинга, — с ласковой укоризной в голосе обратилась к ней Серидэя. — Потерпи!

Вскоре они приблизились к самой скале. И только тогда маленькая вендианка поняла, почему она показалась ей черной: невообразимое множество огромных черных грифов сплошь усыпали ее. Птицы оглушительно галдели, хлопали своими длинными остроконечными крыльями. Как только они заприметили Серидэю, все разом сорвались со скалы и полетели к ней навстречу. На Насингу же они не обращали ровно никакого внимания, некоторые из них даже пролетали сквозь тело девочки, как если бы ее и не было. Маленькая вендианка не сразу вспомнила о том, что ее ведь, на самом деле, и не было здесь, рядом с Серидэей — просто она столь явственно видела, слышала, переживала все происходившее, что совсем уже позабыла об этом.

— Не бойся, — обратилась к ней Серидэя. — Они не могут видеть тебя.

Внутрь скалы вел небольшой узкий проход. Серидэя залетела в него, вслед за ней и все птицы. Сначала было так темно, что Насинга не могла разглядеть ничего. Только как и прежде светился во мраке голубой дианирин в ее перстне. А потом вдруг возникло какое-то неяркое сияние, тоже голубоватое. Правда, Насинга почему-то никак не могла понять, откуда оно исходило. Серидэя и птицы все летели, то взмывая вверх, то опускаясь. И маленькая вендианка не переставала удивляться тому, как велика была скала Черного грифа.

Наконец, они достигли огромного, ярко освещенного зала. Никогда прежде Насинге не приходилось видеть такого великолепия, какое было здесь, даже в Айодхийском дворце.

Зал имел форму круга. А высоченные, искусно инкрустированные золотом, серебром и драгоценными камнями стены вздымались, плавно переходя в потолок и таким образом

создавая купол. В самом верху, в центре этого купола ныло устроено круглое, обнажавшее небо отверстие. И в него, озаряя весь зал своим ярким светом, заглядывала голубая звезда. У стен, также описывая круг, располагались широкие яшмовые скамьи. Птицы, уже прекратив галдеть, уселись на них. И… Насинга не успела и глазом моргнуть, как черные грифы вдруг обернулись женщинами. Все они были молоды и красивы. С белыми или, скорее, мертвенно-бледными лицами, безупречно стройными телами и длинными, ниспадавшими чуть ли не до колен волосами. На женщинах были светлые одеяния.

Серидэя, которая, конечно же, тоже успела принять человеческий облик, выделялась меж всех не только лазурным цветом своего расшитого серебром платья, но и особенной величественной статностью. Она села на огромное золоченное кресло в самом центре зала. Все глядели только на нее, с трепетным почтением и бесконечным восхищением, будто в их глазах Серидэя была сошедшей с небес богиней.

Насинга также неотрывно глядела на свою наставницу. Девочка вдруг поймала себя на мысли, что ей очень хотелось стать похожей на Серидэю. быть такой же красивой и сильной, как она. Это смутило и даже немного напугало маленькую вендийку. Прежде она хотела походить только на маму, Дэви Жасмину, нежную, добрую и прекрасною красотою, мягкой и хрупкой, как цветок. Серидэя же была совсем другой. И хотя Насинга не знала от своей наставницы ничего кроме ласки, ее чуткое детское сердце чувствовала неизменно веявшую от той ледяную холодность.

Серидэя громко обратилась к сидевшим вокруг нее на широких яшмовых скамьях женщинам. И маленькая вендианка впервые смогла услышать ее голос, не тот, что так часто звучал у нее в голове, а другой, который можно было воспринимать лишь обычным слухом.

При этом девочка не понимала ни единого слова из речи Серидэи, ведь та сейчас говорила по-косальски. Женщины что-то отвечали ей. Их голоса были звучны и глубоки, как и голос самой Серидэи.

И вдруг звезда, заглядывавшая в зал из отверстия во вздымающемся куполом потолке начала медленно менять свой цвет. Из голубого она окрашивалась сперва в бледно-желтый, затем в розовый и, наконец, приобретая огненно-красный цвет. Насинга почувствовала сильное, с трудом переносимое жжение на пальце. Дианирин в перстне тоже поменял цвет, став, как и звезда, ярко рыжим. А золотистые крапинки в нем теперь то появлялись, то исчезали, точно резвясь в каком-то неугомонном магическом танце. Насинга попыталась снять перстень, но у нее ничего не получалось.

У самого кресла Серидэи вспыхнул костер — вспыхнул, как будто из ничего. С каждой секундой его оглушительно трещавшее пламя поднималось все выше. Рыжие языки огня тянулись наверх, к звезде, как тянутся беспомощные детеныши к материнской груди. Все, и Серидэя и сидевшие на скамьях женщины, глядели на пламя, словно зачарованные. Их губы беззвучно двигались. Руки были протянуты к огню. Воздух наполнялся зловонием, и чем дальше, тем труднее было дышать.

И тут Насинга с ужасом обнаружила, что лица женщин постепенно начали меняться, становясь морщинистыми, сморщенными и безобразно уродливыми. Только одна Серидэя нисколько не изменилась. Ее белое, как алебастр, лицо по-прежнему было сказочно прекрасно. Но в огромных темно-зеленых глазах торжественно сияло что-то алчное и отпугивающее. Взгляд Серидэи вдруг метнулся к Насинге и обжег ее. Вслед за ней на маленькую вендианку взглянули и все остальные, будто могли видеть ее. Сердце Насинги тревожно колотилось в груди. Маленькое хрупкое тело охватила беспощадная дрожь.

А потом Насинге вдруг показалось, что ее подхватила какая-то огромная магическая сила. Будто взятая во власть какого-то неудержимого урагана, девочка беспомощно металась по залу. Перед глазами внезапно стало совсем темно. А в голове, пульсируя, отчетливо звучал голос Серидэи.

— Не бойся! Не бойся! — повторял голос.

Как мимолетные проблески, темноту разрезали огненно-красные сполохи. Не различая ничего перед собой, Насинга все же осознавала, что была уже не в зале, внутри скалы Черного грифа. Она снова летела куда-то, но не подталкиваемая кем-то, а сама, ровно и свободно. Ее волосы ласково теребил мягкий ветерок. Грудь глубоко вдыхала прохладный ночной воздух.

— Серидэя! — позвала Насинга. Наставница ей не ответила. Хотя девочка была уверена, что та находилась где-то здесь, подле нее.

Насинга все летела. Она совсем потеряла счет времени. Целой вечностью казалась ей каждый миг этого удивительного полета.

Постепенно маленькая вендианка почувствовала, как всем ее существом овладевало что-то тяжелое, дурманящее, неописуемо приятное…

— Серидэя! — взволнованно крикнула Насинга. В этот раз она позвала свою наставницу вслух. И почему-то звук собственного голоса сейчас напугал ее.

Маленькая вендианка вздрогнула и… приподняла тяжелые ото сна веки. Тусклое сияние светильника, стоявшего на маленьком инкрустированном малахитом столике, приветливо объяло девочке глаза.

Она лежала на большой убранной тончайшим льном кровати в своих покоях, во дворце Серидэи.

У ее изголовья сидела девушка-рабыня. Она ласково улыбалась Насинге.

Глава VIII
«Встреча в Айодхье»

Конан и Зулгайен покинули стены Айодхийского дворца рано утром. Туранец был еще слаб: рана на его плече прекратила кровоточить только этой ночью. Поразившая его в башне Желтой звезды стрела была отравлена, и, если бы не скорое вмешательство королевского лекаря, Зулгайен, скорее всего, так никогда бы уже и не оправился. Давало о себе знать и долгое заточение в башне. Однако, несмотря ни на что, полководец держался в седле уверенно. Его осанка была статна, голова гордо поднята. Конан и Зулгайен уже успели неплохо познакомиться, в башне Желтой звезды продемонстрировав свою отвагу и боевое умение, затем в королевском дворце, где они провели целые сутки, вдоволь поговорив (между тем ни киммериец, ни туранец не отличались болтливостью). И, казалось, остались вполне довольны друг другом.

Рассвет еще только забрезжил, но улицы вендийской столицы были уже полны народу. Все больше было люда нищего, тех несчастных, которые не имели своего крова и оттого вынуждены были ночевать прямо под открытым небом. Также нередко можно было увидеть заезжего крестьянина и человека торгового. Встречались рабы и прислуга, что пришли купить для завтрака своих еще почивающих в постелях господ свежие продукты.

И киммериец, и туранец были одеты купцами. Посланные на их поимку стражи днем и ночью рыскали по городу, недоверчиво приглядывались к каждому мужчине. И если бы не купеческие халаты, настолько просторные, что невозможно было угадать под ними воинские доспехи, не сдвинутые к самым глазам тюрбаны, не приклеенные к лицам длинные, нарочно посыпанные пеплом бороды, спутникам не удалось бы даже выйти за ворота королевского дворца. Зулгайен глядел на пеструю людскую толпу с нескрываемым любопытством. Живя в заточении, он совсем было отвык от человеческого общества и теперь испытывал к нему наиживейший интерес. Конан тоже глядел на людей — просто оттого, что больше глядеть было не на что. Взгляд его был необычайно хмур и ко всему безучастен.

Всадники уже почти выехали из города, когда вдруг чей-то голос решительно окликнул их сзади. И Конан, и Зулгайен в тот же миг обернулись. В нескольких шагах от них стоял невысокий длиннобородый старец. Всем своим видом он заметно отличался от остального люда, что заполнял улицы вендийской столицы. Его худое, с резкими чертами лицо было обветренным, но не смуглым от природы. Свободно висевшая на теле хламида была выткана из грубой шерстяной пряжи, что было весьма необычно в изнывающей от жары Айодхье.

Конан сразу же признал отшельника из пещеры Йелай. Он спрыгнул с коня и подошел к старцу. Зулгайен последовал за ним.

— Не ожидал встретить тебя здесь, старик! — приветливо, хотя и не без некоторого недоумения начал киммериец. — Полагал, ты чураешься городских улиц!

Губы отшельника задела едва заметная улыбка.

— Ты прав, — согласился он, — я редко бываю среди людей. И сейчас меня привело в Айодхью отнюдь не праздное любопытство, — его голос стал жестче. — Я искал встречи с тобой.

— Мы как раз держали путь к тебе, — заметил Конан. Говоря «мы», он легким кивком

головы указал на стоявшего подле себя туранского полководца, на которого старец отчего-то не обращал ровно никакого внимания, будто бы еще два дня назад сам с упрямой настойчивостью не требовал у киммерийца вызволить того из плена.

— Да, — согласился старый отшельник. — Однако нужно торопиться. Время сейчас очень важно для нас, — в его голосе прозвучала таинственная многозначительность.

— Тебе стало что-то известно? — настороженно спросил Конан.

Старец утвердительно кивнул седовласой головой.

— Говори же скорее, — с нетерпением торопил его киммериец — что именно тебе удалось узнать? Не молчи! Ты сам говорил, что время слишком дорого сейчас!

— Звезды рассказали мне о том, — все так же, как будто вовсе не торопясь, начал старец, — что маленькая вендийская принцесса в Туране. Ездигерд велел своим людям похитить ее.

Глаза Зулгайена зло блеснули при упоминании йелайским отшельником имени правителя.

— Ездигерд?! — недоумевая, переспросил киммериец. Из его горла вырвался гневный смешок. — Нет! Я не могу этому поверить! Два дня тому назад ты твердил о непричастности ко всему этому туранского правителя.

— Я ошибался, — жестким голосом произнес отшельник.

— В таком случае, чего же он добивается?! — спросил Конан. — Если выкупа, то почему Ездигерд до сих пор не ответил на послание вендийского правителя? Насколько мне известно, Джайдубар готов на все ради того, чтобы вернуть домой дочь.

— На все ли?! — с нескрываемым сомнением усмехнулся в ответ отшельник. — Ездигерд нарочно тянет время. Он надеется получить гораздо больше, чем думает Джайдубар.

— Что именно? Восточные провинции Вендии?!

Старец негромко засмеялся.

— И восточные провинции тоже… — наконец, все еще смеясь, проговорил он.

— Я ни за что не поверю этому! — решительно вмешался тут в разговор Зулгайен. — Я хорошо знаю Ездигерда и согласен, что он не заслуживает получить в свой адрес ни единого доброго слова. И все же… уверяю, он не опустился бы до того, чтобы ради политической выгоды похитить ребенка.

В отличие от Зулгайена Конан не был так близко знаком с Ездигердом и потому, конечно, не мог сложить уверенного мнения по поводу причастности того к пропаже маленькой вендийской принцессы.

Однако слова туранского полководца звучали настолько убедительно, что Конан с несравненно большей охотой согласился бы принять его сторону, нежели сторону йелайского отшельника. Тем более, прежде тот говорил совсем иное!

— И, правда, это было бы слишком жестоко: похитить у родителей ребенка для того, чтобы оправдать свои политические амбиции, — не очень решительно произнес он. Откровенно говоря, киммериец назвал бы немало людей, которые бы опустились до подобной жестокости. Но если Зулгайен утверждал, что туранский правитель был не из числа таковых, стоило ему все же поверить. Этот человек умел отвечать за свои слова.

Старца, казалось, несколько обидело как явное недоверие Зулгайена, так и замешательство Конана. Однако он не собирался сдаваться.

— Ездигерд не сам решился выкрасть маленькую принцессу, — начал отшельник. — На

это его подтолкнули жрецы.

Зулгайен нахмурился.

— Туранский правитель слишком слаб против жречества, — уверенно продолжал старец. — Оно не позволило ему вызволить из плена своего лучшего полководца, — взгляд отшельника метнулся в сторону Зулгайена. — Оно же заставило его похитить вендийскую наследницу. Подлинная власть Ездигерда в Туране совсем невелика. Почти все вместо него решают служители Эрлика.

Зулгайен, соглашаясь, кивнул черноволосой головой. Кому, как не ему самому, хорошо было известно все это.

И тут — Конан вдруг встретился с глазами стоявшего прямо перед ним старого отшельника. Они были огромные и… темно-зеленые. Он мог чем угодно поклясться, что еще какое-то мгновение назад глаза старца были совершенно черными, такими же, как в ту ночь, когда они разговаривали у костра возле входа в пещеру. Теперь же их цвет был точь-в-точь таким, как у крылатой твари, что преследовала Конана в Химелийских горах.

Киммериец тотчас же вытащил из ножен свой двуручный меч.

— О, Кром! Да ты вовсе не йелайский отшельник! — воскликнул он.

В темно-зеленых глазах отшельника или, вернее, того, кто скрывался под обликом отшельника, появился мимолетный проблеск испуга. Но он тут же исчез, и вместо него появилось зловещее торжество. В один миг улица опустела. Куда-то исчез весь люд. А затем — Конан не успел даже и глазом моргнуть, — как лже-отшельник вдруг превратился в огромную черную птицу. Только глаза остались теми же. О, Конан узнал бы эти глаза из миллиона других. Громко прохрипев, птица взмыла вверх.

Киммериец не сдержал ругательство. Задрав голову, он взглядом следил за птицей в небе. Его ладонь крепко сжимала рукоять меча. Тварь поднялась не очень высоко, всего локтей на десять над головой Конана. Расправив длинные черные крылья, она беспрестанно описывала круги. Потом, будто выпущенная кем-то стрела, снова ринулась вниз, к киммерийцу. Тот успел увидеть только летевшие прямо на него два огромных зеленых глаза и длинный загнутый крючком клюв твари, как им вдруг овладела невыносимая слабость. Он покачнулся и, не в силах более владеть собой, упал наземь. Меч с громким лязгом отскочил в сторону. В ушах у Конана что-то отвратительно трещало, а глаза с трудом различали солнечный свет. Сердце колотилось у него в груди с бешеной скоростью. Между тем, рассудок не покинул киммерийца. Но оттого-то еще мучительнее переносилось его состояние.

Внезапно раздался отчаянный птичий крик, такой громкий, что его звук перекрыл даже треск в ушах Конана. И от этого душераздирающего крика внутри киммерийца, казалось, все вдруг содрогнулось. Невыносимо болезненная судорога пробежала по его ослабевшему телу. Однако сразу после этого Конан почувствовал, как медленно, но уверенно стали возвращаться к нему прежние силы.

Первое, что Конан увидел, это Зулгайена, по-прежнему стоявшего подле него и державшего в руке огромное черное перо. Обнаружив на себе взгляд синих глаз киммерийца, полководец с искренним сожалением в голосе произнес:

Вот и все, что мне удалось, — кивком головы он указал на перо. — Хотя, должен признать, проклятая тварь вопила так, будто я ободрал ее всю, от головы до самого хвоста.

— Я слышал, — тихо ответил ему Конан, поднимаясь на ноги.

— Это был косальский гриф, — не без некоторого суеверного страха в голосе произнес

туранец.

Конан, соглашаясь, кивнул.

— Я уже второй раз встречаюсь с этой тварью, — гневно говорил он. — Первый был несколько дней назад в Химелийских горах.

— Так вот в чем дело, — многозначительно произнес Зулгайен. В его глазах на мгновение блеснул странный огонек, будто полководцу стало вдруг известно нечто очень важное. Губы задела грустная улыбка. — Теперь я понимаю, почему отшельник из пещеры Йелай так настаивал, чтобы ты вызволил меня из плена.

— И в чем же причина? — в голосе Конана звучало нетерпение.

Но Зулгайен был столь потрясен своим недавним открытием, что, казалось, не обратил на тон киммерийца никакого внимания.

— Садись в седло! — сказал он. — Мы должны поспешить. А по дороге я постараюсь объяснить тебе все.

Когда они уже сели на лошадей и потянули поводья, Зулгайен снова заговорил:

— Известно ли тебе что-нибудь о религии Тарима?

— Совсем немного, — искренне ответил Конан. — Насколько я знаю, эта религия очень древняя. И к нашему времени сохранилась лишь в редких местах.

— Верно, — согласился полководец. — В моей стране, как нигде больше, культ Тарима считался главенствующим еще несколько поколений назад, до правления Оскавиота, прадеда Ездигерда. — И снова, как только Зулгайен упомянул о своем правителе, в его черных глазах мелькнула гневная искорка. — К тому времени жречество Тарима утвердило свою верховную власть в Турана, равно как и сейчас это сделало жречество Эрлика. Оскавиот, конечно, не желал мириться с этим. Ему нужна была полная власть. — Зулгайен улыбнулся. — Не буду утверждать, что он был в чем-то неправ. В конце концов, плох тот правитель, что довольствуется лишь вторым местом в своей стране! Оскавиот запретил поклонение Тариму. И любое непослушание преследовалось и подвергалось жесточайшим наказаниям. Тогда по воле правителя пострадало очень много людей, единственной виной которых была лишь их приверженность к религии Тарима, — полководец тяжело вздохнул. — Между тем, среди туранцев и до сих пор можно найти достаточно поклонников прежней веры, правда, мало кто из них отважится признать за собой это. Я сам был воспитан в храме Тарима и по сей день почитаю только этого бога, — не без гордости произнес он. — Но в отличие от других нисколько не скрываю своей приверженности к религии Тарима.

— Все это невероятно познавательно и увлекательно, — не выдержал тут Конан. — Однако при чем же здесь йелайский отшельник и та тварь с зелеными глазами, что преследует меня повсюду?!

— Говорят, что косальские грифы неразрывно связаны с религией древних огнепоклонников, — после некоторых раздумий продолжал Зулгайен. — А ведь Тарим — бог огня! — торжественно заключил он. — Это потом уже жрецы Эрлика, не в силах до конца уничтожить древний культ, обозвали его человеком, простым смертным, который, якобы, лишь проповедовал веру в Эрлика. На самом деле, все это ложь! Тарим сам был божеством, куда более древним. И огонь был его символом!

Глава IX
«Снова в пещере Йелай»

В послеполуденные часы в южных горах обыкновенно бывает нестерпимо душно… Иссера-желтые, выгоревшие под безжалостным взглядом южного солнца травы источают сладковато-горький запах, от которого переносить духоту становится еще более мучительно. От жары все, будто в сонном томлении, замирает, даже ветер, отдавшись во власть собственной лености, прячется где-то в прохладных, окруженных скалами ущельях. И только иногда можно услышать, как прерывисто шелестит в траве одинокая змея. На небе не появляется ни облачка. А солнце сияет так ослепительно, что нельзя определить какого оно цвета: красного, оранжевого, желтого или, быть может, белого.

По узкой горной тропе один за другом двигались два всадника, имя одного из них было Конан, другого — Зулгайен. Их путь был достаточно долог, из Айодхьи сюда, в самое сердце Химелийских гор. Все это время всадники ехали не останавливаясь. С раннего утра в их рты не попадало ничего, кроме редких глотков воды из спрятанных под плащами фляжек.

Стройные могучие тела породистых жеребцов под ними были мокры от пота. Ноги, казалось, передвигались с трудом.

— Уже совсем скоро будем на месте, — оглядываясь по сторонам, произнес киммериец.

Правда, в его голосе не было слышно обычной уверенности. Дело в том, что за последних часа два говорил он это Зулгайену уже далеко не в первый раз, однако вместо того, чтобы насладиться наконец долгожданным отдыхом, они были вынуждены продолжать свой путь.

— Послушай, может быть, мы движемся неверной дорогой? — осторожно произнес туранец.

Из горла Конана в ответ вырвался только какой-то неопределенный звук. Все мускулы на его темном обветренном лице напряглись. Черные густые брови наползли на самые глаза.

— О, Кром! — не выдержав, взревел он. — Я не мог ошибиться! Это те же самые скалы, те же деревья, те валуны. Но… мы как будто движемся по замкнутому кругу.

Зулгайен задумчиво кивнул.

И снова проходили часы. Солнце постепенно опускалось все ниже и ниже к горизонту. А всадники, уже почти отчаявшиеся, до смерти усталые, голодные, блуждали по бесконечным петляющим горным тропам.

Скоро совсем стемнело. Ночная прохлада сменила изнуряющий жар дня, и все живое, казалось, искренне радовалось ее приходу. Воздух наполнился удивительной бодрящей свежестью. Природа ожила. Все вокруг заиграло нежными чарующими звуками южной ночи. Изысканной мелодией услаждали они слух редкого случайного странника.

Небо усыпали мириады звезд, ярких, тусклых, разных цветов и величин.

— Посмотри, — сказал вдруг Конан, глядя на ночное небо. — Мне никогда прежде не доводилось видеть такой звезды!

Зулгайен поднял голову.

— Вон та? Голубая? — спросил он.

— Да. Она огромная. А свет ее ярче света луны! — восхищенно говорил киммериец. И

знаешь… — вдруг понизив голос чуть ли не до шепота, продолжал он, — мне почему-то кажется, будто эта звезда следит за нами. Какое-то неясное предчувствие, словно тяжелый камень, сжимает мне сердце.

Зулгайен молчал. Но на бледном, с тонкими чертами лице, как в зеркале, отражалась пожирающая его изнутри тревога.

— Боюсь, твое предчувствие тебя не обманывает, — тихим, сдавленным голосом произнес он. — Я не уверен… но думаю, что знаю…

Туранец, не договорив до конца, вдруг замолчал. Конан не отводил от него испытующего взгляда.

И тут с порывом легкого ночного ветерка до них донеслись приглушенные звуки какой-то возни и чей-то отчаянный стон за одним из кустарников у громадного темно-серого валуна. Не говоря друг другу ни слова, Конан и Зулгайен спрыгнули со своих коней и побежали в ту сторону, откуда доносились завладевшие их вниманием звуки.

За кустарником, беспомощно опираясь спиной о валун, полусидел… отшельник из пещеры Йелай.

Рот старца был крепко перевязан длинным куском какой-то грубой материи. Руки и ноги связаны толстыми, сплетенными из конского волоса веревками. Шерстяная хламида его была порвана и обнажала дряхлое жилистое тело. На темной обветренной коже повсюду зияли глубокие, окаймленные запекшейся кровью раны.

Киммериец и туранец, не теряя времени, высвободили старика из плена крепких веревок, помогли ему подняться на ноги.

Несколько первых мгновений отшельник не проронил не единого слова. Из его горла вырывалось только прерывистое, хриплое дыхание. Затем он обратился к своим спасителям со словами благодарности:

— Я обязан вам жизнью! — говорил он. И взгляд его блестящих, черных, словно угли, глаз был также приветлив и горяч, как и его слова.

— Ведь мы обе ничуть не меньше обязаны тебе жизнью, старик, — отвечал Конан. — Ты нашел меня едва дышавшего, без тени рассудка, в ущелье, где я был повержен демонической силой, исцелил меня. А Зулгайен, — он указал на полководца. — Разве он сейчас был бы здесь, а не томился за толстыми стенами башни Желтой звезды, если бы ты не просил меня вызволить его? — Киммериец иронично усмехнулся, ибо, назвав настоятельное требование отшельника «просьбой», был слишком мягок. Старец обратил взгляд к туранцу.

— Я необычайно рад тому, что вижу тебя свободным, Зулгайен, — произнес он. Тон его был почтителен. — И горжусь честью встретиться с тобой! Что ж… — Теплая дружелюбная улыбка коснулась бледных губ отшельника. — Передо мной стоят двое славных мужей, о силе и отваге которых известно всему миру. Ты, Конан, — его глаза встретились с глазами киммерийца, — пришел сюда за обещанной мною помощью.

Конан, соглашаясь, кивнул.

— Ты, Зулгайен, — старец снова взглянул на полководца, — последовал за Конаном. Надеюсь, в благодарность за то, что он вызволил тебя из плена, ты согласишься помочь ему в поисках маленькой вендийской принцессы?!

— Воистину, я сочту это за честь! — достойно ответил Зулгайен. — Но чем же могу я объяснить твою заинтересованность во мне?

В черных глазах йелайского отшельника мелькнули лукавые искорки.

— Я уверен, ты и сам уже догадываешься, в чем истинная причина, — сказал он. — Однако обо всем этом позже. Нам следует быть осторожными, — в его голосе слышался нечто таинственное. — Только в пещере Йелай я буду совершенно уверен, что никто не сможет подслушать нас.

— Но где же пещера? Клянусь Кромом, мы половину суток потратили на то, чтобы отыскать ее, и все тщетно! — горячо недоумевал Конан. — Пусть сейчас же я паду мертвым, если все это не происки сил зла!

При этих словах киммерийца, на губах отшельника показалась едва заметная улыбка, но он ничего не ответил. Только, повернувшись спиной к стоявшим подле него мужам, принялся что-то сосредоточенно бормотать.

И вдруг, словно ведомая какой-то невообразимо огромной силой, от возвышавшейся прямо перед ним скалы отошла толстенная каменная глыба. А вместо нее в той скале обозначился узкий, чернеющий в ночной темноте лаз.

Киммериец и туранец изумленно переглянулись.

— Ступайте за мной, — твердым голосом сказал отшельник.

Все трое прошли в пещеру.

Конан и Зулгайен сели на покрытый невыделанными шкурами настил, а старец принялся разжигать костер.

И скоро теплый оранжевый свет уверенно разлился по каменным стенам грота.

Отшельник повесил над костром медный котел.

— Вот уж никогда бы не подумал, что не смогу отыскать твое убежище, старик! — сказал Конан. — Расскажи нам, что случилось?! Кто связал тебя?

Отшельник грустно улыбнулся.

— Вы узнаете об этом, друзья мои, — тихо произнес он. — Но сперва я расскажу вам, что мне известно о вендийской принцессе.

Глаза обоих сидевших на настиле мужчин загорелись любопытством.

— Сейчас мне действительно известно, кто и с какой целью похитил Насингу, — продолжал старец. — Я уже говорил, что эта девочка обладает огромной магической силой. Она сама еще слишком мала и неспособна оценить ни свою необыкновенную силу, ни те возможности, которые она может ей дать. Между тем люди, искушенные в чародействе, давно уже с алчным блеском в глазах поглядывали в сторону Айодхьи. Насинга — кроткая и добрая девочка, и ее сила могла бы служить благим делам. Но если же… — отшельник вдруг судорожно вздрогнул и тяжко вздохнул. — Нет! — с решительной отчаянностью произнес он. — Ничего плохого не случится! Мы должны вмешаться и помешать силам зла!

— Вендийскую принцессу похитили ведьмы-огнепоклонницы? — тихо спросил Зулгайен.

Старец утвердительно кивнул.

— Главная из них, Серидэя, — говорил он. — Ей известно, — взгляд отшельника обратился к Конану, — что Дэви Жасмина просила тебя отыскать свою похищенную дочь. Черная птица с человеческим ликом, которая преследовала тебя, и была сама Серидэя. И также ей известно, что я вызвался помочь вам в этих поисках. Вот почему сегодня она послала ко мне своих слуг. Но Серидэя ошиблась, косальские ведьмы не могут причинить мне никакого зла. Все, на что они оказались способны, это связать меня и оставить беспомощным. Обратившись птицами, они безжалостно клевали мое тело, чтобы запах свежей крови привлек ко мне диких зверей. В тебе же Серидэя, наверняка, видит более

достойного противника, раз сама являлась к тебе.

— Этим утром у меня была еще одна встреча с ней, — сказал киммериец. — Она остановила нас у самых ворот Айодхьи. Скрываясь в твоем обличий, пыталась ввести нас в заблуждение. И мы, признаться, не сразу раскусили ее! Не знаю: тварь это или человек?! — в голосе Конана звучала брезгливая презрительность. — Косальская ведьма! — он хрипло рассмеялся. — Она пыталась убедить нас в том, что Насингу все же похитили туранцы. И я чуть было не поверил ее доводам, если бы не Зулгайен, — киммериец с восхищением взглянул в сторону туранского полководца. — Он не скрывал сомнений относительно причастности Ездигерда к пропаже вендийской принцессы. И сердце подсказывало мне, что Зулгайен прав. А потом… — мускулы на лице Конана напряглись, — потом я узнал эти проклятые зеленые глаза и…

И тут — киммерийца обдало холодным потом — он вдруг явственно увидел, что из огня на него пристально глядели два огромных темно-зеленых глаза. В рыжем мареве костра можно было различить тонкие черты молодого красивого лица. Конан не мог пошевелиться, только неотрывно смотрел туда, в самую глубь пылавшего в пещере костра. И ему казалось, будто внутрь его существа решительно и бесцеремонно вторгалось нечто чужеродное, ядовитое, как змеиный укус, и такое же смертоносное. Неясное тревожное предчувствие сжало ему сердце. Снова киммериец услышал пронзительный безудержный хохот, тот самый, что несколько дней назад преследовал его здесь, в Химелийских горах.

— Она там… в огне… Глядит на меня… — Конан с трудом узнал свой голос, неестественно тихий, сдавленный, прерывистый.

В тот же миг из костра вырвался столб темного, почти черного, дыма. Завертелся спиралью и скоро у всех на глазах превратился в огромного грифа. Птица взмахнула длинными остроконечными крыльями, метнулась в сторону стены и, опустившись на один из стоявших там камней, замерла. При этом ее громыхающий хохот не ослабевал ни на йоту. Хотя Конан и, наверняка, все остальные отчетливо видели, что клюв грифа все это время был крепко сжат.

Отшельник нагнулся над одной из глиняных посудин, просунул внутрь руку и стал что-то сосредоточенно перебирать там. Затем вынул руку, держа в ней щепотку какой-то сухой травы. Приблизился к костру и уверенным движением бросил в него траву. Прошептал что-то или, может быть, даже сказал в полный голос, но из-за грохочущего хохота Конан не мог расслышать слов старика, видел только, как двигались его губы. В огне тут же что-то громко зашипело. Пламя ненадолго охватило волнение. Воздух в пещере наполнился чем-то зловонным, едва переносимым. И еще Конан заметил, что огромное черное тело птицы, неподвижно сидевшей на камне, начало меркнуть, постепенно растворяясь в поглотившем грот огненном мареве, будто эта крылатая тварь вовсе и не из плоти была, а… Не доверяя своему зрению, киммериец крепко зажмурил глаза.

Когда же снова он открыл их, то с полнейшим изумлением обнаружил, что птицы уже не было. О ней напоминал лишь по-прежнему звучавший в ушах Конана хохот, да и он, словно боязливо отступая, ослабевал, пока, наконец, совсем не затих.

И снова наступила тишина. Казалось, что даже огонь теперь потрескивал как-то необыкновенно тихо, приглушенно, как будто на своем, непонятном никому языке нашептывал что-то ласковое и успокоительное.

А сердце в груди Конана все еще бешено колотилось, в жилах кипела кровь.

Он обратил взгляд своих глаз к стоявшему у костра отшельнику. Тот ответил ему

сдержанной, но вместе с тем бесконечно доверительной улыбкой.

Губы сидевшего подле Конана Зулгайена тоже задела едва заметная усмешка. Киммериец, конечно, и раньше понимал, что туранскому полководцу, вероятно, было известно нечто большее, нежели ему самому. Однако сейчас у него сложилась совершенно определенная уверенность в этом. Знание чего-то удивительного, таинственного так и светилось в больших, черных, как уголь, глазах Зулгайена. Испытующим взглядом всматривался Конан в лицо туранца, силясь и самому постигнуть известное тому знание, но все было тщетно.

Не вытерпев, наконец, он спросил, обращаясь одновременно и к старцу, и к Зулгайену:

— Что это было? Куда подевалась… — его голос вдруг предательски дрогнул, — эта проклятая косальская тварь?!

Старец снова улыбнулся. В его глазах мелькнули лукавые искорки.

— На самом деле ее вовсе и не было здесь, — ответил он. Краешком глаз Конан увидел, что Зулгайен, соглашаясь с отшельником, кивнул головой.

— Перед нами было всего лишь видение, — продолжал старец. — Видение, посланное Серидэей через огонь. Вся ее сила в огне! — в его голосе было какое-то печальное торжество. — Там, где есть пламя, неважно, костер то или маленькая лучина, может появиться Серидэя. Ты увидел только ее лицо в огне. Все же остальное было видением. Признаться, она искусна в них! — отшельник не без некоторой иронии рассмеялся. — Сегодня Серидэя не решилась появиться здесь сама. Не знаю, что уж ей помешало?! — из его горла опять вырвался смешок.

— Разве она не может навестить нас снова? — спросил Конан.

— Уже не сможет, — не раздумывая, ответил старец. — Я защитил наш очаг от ее чар.

— Бросив в него щепотку вонючей травы?! — усмехнулся Конан.

Зулгайен чуть было не рассмеялся от слов киммерийца, однако тут же поспешил подавить подкатывающую к горлу волну искреннего смеха. Улыбнулся и старый отшельник. Насмешка Конана, видимо, его не слишком обидела.

— Я и с вами охотно поделюсь этой травой, — мягко сказал он. — Она защитит вас от ведьмовских чар, когда вам придется разжечь костер. Серидэя не сможет ни подслушать ваш разговор, не потревожить сон.

— Расскажи же, как нам отыскать вендийскую принцессу?! — поторопил его Конан.

— Ваш путь будет лежать в Косалу, — отвечал старец. — Там, среди пустыни, окруженный неприступной стеной скал стоит мрачный замок Серидэи. Там же от людских глаз скрывает она похищенную Насингу.

— Мне приходилось кое-что слышать об этом замке, — вполголоса произнес Зулгайен. — И, видит Тарим, это истинное логово зла! Колдовские обряды, что регулярно свершаются там, жестоки и отвратительны. Слышал я и о скале Черного грифа, где обыкновенно собираются все косальские ведьмы и, где в голубом сиянии звезды Дианирина они набираются новых сил.

По телу киммерийца пробежала вдруг быстрая судорога. При упоминании Зулгайеном звезды Дианирина он вспомнил ту, невиданную им никогда прежде, что этой ночью сияла над ними ярчайшим, затмевающим луну голубым светом, чье появление на небе по неизвестной Конану причине столь тревожило туранского полководца.

— Все это так, — задумчиво ответил отшельник. — Я знаю, вы сможете найти обитель Серидэи. Вот только удастся ли вам вернуть в Вендию маленькую принцессу?! За эту

девочку Серидэя будет бороться до конца. А победить ее почти невозможно. Слишком велика ее магическая сила. — Старец задумался. Потом его лицо прояснилось, и он, отчего-то понизив голос, продолжал: — Но перед тем, как отправляться в Косалу, вам нужно будет побывать в Туране. — Взгляд отшельника остановился на Зулгайене. — Ты был воспитан в храме Тарима, — сказал он.

Зулгайен молча кивнул головой. И в этом его кивке были и достоинство, и гордость, и вместе с тем будто бы истинное понимание какого-то особенного таинственного значения слов йелайского отшельника.

— Жрецы Тарима давние противники косальских ведьм, — продолжал старец. — И те, и другие поклоняются огню. Но Тарим — это бог огня-созидателя, без которого не возможна была бы жизнь на земле. Тарим — сын солнца! — Отшельник пристально вглядывался в пламя костра. — У косальских ведьм иное божество. Их огонь — разрушитель, тот, что несет с собой смерть. Они поклоняются огненной звезде. Звезде Дианирина. Потому они и называют себя служительницами Дианирина. Черные грифы кружат над городами и деревнями Косалы, и каждый раз их появление вскоре обязательно влечет за собой губительный пожар. Ведьмы-огнепоклонницы имеют способность принимать облик огромных черных грифов, птиц зла. И только одна из них, самая сильная, верховная хранительница Дианирина может появляться среди людей в разных обличиях. Уже около двух тысячелетий, как только верховной хранительницей стала Серидэя, между косальскими ведьма и туранскими огнепоклонниками не было открытой борьбы. Поклонники Тарима оказались слишком слабы перед ведьмами. Однако и по сей день в одном из тайных святилищах храма Тарима хранится магический камень, каким-то образом — к своему стыду, я не слишком сведущ в этом — тесно связанный с силой самой верховной хранительницей Дианирина.

— Так значит, нам следует отправляться в Туран именно для того, чтобы найти этот самый камень? — задумчиво спросил Конан.

— Да, — отвечал старый отшельник. — Но достать его не просто. Жрецы Тарима вовсе не расположены доверять кому-либо свои секреты. Сомневаюсь даже, что они вообще согласятся встретиться с тобой, Конан. Но Зулгайену, своему единоверцу, они непременно откроют тайну.

Губы туранского полководца беззвучно зашевелились. Но взгляд больших черных, как уголь, глаз был непроницаем.

— Что ж, друзья мои! Нам следует, наконец, и подкрепиться! — сказал отшельник, снимая с костра закопченный котел…

Глава X
«Происки Шэриака»

Принц Шэриак сидел за небольшим столиком из слоновой кости. В правой руке он сжимал золотое перо. Левой придерживал уголок покоящегося перед ним на искусно инкрустированной столешнице пергамента. Это было письмо, недописанное еще им и адресованное в Туран, верховному жрецу Эрлика… Попреки давней политической вражде, существовавшей между Вендией и Тураном, послание Шэриака никак нельзя было назвать холодным и враждебным. Напротив, в своем письме принц сохранял заискивающе-вежливый и дружелюбный тон.

«Спешу уведомить вас о том, — писал Шэриак, — что полководцу Зулгайену удалось бежать из Башни Желтой звезды, где уже более полугода он прибывал в заточении. И я доподлинно знаю, что в побеге этом замешан небезызвестный нам киммериец по имени Конан. Осознавая вашу крайнюю заинтересованность в исходе этих столь неприятных — клянусь Асурой! — для всех нас обстоятельств, сообщу также, что и Зулгайен, и Конан направились на север, в Химелийские горы, где должны встретиться с отшельником из пещеры Йелай. Наверное, будет излишним советовать вам послать на поиски беглецов отряд вооруженных воинов — вы и сами, вероятно, пришли уже к такому решению и в самое скорое время приступите к его осуществлению».

Шэриак мог бы написать и отослать с гонцом письмо это еще день назад, сразу после того, как ему стало известно о том, что Зулгайену все же удалось бежать из башни Желтой звезды. Однако нарочно не сделал этого, поскольку справедливо полагал, что беглецу и его сообщнику Конану не позволят-таки выехать из Айдохьи.

И ко всему прочему, Шэриак вообще не мог быть совершенно уверенным в том, что туранский полководец остался жив. Ибо, покинув позапрошлой ночью стены башни Желтой звезды, но не отправившись тотчас же во дворец, а притаившись неподалеку, чтобы иметь возможность самому наблюдать за исходом дела, принц видел, как из башни выходили Конан и переодетая кшатрием Жасмина (он легко узнал ее и в этом наряде). Зулгайен же не шел рядом с ними его, безвольно поникшего, с окровавленным плечом тащил, взвалив на свою широкую, мощную спину, киммериец.

К сожалению, Шэриаку тогда не удалось проследить их путь. Хотя он не сомневался, что все трое вернее всего должны были бы отправиться во дворец. Если Зулгайен и был жив, то он, конечно же, нуждался в скорой врачебной помощи, и Жасмина предложила бы своего личного лекаря, доверяла которому безгранично. Но если Конан и Зулгайен действительно какое-то время находились в королевском дворце, то

оставалось совершенно необъяснимым, почему Шэриаку, при всем его желании, так и не удалось отыскать их там.

Жасмина теперь, после той знаменательной ночи в башне Желтой звезды, не была расположена к прежним, доверительным отношениям с дядей. Он сам толком и не знал почему.

Может быть, ей случилось тогда невольно наблюдать его беседу с комендантом башни? Ведь он же отчетливо слышал на лестнице негромкие звуки чьих-то шагов (комендант,

помнится, еще ссылался на крыс!).

А, может, это Конан тогда подслушивал, а затем не отказал себе в удовольствии передать все Дэви?..

Как бы там ни было, одно стало очевидным: Жасмина теперь старалась всячески избегать Шэриака, хотя и оставалась по-прежнему любезной с ним (вот только любезность эта отдавала какой-то фальшивой беззаботностью).

Итак, от Дэви Шэриаку не удалось-таки узнать ничего. От ее лекаря — тоже. Стоило признать, что доверие Дэви Жасмины им было справедливо заслужено.

По приказу Джайдубара, на поиски Зулгайена и Конана (чья явная причастность к побегу туранского полководца отнюдь не была доказана; однако же Шэриак смог убедить правителя в том, что теперь Конан — человек Ездигерда) были посланы лучшие отряды стражников. Принц и сам не замедлил отправить на улицы Айодхьи своих шпионов. Но поиски ни к чему не привели.

И только тогда, уже отчаявшись отыскать Зулгайена и Конана здесь, в вендийской столице, Шэриак наконец решился обратиться во Аграпур, к верховному жрецу Эрлика. Но, признаться, план этот был крайним в планах принца. Ибо, прибегнув к помощи жречества Эрлика, Шэриак уже не мог рассчитывать на возвращение Зулгайена в Айодхью. А ведь иметь при себе лучшего полководца Ездигерда — значило держать само туранское жречество в постоянном трепетном беспокойстве. И если бы в побеге Зулгайена не был бы замешан Конан, Шэриак и не подумал бы ставить в известность об этом служителей Эрлика. Но ему нужен был Конан. О, да! Ему стоило бы только зачислить этого человека, варвара с далекого севера, в ряд своих сподвижников, ну или хотя бы пустить повсеместно слух о том, что это действительно так — и с ним, Шэриаком, стали бы считаться во всем мире.

Уже не первый год Шэриак жаждал заполучить власть в стране. Но судьба была безжалостно несправедлива к нему. Казалось, она просто смеялась над Шэриаком, неизменно оставляя ему лишь вторые роли. Во всем! Лишь успев появиться на свет, он уже оказался вторым — младшим из двух братьев. Старший брат вскоре стал правителем; властным и сильным, а Шэриак… Шэриаку остался тот самый же титул, с которым он был рожден. И единственное, на что ему приходилось надеяться, это на то, что рано или поздно брат — его родной брат — умрет, и в соответствии с вендийским законом, власть в государстве перейдет к нему. Долго ждать не пришлось: тот умер, не успев перешагнуть даже сорокалетнего рубежа. Умер, оставив после себя сына Бунду Чанда и дочь Жасмину. Однако и взошедшему на вендийский престол сразу после смерти отца Бунде Чанду, заносчивому высокомерному юнцу, не долго суждено было править — слишком скоро его душа отправилась в лоно Асуры. А Жасмина?! Признаться, ее Шэриак не терпел больше всех остальных. Ее права (ха! — сомнительные права женщины) на престол оскорбляли его. Она же, эта своевольная самонадеянная дурочка, вела себя недостойно королевской крови. Как только умер молодой правитель Бунда Чанд, жрецы и высшие сановники вендийского государства с завидной неутомимой настойчивостью принялись требовать от юной принцессы незамедлительного вступления в брак и рождения наследника. Но Жасмина, небрежно отвергая разумные доводы, вовсе и не собиралась торопиться с замужеством. Бесстыдно кокетничая с дарованной ей небесами властью, принцесса играла своими преемниками, будто перстнями, унизывающими ее длинные белоснежные пальцы. При этом она даже не вспоминала о Шэриаке, не разу не упомянула о нем как о возможном претенденте на престол.

А потом Дэви Жасмине вдруг взбрело в голову, наконец, вступить в брак — и это после стольких-то лет своего упрямого категоричного отказа от замужества. И снова с ее стороны не обошлось без очередного сюрприза: из всех многочисленных претендентов на свою руку, мужей знатных и богатых, она выбрала малоизвестного еще к тому времени, почти обедневшего князька небольшой полузависимой провинции. Имя ее избранника было Джайдубар. С высокомерным видом вошел новый правитель в мраморные стены аграпурского дворца. Вошел, чтобы стать в нем полновластным хозяином.

Шэриак тяжело вздохнул. При одном воспоминании о Джайдубаре в его жилах вскипала кровь. Его ненависть к нынешнему правителю была болезненной, зудящей и… беспомощной. Это была ненависть шакала ко льву! В глубине души Шэриак, конечно, признавал достоинства Джайдубара. Жасмина ничуть не ошиблась, приняв решение именно его сделать правителем Вендии. Но разве это могло успокоить его, Шэриака?! Сила правителя только разжигала в нем еще большую ненависть.

Высшая знать, государственные сановники и жрецы Асуры, сперва с подчеркнутой холодностью принявшие нового правителя Вендии, затем, спустя всего не более года после вступления того на престол, нашли его разумным правителем и охотно поддерживали любые его политические начинания.

И теперь Шэриак с тайной горечью признавал, что в сложившейся ситуации ему не находилось места на государственной сцене Вендии. Все мысли принца были подчинены единственно тому, каким образом можно было устранить те многочисленные, ставшие перед ним, будто огромной непроходимой стеной, препятствия на пути к все более желанной власти. Сейчас, когда маленькая принцесса Насинга была похищена (и, видит Асура, Шэриак, как никто другой во всей Айодхье, не испытывал никаких сомнений относительно того, что этой девочке уже не суждено когда-нибудь вернуться в королевский дворец), его шансы пробраться к трону заметно возросли. Причем объяснялось это не только лишь тем очевидным безоговорочным обстоятельством, что, будучи прямой наследницей на престол, Насинга представляла ему серьезнейшую конкуренцию. Воспользовавшись похищением принцессы, хитроумный Шэриак пытался обострить размолвки, существовавшие между Джайдубаром и Жасминой. К счастью для него, всем приближенным ко двору, было хорошо известно, что отношения между правителем и Дэви были довольно прохладными и не совсем соответствующими их супружескому положению. Впрочем, что все же нисколько не умаляло несомненного доверия и огромного искреннего уважения, которые испытывала к своему мужу Жасмина. Между тем, самому Джайдубару, по своей природе бывшему очень ранимым и обидчивым, совсем не по душе были установившиеся между ними Дэви отношения. Он любил жену, но, не найдя, как ему казалось, в ее сердце ответа на свои чувства, был глубоко оскорблен и подавлен этим. Подозревая Дэви Жасмину в измене, он следил за каждым ее шагом. Не упускал возможности лишний раз наведаться в ее покои. И регулярно подвергал жесточайшему допросу приближенных к Дэви рабов. И хотя у Джайдубара так и не находилось веских причин, чтобы упрекнуть супругу, ревность его была настолько болезненна и слепа, что даже собственная тень Жасмины порой казалась ему достойным соперником.

На это и сделал ставку Шэриак, силясь посеять раздор в королевской семье.

Узнав о том, что Жасмина послала гонца к Конану, он не замедлил сообщить об этом правителю. Причем, не пожалев чести племянницы, сознательно выставил все в ложном свете: якобы между Дэви и киммерийцем была давняя любовная связь. И Шэриак не

ошибся, — самолюбие Джайдубара было уязвлено. Все это время, пока во дворце ожидали приезда Конана, правитель, казалось, был настроен самым решительным образом. Однако когда киммериец наконец появился, Джайдубар, найдя его в покоях Дэви, не предпринял ничего против своего мнимого соперника. И что могло остановить его?! Неужели он поверил словам Жасмины?!

Поверил, тому, что этот проклятый варвар с севера поможет отыскать маленькую Насингу?!

Несмотря на всю очевидную подозрительность Джайдубара, его, на самом деле, легко можно было убедить в том, во что он хотел бы верить. В этом и была его слабость! Шэриак ненавидел подлинную силу правителя и брезгливо осмеивал его — не столь уж многочисленные — слабости.

Теперь, после пропажи Насинги и затем визита во дворец Конана, Джайдубар, казалось, не находил себе места. Он отдалился от государственных дел. Почти все время проводил в своих покоях или в саду у пруда, задумчиво глядя на искрящуюся в солнечных лучах водную гладь. Выл печален и необыкновенно молчалив. Изменилась и Дэви. Никого к себе не подпуская, кроме редких рабынь да Танар, своей придворной дамы, она стремилась к уединению. Вдвое — а то и втрое — чаще обычного посещала храм, отчаянно прося у всевидящего Асуры возвратить ей маленькую дочь. И с каждым новым днем отношения между Джайдубаром и Жасминой становились все более прохладными. Такое положение вещей как нельзя более устраивало Шэриака.

Пламя латунного светильника, что стоял на столе подле пергамента, вдруг затревожилось, как обычно бывает, когда открываются двери или окна, и через них в комнату беззвучно врывается ветерок. Но сейчас в покоях принца все было наглухо затворено. Не было и щели, из которой могло сквозить. И все же какое-то неведомое легкое дуновение коснулось пламени, вспугнуло тени на стене! По телу Шэриака пробежала тревожная дрожь. Он догадывался, что за дверь, незримая для простого смертного и, должно быть, ведшая из самой преисподней, отворилась сейчас — здесь, перед ним.

Комнату окутывала какая-то зловещая темная дымка.

И очень скоро взгляд Шэриака не мог уже различить ничего, кроме боязливо трепещущего пламени в латунном светильнике.

А затем пламя принялось расти, но уже без обычного вкрадчивого треска, без волнительной, неутомимой пляски рыжих язычков. Оно просто росло, постепенно делаясь все больше и больше, точно какая-нибудь лужица во время ливня.

Шэриак медленно, нерешительно поднялся с кресла и, не на миг не отводя от огня настороженного опасливого взгляда, попятился. Но сделав не больше пяти шагов, в оцепенении замер…

Достигнув в высоту человеческого роста, пламя начало уверенно принимать очертания женской фигуры. Контуры безупречно красивого стройного тела становились все более четкими. И при этом сам огонь, казалось, застывал, будто превращаясь в красный полупрозрачный камень.

Очень скоро глазам Шэриака предстало нечто вроде изваяния. Но еще какой-то неуловимый миг — и все стало, как и прежде. Дымка рассеялась, будто ее и не было никогда. На столе из слоновой кости стоял латунный светильник, и теперь его рыжее пламя было ровным и безмятежным.

Шэриак все еще неподвижно стоял, неотрывно глядя на огонь. Потом, наконец, выйдя из

оцепенения, облегченно вздохнул и неторопливо побрел к своему креслу. И еще не успел сесть, когда вдруг услышал за своей спиной женский смех, негромкий, но вместе с тем как будто леденящий кровь.

Шэриак судорожно обернулся. И его глаза тотчас же встретились с огромными темно-зелеными глазами женщины, что сидела на небольшом диване у стены. Шэриак узнал ее. Ту, при одном только воспоминании о которой, его неизменно пробирало дрожь. Это была Серидэя, косальская ведьма. Прекрасное, с белоснежной кожей и тонкими чертами, лицо нежданной гости было непроницаемо.

Рука Шэриака вцепилась в спинку кресла. Концы дрожащих от волнения губ чуть было приподнялись, изображая улыбку, но тут же безвольно опустились.

— Что же ты так не радушно встречаешь гостей?! — со злорадной насмешкой в голосе произнесла Серидэя. — Может, напугала тебя чем?!

Лицо Шэриака исказила страдальческая гримаса. Из горла вырвался сухой прерывистый кашель.

— Напугала?! — процедил сквозь зубы он. — Не можешь обойтись без этих своих… — Шэриак не договорил, а только описал рукой какой-то неопределенный жест. — Без всяких своих колдовских штучек?!

Серидэя снова рассмеялась.

— А раньше, помнится, тебе нравились эти мои… — в ее темно-зеленых глазах мелькнуло нечто злое, недовольное и вместе с тем лукавое, — «колдовские штучки».

Шэриак пробормотал что-то невнятное.

— Что ж! — с нарочито ленивой небрежностью протянула она. — Теперь уж и я нахожу в тебе гораздо меньше достоинств, чем прежде. Ты изменился. — Она пронзила его ледяным взглядом. — Постарел. Поглупел. — Ядовитая презрительная усмешка обнажила ее белые зубы. — А так?! Кем был, тем и остался! Признаться, мне даже жаль тебя. Всём строишь козни. А сам вздрагиваешь от каждого шороха. Трусливый злодей!

Шэриак прищурил глаза и глядел на Серидэю с испытующим недоверием.

— Да и тебя саму трудно назвать воплощением добродетели, — осторожно, хотя и не без злобы произнес он.

— Но и трусливой назвать меня не так-то просто, — с достоинством ответила она. — Не в пример тебе!

Шэриак сгорбился, опустил голову и что-то промычал.

Потом, спустя всего несколько мгновений, решительно расправил плечи, взглянул на Серидэю и более уверенным тоном произнес:

— Зачем ты явилась сюда?! Что тебе от меня снова понадобилось?!

— Снова?! — с гневной насмешкой повторила Серидэя. — Разве наши отношения не в равной степени были выгодны нам обоим?! Разве не ты так часто звал меня на помощь?! А маленькая принцесса?! Кто избавил тебя от наследницы на желанный престол?!

— Тише! — взвизгнул Шэриак, с поразительной для своего немолодого уже возраста и знатного титула прыткостью подскочив к Серидэе. — Прошу тебя, тише! — его голос дрожал. — Кто-нибудь может услышать тебя.

— Думаешь, все такие же, как и ты?! Подслушивают разговоры, стоя под чужими дверьми?!

— Я никогда не…

— Ах, да! — Серидэя не позволила ему договорить. — Ты не имеешь привычки стоять

под дверями. У тебя более изощренные методы.

— Замолчи, проклятая ведьма! — на последнем слове голос Шэриака сорвался на крик.

Принц нахмурился, потемнел лицом и, снова опустив голову, побрел к стоявшему у стола креслу. Затем нерешительным движением развернул кресло к Серидэе и, дрожащими руками опираясь на высокие подлокотники, сел.

— Ну, говори, зачем пришла? — угрюмо произнес он.

Серидэя улыбнулась. Легко, совсем по-девичьи, поднялась с дивана. Прошлась по комнате… Или, вернее, не прошлась, а каким-то удивительным, недоступным простому смертному способом оказывалась то в одном, то в другом месте.

Шэриак наблюдал за передвижениями своей гостьи с некоторой — в общем-то справедливой — опаской.

Он старался не упускать ее из виду. Однако далеко не каждый раз, когда Серидэя, словно растворяясь в воздухе, исчезала где-то в одном месте, взгляд Шэриака тут же находил ее в другом.

— Осторожнее! Свернешь шею! — говорила ему она. И заливалась безудержным переливчатым смехом.

Шэриак трясся от злости. Водил головой из стороны в сторону. Озирался назад. Напряженно всматривался в дальние углы, где тени, сгущаясь, не позволяли разглядеть ничего. И все слышал неугомонный издевательский смех ведьмы. Вот — Серидэя появилась здесь, у самого носа Шэриака.

Но принц не успел и глазом моргнуть, как тонкий силуэт его гостьи вдруг возник у самой дальней стены. Еще мгновение — и Шэриак судорожно вздрогнул, почувствовав на своем плече руку Серидэи.

Ведьма склонилась над ним, и ее дыхание, жаркое, как сам огонь, казалось, прожгло его насквозь. Копна длинных красно-черных волос Серидэи, словно шелковая занавесь, опустилась ему на лицо, закрыв собой свет, ласково щекоча кожу.

Сердце в груди принца колотилось с волнением, радостным и вместе с тем тревожным. Шэриак приподнял голову, и его губы потянулись к губам Серидэи. Но… внезапно он с изумлением, стыдом и горькой мучительной самоиронией обнаружил, что отброшенный на пол, опираясь на локти, полулежит не меньше, чем шагах в пятнадцати от своего кресла.

Смех Серидэи теперь стал еще более громким, злорадным и невыносимо раздражающим. Она приблизилась к Шэриаку, остановилась и смотрела на него сверху вниз с холодным высокомерием во взгляде. Принц попытался было встать на ноги, но внезапно все его суставы пронзила острая боль. И, не сдержав стон, он опять безвольно рухнул на пол. Огромные темно-зеленые глаза Серидэи сверкнули злым торжеством. Она уже не смеялась, однако уголки ее губ все еще были приподняты.

— Как же ты смешон! — жестко сказала она. — Мечтаешь о престоле, когда тебе самое место на торговой площади развлекать прохожих зевак!

— Ненавижу тебя! — прошипел Шэриак, предпринимая еще одну неудачную попытку встать на ноги. Он руками оперся об пол. Приподнял голову. И, встретив обжигающий взгляд Серидэи, в тот же миг почувствовал, как по его телу прошла быстрая судорога.

— На какое-то время — считанные мгновения, которые, однако же, показались Шэриаку лениво проползшей вечностью, — его глаза застилала густая пелена.

Постепенно, будто нехотя, она рассасывалась, и принц все отчетливее различал перед собой образ ненавистной ему Серидэи. Когда же, наконец, зрение совсем возвратилось к

нему, он нашел женщину уже стоявшей у стола из слоновой кости. Она склонилась над пергаментом и с застывшей на губах улыбкой читала то, что было написано на нем.

— Письмо в Аграпур, к верховному жрецу Эрлика, — не очень громко протянула она. — Интересно, — ее насмешливый взгляд метнулся в сторону Шэриака, — многим ли в Вендии известно о связи, существующей между тобой и жречеством Эрлика?!

Из глотки Шэриака вырвались какие-то нечленораздельные звуки.

— Поднимайся же! — весело сказала Серидэя. — Не пристало благородному принцу валяться на полу. Ну?! Что же ты?!

Шэриак смотрел на нее горящими злобной ненавистью глазами. Он хотел подняться на ноги, но опасался снова оказаться пораженным чудовищной болью, что уже дважды сокрушала его нерешительные попытки. Однако в этот раз принцу все же удалось встать. И, чуть прихрамывая на правую ногу, — он ушиб ее при падении, — Шэриак направился к стоявшему у стен дивану (нарочно подальше от Серидэи). Сел на него. И все тем же не отличающимся дружелюбием взглядом уставился на свою непрошеную гостью.

— Скажешь же ты, наконец, зачем явилась сюда?! — сквозь зубы процедил он.

Серидэя встряхнула копной роскошных красно-черных волос. И опустилась на кресло, причем сделала это столь грациозно и величественно, что ей наверняка могла бы позавидовать любая особа королевской крови. Глядя на ее движения, Шэриак, казалось, задыхался от переполнившей его злости.

— Послушай, — примирительным тоном начала Серидэя, — Как бы там ни было, но мы с тобой должны оставаться союзниками.

Шэриак буркнул себе под нос что-то невнятное.

— Согласись, мы можем оказаться очень полезными друг другу, — продолжала она, ее голос звучал негромко и вкрадчиво. — Мне известно, куда направятся Конан и Зулгайен, когда покинут йелайского отшельника.

Принц не проронил ни слова. Однако в его темных глазах вспыхнул алчный огонек. Длинные костлявые пальцы на руках начали нервно двигаться, словно лапы у паука.

— Их путь будет лежать к храму Тарима, тому, в котором был воспитан Зулгайен.

— К храму Тарима?! — изумленно воскликнул Шэриак. Из его горла вырвался ехидный смешок. — К храму Тарима. Да ты с ума сошла! Как же найти этот проклятый храм?! Ведь каждому известно, жрецы Тарима умело скрывают от посторонних глаз свои святилища.

Серидэя, соглашаясь, кивнула головой.

— Принеси мне карту Турана, — ровным голосом сказала она.

Шэриак, бормоча что-то неразборчивое, поднялся с дивана. Прошел к небольшой тумбе, выделанной, равно как и стол, из слоновой кости. Привычным движением открыл резную дверцу. И некоторое время торопливо перебирал что-то внутри. Затем, достав оттуда пергаментный свиток, тяжелой поступью направился к Серидэе.

— Вот здесь, в самом сердце Туманных гор, всего в двух лигах на север от озера Чайтал укрыт храм Тарима, — через несколько мгновений после того, как Шэриак расправил перед ней пергамент, говорила ведьма, напряженно всматриваясь в четкие контуры карты.

— Откуда ты… — Шэриак не договорил. Он хотел было с недоверчивой усмешкой спросить Серидэю, каким образом ей стало известно местонахождение храма Тарима, но, вовремя вспомнив, с кем имеет дело, и обнаружив нелепость этого вопроса, решил не спешить открыто выражать свое сомнение.

— Сообщи об этом верховному жрецу Эрлика! — повелительным тоном сказала

Серидэя. — Не медли! Конан и Зулгайен не намерены ждать, — с легким смешком добавила она.

— Ты следишь за ними?! — тихим сдавленным голосом спросил Шэриак. — Значит, они внушают тебе опасение. Почему же ты сама не покончишь с ними?!

Серидэя вздрогнула, будто слова принца чем-то напугали ее.

Она широко раскрыла глаза. И в них, обычно столь непроницаемых, теперь Шэриак увидел нечто… тревогу или даже непреодолимый страх — он и сам не разобрал.

— Не могу, — задумчиво прошептала она. — Я стала совсем слаба.

Шэриак окинул ее торжествующим взглядом.

— Так вот, зачем тебе понадобилась Насинга, — с нескрываемым злорадством сказал он. — Твоя сила иссякла, и теперь верховной хранительницей огня Дианирина должны будут избрать другую…

— Этому не бывать! — твердым голосом произнесла Серидэя. — Никто, кроме меня не будет верховной хранительницей! — Ее глаза холодно блеснули.

— Надеешься забрать силу Насинги? — осторожно спросил Шэриак. — Высосать, как вампир высасывает кровь.

Серидэя ничего не ответила. Лишь едва заметная улыбка коснулась ее прекрасных алых губ. Затем ведьма с прежней девичьей легкостью поднялась с кресла.

Плавной, грациозной поступью она обогнула стол и, задержав взгляд на пламени латунного светильника, остановилась.

— Я, и только я всегда буду называться верховной хранительницей Дианирина! — тихо, почти шепотом, сказала она, обращаясь не столько к Шэриаку, сколько к себе самой. — Никто и ничто не помешает мне!

Несколько мгновений Серидэя стоял неподвижно, по-прежнему всматриваясь в пламя светильника. Затем, будто очнувшись от какого-то магического сна, подняла голову и несколько рассеянно взглянула на стоявшего рядом Шэриака.

— Поторопись с письмом в Аграпур! — произнесла она.

И в тот же миг, — Шэриак не успел и глазом моргнуть, — комнату снова окутала густая темная дымка. А когда она вскоре рассосалась, Серидэи уже не было.

Шэриак осмотрелся по сторонам и, со вздохом облегчения убедившись, что уже и в самом деле остался один, снова опустился в свое кресло.

Дрожащей от волнения рукой подвинул к себе пергамент с недописанным им письмом. В другой — сжал золоченное перо, окунул его в стоявшую здесь же, на столе чернильницу. И потом, торопливо водя им по желтоватому полю пергамента, принялся дописывать свое послание к верховному жрецу Эрлика.

В этом послании Шэриак подробно, хотя и без некоторых известных ему подробностей, сообщал, где и когда можно будет настичь туранского полководца Зулгайена и пресловутого киммерийца Конана.

Закончив, наконец, с письмом, он встал из-за стола и, приблизившись к стене, решительным движением ударил в висевший на ней медный гонг. Скоро дверь бесшумно отворилась, и в сводчатом проеме возник невысокий коренастый мужчина-раб. Учтиво поклонившись, он семенящей поступью прошел через порог и в ожидании повелений своего господина замер.

— Отыщи гонца Земара и приведи его ко мне, — сухо сказал Шэриак. — Ну?! Ступай же! Не медли!

Глаза раба суетливо забегали, будто он никак не мог сообразить, что же от него требовалось.

Затем с какой-то пугливой рассеянностью во взгляде и в движениях он развернулся и вышел вон.

Через несколько мгновений раздался негромкий стук в дверь.

— Скоро же он справился, — пробормотал себе под нос Шэриак. А затем, уже повысив голос, сказал: — Входи, Земар!

Однако ни Земар, ни кто-либо другой не почему-то вовсе не спешил переступать порог комнаты.

Шэриак повторил разрешение войти. И снова никто не предстал перед его глазами. Стук повторился, тихий, деликатный.

Не выдержав, принц подошел к двери и сам открыл ее, надо сказать, не забыв при этом хорошенько выругаться.

Но каково было его удивление, когда он увидел перед собой… Серидэю. Шэриак даже отскочил от двери.

— Ну что же ты так испугался?! — насмешливо спросила ведьма. — Весь пожух, побледнел.

— Зачем… ты снова… явилась? — обрывающимся от волнения голосом пробормотал он.

— Просто я подумала, что сама намного быстрее всяких гонцов доставлю твое послание в Аграпур, — сказала она, — Ну?! Давай же мне его! — и, заметив растерянность принца, добавила; — Доверься мне! Что я могу сделать с твоим письмом, кроме того как передать его в руки верховного жреца Эрлика?! Не забывай, мы ведь с тобой союзники!

Шэриак дрожащей рукой протянул ей свернутый и запечатанный пергамент. Серидэя взяла его и, даже не попрощавшись (она вообще не имела такой привычки), исчезла — как обычно, растворившись в воздухе.

Глава XI
«Слеза Дианирина»

Казалось, это была самая обычная скала, каких здесь, среди мрачных серых гор, помпезно, хотя и справедливо именуемых Туманными, наверняка, нашлось бы не меньше тысячи. Однако Конан и Зулгайен уверенно двигались в ее сторону, поскольку туранец утверждал, что именно там, внутри, и был укрыт от посторонних глаз храм Тарима.

Наконец они достигли самого подножия скалы. Спрыгнули с коней и, не теряя времени, направились по ведшей наверх узенькой тропинке, в густой темноте ночи едва различимой взгляду. Первым, конечно же, шагал Зулгайен. Конан следовал за ним и то и дело озирался по сторонам. Не более, чем в шагах двадцати от земли тропинка оборвалась. Спутники оказались на нешироком уступе. Киммериец не сразу заметил зияющий в скале, незначительно выше этого самого уступа, провал лаза (то ли природного, то ли сотворенного человеком — трудно было разобрать). Зулгайен, не раздумывая, нырнул в него, и кромешная темнота в тот же миг жадно проглотила его силуэт.

Конан выждал немного и только затем последовал за своим спутником. Он не мог видеть туранца, но слышал равномерные звуки его твердых, решительных шагов где-то впереди. Сам же он ступал осторожно, не торопясь. Так они шли довольно долго, все продвигаясь куда-то вглубь скалы. Постепенно глаза Конана привыкли к темноте, и он уже мог видеть и идущего впереди Зулгайена, и каменные своды этого… ну, скорее, не лаза, а настоящего коридорам

Наконец путники достигли высокой металлической двери, преграждавшей их дальнейший путь.

Зулгайен опустил ладонь на выкованную в форме витого кольца ручку, потянул ее вниз. И та как будто (впрочем, в этой темноте Конан не мог доверять своему зрению) поддалась. Однако дверь, как можно было ожидать, не отворилась. Только тотчас же за ней послышался резкий, хотя и не очень громкий звон. Скоро он прекратился.

Теперь за дверью были слышны отчетливые звуки какой-то суетливой возни. Слух Конана различил даже чьи-то перешептывающиеся между собой голоса.

Наконец дверь, громко лязгнув запором, приоткрылась. Рука киммерийца инстинктивно потянулась к висевшему на поясе мечу. Свет факела рассеяно, как будто даже небрежно, разлился по каменным сводам и на какие-то считанные мгновенья ослепил Конана и Зулгайена. Затем, когда их глаза чуть привыкли к свету пламени, спутники увидели перед собой трех высоких молодых мужчин, облаченных в длинные темные тоги.

Зулгайен приподнял руки, и держа их на уровне лица ладонями наружу, в почтительном приветствии склонил голову. Незнакомцы (во всяком случае, Конан определенно не был знаком ни с одним из них) ответили полководцу точно таким же сдержанным, но полным достоинства жестом.

— Мое имя Зулгайен, — представился туранец. И, несмотря на то, что он, конечно же, не мог сомневаться в громкой славе своего имени, в голосе полководца не было и следа высокомерия.

В глазах же стоявших напротив него трех служителей Тарима мелькнули восторженные

искорки.

— Моего спутника, — взглядом Зулгайен указал на киммерийца, — зовут Конан. Он не поклоняется Тариму. Но я надеюсь, что здесь, в храме, Конану не откажут в гостеприимстве!

Служители Тарима, соглашаясь, кивнули полководцу.

Затем все разом обратили взоры к киммерийцу и храня свое спокойное безмолвие, почтили его тем же самым приветствием, которым незадолго до этого обменялись с Зулгайеном. В ответ Конан постарался изобразить нечто подобное. На губах троих мужей проскользнула тень улыбки, не лишенной сдержанной насмешки, но в общем-то доброжелательной.

— Нам необходимо встретиться с Герданом — верховным жрецом, — ровным голосом произнес Зулгайен. — Проводите меня и моего спутника к нему!

Мужчины в черных тогах переглянулись между собой, будто одним только взглядом могли сказать друг другу что-то недоступное для восприятия остальных людей (ну, хотя бы того же самого Конана). Потом один из них, самый старший по возрасту, обратился к туранцу и киммерийцу:

— Меня зовут Ториот. И для меня, как и для любого в этом храме, будет честью сопровождать к Гердану доблестных мужей, равных тем, коих я вижу сейчас перед собой, — он снова почтительно склонил голову. — Оставьте здесь свои мечи и ступайте за мной!

Зулгайен безо всяких сомнений вынул из ножен меч и отдал его одному из служителей храма. Конан не сразу решился расстаться со своим оружием, но и он уступил требовательной просьбе Ториота.

Двое других служителей Тарима на пару шагов отступили в сторону, позволяя спутникам пройти. Ториот тем временем развернулся и твердой уверенной поступью направился вглубь скрытых в полумраке помещений. Киммериец и туранец последовали за ним.

Шли они молча. И вокруг была такая тишина, плотная, как стена, что, казалось, если вдруг и раздался бы где-то поблизости какой-нибудь звук — все равно нельзя было бы услышать его.

Спутники двигались по пустынному лабиринту узких запутанных коридоров, спускались вниз по бесконечной изогнутой спиралью лестнице. И, уже, видимо, оказавшись где-то глубоко-глубоко под землей, снова шествовали по мрачным петляющим коридорам. Прошли по огромному выложенному из темно-серого мрамора залу с высоченным, какой-то совершенно неописуемой формы потолком, золотыми изваяниями у стен и полупрозрачным, завораживающе искрящимся, словно лед в солнечных лучах, полом. Посреди зала возвышалась массивная золотая статуя полуобнаженного человека неземной красоты, обе руки которого были согнуты в локтях, соединены и держали на ладонях что-то напоминавшее бутон цветка. Но, приглядевшись внимательнее, Конан нашел, что это был вовсе не цветок, а пламя огня.

— Это Тарим, дарующий людям огонь, — с волнением в голосе прошептал у самого уха киммерийца Зулгайен.

Миновав этот зал, все трое снова оказались на лестнице, но не узенькой винтовой, как та, что привела их сюда, в подземный лабиринт храмовых помещений, а широкой, с резными золоченными перилами. Лестница эта вела наверх, хотя была совсем невысока — всего в три пролета. От последней площадки в разные стороны расходились два вздымающиеся крыла. Они закруглялись плавной линией и наверху соединялись друг с другом, образовывая красивейшую балюстраду.

Вслед за Ториотом Конан и Зулгайен поднялись по лестнице и оказались в длинном коридоре. И опять нельзя было не заметить, что этот коридор был вовсе на те, мрачные без тени роскоши, по которым они проходили прежде. Пушистые ковры устилали пол. В мраморных стенах были устроены продолговатые ниши, вместо которых иногда встречались двухстворчатые сделанные из тикового дерева двери. У одной из таких дверей и остановился Ториот. Тихонько постучал в нее кулаком и в ожидании замер. Из-за двери, разрешая войти, послышался негромкий мужской голос.

Жестом руки и сопровождавшим его взглядом велев Конану и Зулгайену подождать здесь, в коридоре, служитель Тарима открыл дверь и тотчас же скрылся за ней. Внутри Ториот был совсем недолго и, когда вышел обратно, вежливо улыбаясь, сообщил гостям, что Гердан ждет их в своих покоях. Придерживая рукой дверь, он пропустил мужчин, а затем осторожно прикрыл ее.

Комната, в которой очутились Конан и Зулгайен, была довольно просторной. Темнота, разбавленная лишь тусклым светом пламени в маленьком, закрепленном на стене светильнике, позволяла разглядеть пышное убранство.

На невысоком подиуме у одной из стен стояла огромная деревянная кровать с массивными, украшенными аркатурой спинками.

Ниспадающий тяжелыми волнами балдахин над ней был чуть раздвинут, и сквозь щель можно было увидеть темноволосую голову лежавшего в постели человека.

Это был еще не старый — лет пятидесяти — мужчина, с безупречно правильными благородными чертами лица и большими светлыми глазами.

Между тем кожа его была пугающе бледна и как будто даже прозрачна. А длинные худые пальцы немощно дрожали. Полуприкрытыми глазами мужчина напряженно вглядывался в лица вошедших.

— Зулгайен, — еле слышно произнес он, обращаясь к полководцу. — Неужели… это ты?! Слышал я… вендийцы… держали… в плену, — Гердан говорил сдавленно, прерывисто. — Не думаю, что… Ездигерд… — он вздохнул. — Ну, так бежал, и… слава Тариму! Подойди же ко мне! Дай мне… посмотреть на тебя!

Туранец, не говоря ни слова, приблизился к нему, опустился на колени и губами коснулся его дрожащей руки.

— Это я, Гердан, — прошептал он. — Я — твой верный ученик и друг Зулгайен.

— Сколько же лет… Сколько же лет… мы не виделись?! — на бледном лице верховного жреца Тарима промелькнула тень слабой улыбки.

— Пятнадцать, — не на миг не задумываясь над ответом, произнес полководец.

— А ты возмужал! Теперь уж мало… что осталось… от того мальчика, которого я… помню.

Обращенный к Зулгайену взгляд учителя был бесконечно ласков.

— Я горжусь тобой! Сюда, в Туманные горы, давно уже дошла слава… — Гердана вдруг совсем замолк. Бледное, почти обескровленное лицо исказила гримаса мучительной боли. Удерживая стон, верховный жрец крепко стиснул зубы.

— Что с тобой, Гердан?! — отчаянно воскликнул полководец. Он вскочил с колен и, склонившись над своим учителем, тревожно вглядывался в его лицо.

Чуть приподняв голову, жрец описал рукой какой-то неопределенный жест и судорожно вцепился в край покрывавшего его льняного одеяла. Широко раскрытые, не моргающие глаза глядели прямо перед собой ничего не различающим взглядом. Мышцы на лице

неестественно напряглись. А там, где кожа казалась совсем тонкой и прозрачной, было заметно, как быстро пульсировали болезненно набухшие голубовато-сиреневые вены. Внезапно его тело сильно содрогнулось. Из горла вырвался короткий, едва, слышный стон. Голова бессильно опустилась на подушку. Мышцы расслабились. На глаза медленно, будто нехотя, поползли тяжелые, окаймленные редкими ресницами веки.

— Гердан! — дрожащим от волнения голосом обратился к своему учителю Зулгайен. — Гердан, ты слышишь меня?!

— Да, мальчик мой, — с трудом двигая обескровленными губами, прошептал жрец. Его ресницы едва заметно дрогнули, и, приоткрыв глаза, он взглянул на Зулгайена с трепетной нежностью во взгляде. — Успокойся, мне стало лучше, — уже не шепотом, но все же очень тихо произнес он.

— Но что с тобой?! — с возрастающим волнением в голосе спрашивал Зулгайен. — Что за недуг поразил тебя?!

Гердан ответил не сразу, казалось, он колебался.

— Я и сам не знаю, — наконец, произнес он, задумчиво, печально и глядя вовсе не на Зулгайена, а куда-то вперед. — Еще несколько дней назад… я мог бы похвастаться отличным… самочувствием, но… — он с горечью усмехнулся. — Теперь же… прикован к этой кровати и чувствую, как последние силы… покидают меня. И я… Я не могу… не могу ничего с этим поделать. Нить… моей жизни… рвется.

— Но ведь ты же сведущ в лекарском деле! Пока я жил здесь, в храме Тарима, мне не раз доводилось наблюдать, как ты спасал от верной смерти тех, справиться с недугами которых оказывались бессильны лучшие ученые мужи Турана. А сейчас ты утверждаешь… — Зулгайен вдруг замолк. Судорожно сглотнул подступивший к его горлу ком. И, уже понизив голос, с надеждой спросил: — Почему же ты не можешь излечить себя самого?!

Бледные губы Гердана сморщила грустная улыбка.

— Да, мальчик мой, я не могу, — после некоторых раздумий прошептал жрец

— Ты… ты… О, нет! Я отказываюсь верить этому! Не могу! Не хочу! — то бормоча себе под нос с укоризненной досадой в голосе, то в каком-то отчаянном несдерживаемом порыве срываясь до крика, говорил полководец.

— Не горячись, — по-прежнему улыбаясь, обратился к нему Гердан. — Не горячись, — еще мягче повторил он. Потом, какое-то время — всего несколько мгновений — молча поразмыслив о чем-то, спросил: — Так что же… привело тебя сюда… в храм Тарима?

Говоря, верховный жрец повысил голос, вероятно, нарочно, для того чтобы показаться своему ученику бодрее. И это стоило ему немалых усилий — мускулы на его лице снова неестественно напряглись. Губы предательски дрогнули и, бесформенно исказившись, застыли, словно в параличе. Взгляд же светлых глаз оставался спокойным.

— Позволь мне сперва представить тебе своего спутника! — сказал Зулгайен. — Это Конан. — Его взор метнулся в сторону киммерийца. — Должно быть, тебе доводилось слышать о нем?

Гердан кивнул. Затем поглядел на стоявшего чуть поодаль киммерийца и произнес:

— Рад познакомиться с тобой, Конан! Киммериец с подобающей случаю учтивостью склонил голову, но ничего не ответил на вежливое приветствие жреца.

— Присаживайтесь… — взглядом Гердан указал на огромный обшитый бархатом диван у стены,

Конан и Зулгайен молча сели.

— Ну, а теперь… я надеюсь… услышать, что же… привело вас ко мне?! Признаться… — он обречено вздохнул, — как бы… ни была приятна эта Встреча… у меня тревожные предчувствия.

Зулгайен с грустью усмехнулся.

— Боюсь, Гердан, твои предчувствия не обманывают тебя, — тихо сказал он. — Мы пришли сюда за помощью. И… — полководец вдруг почему-то замолк и только через несколько мгновений сдавленным голосом добавил: — это касается ведьм Дианирина.

При упоминании косальских ведьм, жрец судорожно вздрогнул.

— И здесь… не обошлось… без них, — задумчиво произнес он, и в его тоне отчетливо слышалась какая-то пугающая будоражащая воображение таинственность.

Конан и Зулгайен испытующе глядели на жреца. Однако Гердан не спешил объяснять значение своих слов.

— Рассказывай дальше, мальчик мой, — обратился он к полководцу.

— Серидэя похитила маленькую вендийскую наследницу.

— Я слышал… об исчезновении принцессы… Насинги, — Гердана тяжело вздохнул. — И, зная также, что… девочка эта обладает… необыкновенной магической… силой, подозревал в похищении… Серидэю. Совершенной же… уверенности в этом у меня не было, — он снова вздохнул. — Но откройте же мне… каким образом вам… стало известно все это?! — Его светлые глаза оживились.

Мы разговаривали с одним отшельником из пещеры Йелай, — ответил Зулгайен. — Может быть, тебе приходилось что-нибудь слышать о нем?!

Из пещеры Йелай, — задумчиво сморщив лоб, повторил Гердан.

Это старец, точно не меньше лет ста, — продолжал полководец, — однако ясности его ума справедливо мог бы позавидовать любой сорокалетний муж. Он искушен в чародействе, но свои знания редко использует для того, чтобы вмешаться в жизни других людей. Он поведал нам, что здесь, в храме Тарима, хранится некий магический камень, который может помочь противостоять силе верховной хранительницы Дианирина.

Гердан едва заметно улыбнулся, но ничего не ответил.

Он лениво прикрыл глаза, и, казалось, о чем-то задумался.

— Возможно… речь идет о Слезе… Дианирина, — наконец заговорил он. — Более двух тысячелетий она… хранилась здесь. Но… — его голос дрогнул, — совсем недавно… дней пять назад, я обнаружил, что… Слеза исчезла. — Жрец снова в задумчивости помолчал какое-то время, а затем открыл глаза и, тревожно обежав взглядом свои покои, нерешительно добавил: — С того самого дня… я и почувствовал, что… злой недуг… овладевает моим телом.

— Ты думаешь, что все это происки косальских ведьм? — осторожно спросил Зулгайен.

Гердан кивнул.

— Нынешняя верховная хранительница… Серидэя теряет… свои силы… — Жрец говорил очень тихо. — Я знал это, потому как… наблюдая за слезой… Дианирина, замечал, что… постепенно она… меняла цвет. Если камень лазурный… силе верховной хранительницы не сможет… противостоять никто из… смертных. Но если же он… стал Огненным — ведьма… утратила свою мощь! — Несмотря на слабость, его голос прозвучал с нескрываемым торжеством. — В таком… случае верховной хранительницей… непременно должна… будет стать… другая. Та, которую… выберет… звезда Дианирина.

— Выберет звезда Дианирина?! — изумленно повторил Конан. — Что это значит?!

Гердан улыбнулся.

— Косальские ведьмы… собираются в укрытом… внутри скалы Черного грифа… храме, — жрец вдруг прервался. Снова задумался. Потом, еще более понизив голос, продолжал: — Храм тот… похож… на наш. Ведь… — он мучительно сглотнул, — несмотря ни на что… между нами много общего, — казалось Гердан пересилил себя, чтобы произнести эти слова. И в его тоне были и досада, и обреченность, и даже горькая ирония. — В скале Черного грифа… есть огромный круглый зал… с вздымающимся куполом… потолком. Сверху в зал этот… глядит сама… звезда Дианирина. Ведьмы садятся у стен, по кругу. В самом же… центре этого круга восседает… верховная хранительница. Звезда… глядит на нее, и, если… не находит в ней необходимой силы… превращается… в огненный шар.

— И тогда верховной хранительницей должна будет избрана другая ведьма? — сузив глаза, спросил Конан.

— Не сразу, — отвечал Гердан. — Обыкновенно… верховной хранительнице дают… время… всего… один год. И только тогда… если она… не сможет… вернуть былую силу, ее место… займет другая. Для этого… все косальские ведьмы… поочередно будут садиться на кресло… в центре зала. И когда звезда Дианирина… выберет достойнейшую из них, она… снова приобретет… лазурный цвет.

— А тот камень… Слеза, — задумчиво произнес киммериец, — он ведь тоже меняет цвет. Не значит ли это, между ним и… этой самой звездой существует какая-то связь?

На бледных губах Гердана промелькнула тень улыбки.

— Каждый раз, — тихо отвечал жрец, — когда… избирается новая… верховная хранительница… звезда Дианирина… опускает на землю… свою маленькую частицу… будто слезу, — он опять улыбнулся. — Да… слезу Дианирина. Она… отражает магическую силу… верховной хранительницы. — Гердан задумался, и что-то тревожное было во взгляде его светлых глаз. — Я уверен… — продолжал он, — это Серидэя… похитила Слезу из нашего… храма. Она испугалась… что кому-нибудь станет известно о… ее бессилии. Оттого-то… и наслала на меня смертельный… недуг. Ведь я… только я один знал… тайну Слезы, — он обречено вздохнул.

— Но как же Слеза Дианирина попала сюда, в храм Тарима?! — спросил Зулгайен.

— Я… точно не знаю… этого, — почти шепотом отвечал Гердан. — Она очень… долго находилась… здесь… более двух тысяч лет. И, сомневаюсь… что… Серидэе было… известно об этом. Служители Тарима… умеют… хранить свои тайны… Хоти, — с горечью добавил он, — вот, оказалось… что и… среди нас… нашелся предатель. Как еще… Серидэя могла узнать… что Слеза… была здесь?!

— Разве ты не говорил, что только тебе одному было известно об этой Слезе? — осторожно спросил полководец.

— Ты… невнимателен… мой мальчик, — мягко сказал жрец. — Я говорил… что один посвящен… В тайну Слезы. В то… что связывает ее… с самой… Верховной хранительницей. И лишь я… имел доступ… в святилище, где до недавнего времени… она находилась. Но о том… что… Слеза Дианирина хранилась… в нашем храме, знали… многие служители.

— Я был воспитан в этих стенах, — задумчиво произнес Зулгайен, — однако никогда не слышал об этой Слезе.

— Ты был еще… ребенком, — по-прежнему мягко отвечал Гердан. — К тому же… так и не стал… настоящим жрецом.

Откуда же о Слезе стало известно йелайскому отшельнику?! — спросил Конан. — Ведь это он послал нас за ней сюда.

Соглашаясь с киммерийцем, Зулгайен кивнул. Взгляды обоих сидевших на диване мужчин были устремлены к Гердану.

— Не знаю… — дрожащим от слабости голосом прошептал верховный жрец. — Скажу только… что отшельник этот… верно, обладает… большими знаниями. И то… что он не использует их… в корыстных целях… делает ему честь. Нет причин… не доверять ему. Хотя, признаться, — после некоторых раздумий продолжал он, и в его тоне слышалась беспомощность, — мне… не известно… как Слеза может помочь… завладевшему ею побороть… верховную хранительницу Дианирина? Если… отшельник говорил правду… — жрец вдруг замолк.

Снова его лицо исказила гримаса боли. Руки произвольно сжались в кулаки, и костяшки пальцев побелели.

Зулгайен вскочил с дивана и подбежал к своему учителю.

Всегда такой выдержанный, сейчас молодой полководец преобразился на глазах, превратился в испуганного мальчика. Видеть своего обожаемого учителя в эти мгновения было для него сущим мучением.

Он бормотал что-то нечленораздельное, топтался на одном месте, то склоняясь над Герданом, то оборачиваясь к Конану, будто ища у него поддержки, и при этом, казалось, сам не понимал, что и зачем делал.

Темноволосая, лишь с редкой проседью голова жреца была сильно запрокинута назад, так что светлая жилистая шея выглядела неестественно длинной.

Мускулы на лице напрягались и снова расслаблялись. Беззвучно шевелились бледные, почти белые губы. На высоком лбу выступили капельки пота.

— Зулгайен… мальчик мой, — негромко произнес жрец, быть может, даже в бреду. Его глаза были широко раскрыты, двигались из стороны в сторону, но будто бы ничего не различали перед собой. — Зулгайен!

— Я здесь… с тобой, Гердан, — тревожно вглядываясь в лицо своего учителя, отозвался полководец.

— Твоя жена… Ассинджа… в храме.

— Ассинджа в храме?! — не сдерживая радостного изумления, повторил вслед за жрецом полководец. — Здесь?! В храме Тарима?!

Гердан ответил ему едва заметным кивком головы. А потом-Потом тело жреца в последний раз содрогнулось, так сильно, что кровать при этом издала какой-то неясный пронзительный звук, то ли треск, то ли скрип.

Судорога прошла по немощному телу, огромной силой на миг подбросила его вверх и тут же отпустила свою беспощадную хватку.

Из горла Зулгайена вырвался отчаянный стон. Полководец неотрывно, не позволяя себе даже моргнуть, глядел на жреца.

В широко раскрытых остекленевших глазах не было и проблеска сознания. Зулгайен отшатнулся от кровати и, не поворачиваясь к стоявшему, позади него киммерийцу, дрожащим прерывающимся голосом произнес: — Он… он мертв.

Глава XII
«Ассинджа»

Когда Зулгайен приближался к невысокой сводчатой двери, сердце его билось с радостным волнением, часто и громко. Казалось, оно готово было вырваться из стеснявшей его груди. Зулгайен остановился у двери, па какое-то время в нерешительности замер. Наконец поднял руку и негромко постучал.

— Войдите! — послышался из-за двери мягкий женский голос. И мелодичные звуки этого голоса отозвались в душе Зулгайена нежным, трепетным чувством.

Порывистым движением полководец открыл дверь и, не раздумывая, переступил через порог. Сделал всего два шага, вдруг остановился. Перед ним была большая, роскошно убранная комната. На огромном, с высоченной спинкой кресле сидела молодая темноволосая женщина. На коленях у нее лежало шитье, но тонкие белые руки, опущенные над ним, замерли. Большие карие глаза глядели на вошедшего.

— Зулгайен?! — неуверенно произнесла женщина. А потом, через какие-то считанные мгновения (которые, между тем, показались полководцу вечностью томительного ожидания) она, уронив на пол свое шитье, вскочила с кресла и бросилась к мужу.

— Зулгайен! — снова воскликнула она. — Это ты! Ты!

Полководец заключил ее в объятия.

— Ассинджа! — шептал он и беспрестанно покрывал жаркими поцелуями ее лицо, волосы, руки.

— Я знала! Я верила, что ты вернешься! — воодушевлено говорила она, и в уголках ее карих глаз драгоценными камнями блестели слезы радости. — Наконец, мы вместе! Навсегда! — Ассинджа нерешительно подняла голову, и внимательно глядя на мужа, обрывающимся от волнения голосом повторила, но уже не утверждая, а с надеждой спрашивая: — Навсегда?!

Губы Зулгайена дрогнули. И на лице застыла страдальческая мина. Ассинджа глядела на мужа с испытующим недоверием и трогательной беззащитностью в одно и то же время.

— Что же ты молчишь?! — укоризненно спросила она. — Ответь мне, Зулгайен!

— Нет, — тихим сдавленным голосом произнес муж. — Завтра на рассвете я должен буду покинуть храм.

— Чтобы поспешить в Аграпур?! Преклонить перед самодуром Ездигердом колени?! — с гневной насмешкой в голосе воскликнула Ассинджа. — Уверена, — она прищурила глаза, — не ему ты обязан своей сегодняшней свободой!

— Ты права, — спокойно ответил Зулгайен. — Не ему — другому человеку. Но именно потому, — он заметно повысил голос, — чтобы отблагодарить своего спасителя, я и должен буду завтра покинуть тебя! Мой долг — помочь ему!

— Кто же этот человек? — настороженно спросила Ассинджа.

— Это киммериец по имени Конан, — ровным голосом ответил Зулгайен

— Киммериец?! — переспросила она и, если можно себе представить смешение искреннего изумления и пренебрежительного безразличия, то именно оно звучало в ее тоне. Ассинджа задумчиво, хотя и все с тем же безразличием во взгляде, сморщила лоб. Будучи

несильна в географии (что по мнению Зулгайена в общем-то ничуть не умаляло других ее безусловных достоинств) она, видимо, просто не знала о том, кто же такие киммерийцы.

— Это народ, поселяющий северные… — со снисходительной улыбкой начал было пояснять Зулгайен.

— Мне известно это, — перебив мужа, резко отозвалась Ассинджа.

— Киммерийцы — сильные, храбрые люди! — с воодушевлением продолжал полководец. — И поверь, Конан — истинный сын своего народа!

— Ну, все же этот хваленный киммериец почему-то нуждается в твоей помощи! — с насмешкой воскликнула Ассинджа.

— Он вызволил меня… — начал было Зулгайен, но жена громко перебила его.

— Только для того, чтобы затем потребовать у тебя… помощи! — последнее слово она произнесла с саркастической усмешкой.

— Ассинджа, как ты можешь! — гневно воскликнул полководец. — Не забывай, я обязан ему свободой!

— И куда же вы теперь направляетесь? — примирительным тоном спросила его жена.

— В Косалу.

— В Косалу?! — Ассинджа глядела на мужа широко раскрытыми от удивления глазами. — Но что же понадобилось этому твоему… киммерийцу, — это слово она произнесла не без некоторой брезгливости, — в Косале?!

Зулгайен колебался перед тем, как ответить.

— Я скажу тебе, — наконец неуверенно произнес он. — Но заклинаю, держи все услышанное в тайне!

Ассинджа утвердительно кивнула головой.

— Пойдем сядем, любимый, — сказала она, — и ты расскажешь мне обо всем.

Зулгайен сел на кресло, то самое, на котором еще несколько мгновений назад сидела с шитьем в руках его жена. Сама же Ассинджа опустилась на ковер у ног мужа.

— Говори же, — мягко поторопила она. — Я с нетерпением жду твоего рассказа.

— Известно ли тебе что-либо о таинственном похищении из Айодхийского королевского дворца маленькой принцессы?

— Конечно, — ничуть не раздумывая, ответила Ассинджа. — И поговаривают, что это дело рук Ездигерда. Впрочем, — с усмешкой добавила она, — здесь скорее замешано жречество Эрлика.

На губах Зулгайена промелькнула тень грустной улыбки.

— Нет, — тихо ответил полководец. — Ни правитель Турана, ни алчное жречество, на самом деле, не причастны к пропаже вендийской принцессы. Сила, несоизмеримо более страшная и могущественная, похитила девочку.

Ассинджа вздрогнула, будто при словах мужа ее всю вдруг обдало леденящим холодом.

— Ты пугаешь меня, — прошептала она, тревожно вглядываясь в лицо Зулгайена. — Что же это за сила? — Ее голос был чуть слышен.

— Я как-то рассказывал тебе о косальских ведьмах-огнепоклонницах…

— Ведьмах-огнепоклонницах?! — перебив мужа, воскликнула Ассинджа. И теперь в ее тоне слышалась веселая насмешка. — Так по-твоему, это они похитили вендийскую принцессу?! Боги! Признайся, любимый, ты шутишь?!

Зулгайен отрицательно покачал головой.

— Значит, все-таки не шутишь, — медленно произнесла Ассинджа, и уголки ее губ

уныло опустились. — И теперь ты намерен отправиться в Косалу. Но… но почему — именно ты?! — недоуменно воскликнула она. — Какое отношение к пропаже вендийской принцессы могут иметь туранский полководец и этот твой… искатель приключений?! Впрочем, до него мне дела нет! — Ассинджа выдавила из себя хриплый смешок. — Ну же, скажи мне?!

— Конан дружен с Дэви Вендии Жасминой, — отвечал Зулгайен. — Это она просила его отыскать свою маленькую дочь.

— Почему же — его, а не своих бравых кшатриев?! — не без насмешки спросила Ассинджа.

Зулгайен тоже усмехнулся, широко обнажив безупречно ровные белые зубы. Ему, как истинному туранцу, и тем паче полководцу Ездигерда, было вовсе не чуждо посмеяться над хваленной вендийской армией.

— Что ж, — отсмеявшись, протянул он. — Должен успокоить тебя. Конечно же, на поиски принцессы были посланы отряды вендийских воинов. Только вот, видимо, не слишком-то Дэви на них уповает! Конан же — ее преданный друг, Она хорошо знает о его отваге, силе… Да, он и не глуп вовсе, этот киммериец! — с искренним восхищением добавил полководец.

— Хорошо, — с расстановкой начала Ассинджа, причем с такой подчеркнутой холодностью в голосе, будто снова намеревалась возразить мужу. — Жасмина послала своего друга на поиски маленькой принцессы. Пусть так! А ты?! Разве не пленником ты был в Вендии?! Или, быть может, — ее глаза испытующе глядели на Зулгайена, — правы злые языки, которые утверждают, что… ты продался вендийцам?!

— Ассинджа! — в гневном недоумении воскликнул полководец. — Как ты могла только предположить такое?!

— Предположить?! — тихо повторила Ассинджа. Ее карие глаза заволокла пелена слез. — Да, любимый, только — предположить! Эти слова оскорбили твою честь?! А знаешь, — она горько усмехнулась, — мне, твоей жене, было суждено услышать их от самого Ездигерда. Он… он безжалостно бросил мне в лицо эту… грязь! — на последнем слове ее голос сорвался на крик. Руки отчаянно взметнулись вверх, и тонкие белоснежные пальцы коснулись висков.

Зулгайен с нежностью прижал жену к своей груди.

— Признаться, я нисколько не удивлен, что правитель наговорил тебе все это. — Лицо полководца дрогнуло и напряженно застыло в брезгливой мине. — Ездигерд идет на поводу у жрецов. И, ища себе оправдание, придумывает всякие глупости. Пытается затем поверить в них сам и заставить других разделить его веру. Все — его слабость! Постой! — Зулгайен вдруг нахмурил брови. И, взяв Ассинджу за подбородок, поднял к себе ее лицо. — Так ты была у него… У Ездигерда?!

— Да, — шепотом произнесла она. — Я ходила к Ездигерду.

— Зачем?! — испытующе глядя на жену, спросил Зулгайен.

— А ты не догадываешься?! — она заглянула ему прямо в глаза. — Зачем я могла прийти к тому, в чьей власти была свобода моего мужа?!

— Просила за меня?.. Ты… Унижалась перед ним?!

— Ты не унижался, когда под знаменем его государства вел в бой армию?! Не унижался, когда томился в плену?!

— Это не оправдание, — сдавленным голосом произнес Зулгайен.

— Мое единственное оправдание, — отвечала ему Ассинджа, — то, что я люблю своего

мужа. Единственное! Запомни это! Другого мне и не нужно!

Зулгайен еще крепче сжал ее в объятиях.

— Любимая, — прошептал он, — я не мог даже вообразить себе, что ты пойдешь к Ездигерду.

— К кому же еще, если не к нему, могла я обратиться за помощью?! Быть может, разве… — Она грустно улыбнулась, — к жрецам Эрлика?!

Зулгайен ничего не ответил на слова жены, но в его глазах мелькнули гневные искорки.

— Ты ведь даже не поинтересовался, почему я здесь, в храме Тарима? — выдержав некоторую паузу, задумчиво произнесла Ассинджа и нерешительно подняла к мужу глаза.

— Да… в самом деле, что… привело тебя сюда? — тихо и как будто даже нехотя спросил Зулгайен. И какое-то неясное предчувствие медленно сжало ему сердце.

— Наш дом в Аграпуре был сожжен, — твердым голосом сказала Ассинджа. — Остались одни только почерневшие остовы… — Ее руки инстинктивно сжались в кулаки.

— О, Нергал! — не сдержав яростного чувства, воскликнул Зулгайен. — Кто же посмел сделать это?!

Конечно, полководец не адресовал свой вопрос к жене, скорее, к себе самому, однако Ассинджа все же не посчитала лишним высказать свое мнение.

— Люди, подосланные верховным жрецом Эрлика, — с искренней убежденностью произнесла она.

Зулгайен презрительно сузил глаза.

— Охотно поверю этому! — сказал он. — А ты?! — полководец обратил взгляд к жене. И теперь п его больших черных глазах была бесконечная нежность. — Как же тебе удалось спастись от огня?

— О! — протянула Ассинджа, медленно будто с досадой мотая головой из стороны в сторону. — Это было так ужасно! Чудовищно! Все случилось глубокой ночью. Ко мне в покои вбежала до смерти перепуганная Зэйра… Эта та молоденькая рабыня, которую ты купил год назад.

— Да, — тихо отозвался Зулгайен. — Я хорошо помню ее.

— Бедняжка погибла в ту ночь, — с горечью произнесла Ассинджа, — как и многие из наших домашних рабов. А тех, кто остался в живых, я отправила в твой Рогвейнский замок.

— А почему сама не поехала туда? — осторожно спросил Зулгайен.

— Боялась, — прошептала Ассинджа. — Да! Боялась! — повысив голос, продолжала она. — Что могло помешать жречеству Эрлика отдать и твой родовой замок во власть огня?! Их очистительного огня! — она зло усмехнулась. — Я отправилась сюда, в храм Тарима, ибо только здесь могу чувствовать себя защищенной от жречества Эрлика.

— Давно ты здесь?

— Всего четыре дня.

— Когда же был пожар?

— Сразу после того, как я ходила к Ездигерду, — сдавленным голосом ответила Ассинджа.

Из горла Зулгайена вырвался мучительный стон.

— И все же тебе не нужно было посещать правителя! — с укоризненной досадой сказал полководец.

— Не стоило, — спокойно согласилась жена. — Я, видно, совсем потеряла голову. Это отчаяние.

— Отчаяние?! — недоумевая повторил за ней Зулгайен. — Нет! Я знаю тебя, как, наверное, никто больше в этом мире. Отчаяние не могло завладеть тобою! Ты слишком сильна, чтобы позволить ему взять в плен свое сердце!

— Ошибаешься, я вовсе не сильная, — с ласковой улыбкой на губах возразила (впрочем, не без некоторого кокетства) Ассинджа.

— Ты пришла в храм Тарима, — начал было Зулгайен, но жена, смеясь, перебила его.

— Искать надежное укрытие!

— Не важно, что привело тебя сюда, — ровным голосом отвечал полководец. — Слабый человек не сможет войти в стены этого храма — огонь Тарима сожжет ему сердце.

— Ты говоришь так убежденно, будто в самом деле веришь во все это! — произнесла Ассинджа. В ее глазах заиграли веселые искорки.

— Конечно, верю! — с достоинством ответил ей Зулгайен. — Иначе и быть не может! Не забывай, я воспитан в храме Тарима. Был научен чтить древние законы и традиции, сохранившиеся в его священных стенах и передающиеся из поколения в поколение. И мне больно осознавать, что ты, моя жена, смеешься над этими традициями.

— Я не хотела обидеть тебя, — с мягким извинением в голосе произнесла Ассинджа. Ее ладонь ласково коснулась его руки. — Любимый мой, я согласна верить во все, во что веришь ты. Пусть твой бог станет и моим богом!

Ассинджа говорила очень тихо почти шепотом и будто бы упивалась торжественностью собственных слов. Между тем Зулгайена слова эти оскорбили. Как, наверное, почти всякий мужчина, в душе он считал всех женщин созданиями демонов, а их поклонение богам правого толка — мнимым.

— Молчи, Ассинджа! — в смешении гнева и какого-то безотчетного суеверного страха воскликнул полководец. — Негоже говорить женщине такие речи! Это богохульство!

— Нет же! — горячо возразила ему жена. — В моих словах не было и доли насмешки. Клянусь тебе!.. Клянусь богом!

— Богом?! — усмехнулся Зулгайен. — Каким же?! Эрликом?! Таримом?! В самом деле: каким?!

Ассинджа отпрянула от мужа, точно от прокаженного. Но ее огромные карие глаза глядели на него умоляюще.

— А ведь… — тихо произнесла она, — что Эрлик, что твой Тарим — огненные Божества. Законы и того, и другого одинаково суровы и справедливы… — Голос Ассинджи звучал все более решительно. — Да, жрецы Эрлика ведут себя недостойно. Их губит алчность. Но разве жрецы Тарима не поддавались тем же слабостям?! Разве были они так уж безгрешны?!

— Молчи, Ассинджа! Молчи! — останавливал ее Зулгайен. Он смертельно побледнел и не находил в себе сил пошевелиться, будто слова жены парализовали его. Да, его — воина! Воистину, женщины были созданиями демонов!

— Ты же знаешь, — с дерзкой невозмутимостью продолжала Ассинджа, — за что в свое время разгневался на жречество Тарима правитель Оскавиот?! Надо сказать, служители Эрлика верно идут по следам своих изгнанных предшественников. Нынешний правитель только слишком слаб, чтобы противостоять им, как когда-то Оскавиот!

— Не ты ли всего миг назад утверждала, что готова поклоняться Тариму?! — с сомнением глядя на жену, спросил Зулгайен.

— Да, — улыбаясь, ответила Ассинджа. — Но вовсе не потому, что считаю, будто твой

Тарим в чем-то превосходит Эрлика, и что намерена отречься от того. Нет! Просто я совершенно уверена в том, что Эрлик — это всего-навсего некогда переименованный Тарим. И нет разницы, какое имя произносить, обращаясь к своему единственному богу!

Зулгайен оторопело слушал жену. В душе он не мог не согласиться с ее горячими словами. И правда, чем Эрлик отличался от Тарима?!

— Только именем! Да, может быть, еще некоторыми совсем незначительными обрядами. Но признаться в этом здесь, в святилище Тарима, было бы просто невежливо по отношению к жрецам и, тем более, по отношению к воспитавшему его Гердану.

При мысли о своем учителе, Зулгайен вдруг почувствовал тупую мучительную боль в груди. Смерть Гердана сильно потрясла его. Он не торопился рассказывать Ассинджe о внезапной кончине верховного жреца вовсе не только потому, что не хотел омрачать этим известием их встречу, но и потому еще, что просто… не находил в себе для этого сил.

— Что-то не так, любимый?! — тревожно вглядываясь в лицо мужа, спросила проницательная Ассинджа. Ты так бледен и… — она почему-то не договорила, будто опасалась, что может чем-то обидеть Зулгайена, хотя, конечно же, и сама не понимала, чем именно.

— Нет, все в порядке, — не очень решительно произнес он. Потом задумался на несколько мгновений и, отчаянно встряхнув головой, громко сказал: — Ты права! Глупо с моей стороны пытаться скрыть от тебя это… В конце концов…

— Да, что же случилось?! — в нетерпении воскликнула Ассинджа. — Говори же, Зулгайен! Прошу, не мучай меня напрасными тревожными догадками!

Зулгайен внимательно посмотрел на жену. Не в силах выдержать его обжигающий взгляд, Ассинджа невольно опустила глаза.

— Гердан мертв, — тихо, почти шепотом сказал Зулгайен.

— Мертв?! — медленно поднимая к мужу глаза, повторила Ассинджа. От волнения ее голос дрожал. — Нет же! Этого не может быть! — Ее тонкие пальцы вцепились в края мужниной одежды и нервно теребили их. — Я было у него всего три часа назад… — Ассинджа задумалась. А потом с прежней горячностью продолжала: — Гердан нездоров, Да! Но он… как будто идет на поправку.

— Гердан умер, Ассинджа, — убежденно повторил Зулгайен. И его тон был пугающе холодным и безучастным. — Я собственными глазами видел, как его била смертельная судорога. Никогда не мог поверить, что это однажды случится…

— И… он действительно мертв, — тихо произнесла Ассинджа. Она не спрашивала, просто — будто себе самой — говорила. Ее лицо прояснилось. — Когда это случилось?!

— Чуть более часа назад, — ответил Зулгайен. Большие карие глаза Ассинджи наполнились слезами.

— Мне трудно поверить этому, — сказала она. — Конечно, я не слишком хорошо была знакома с ним… с Герданом, — Ассинджа тихонько всхлипнула. — Только ведь это не важно! Он был так великодушен ко мне. Искренне любил тебя. Гордился тобой. Он… — ее голос вдруг сорвался до отчаянного вскрика. Ассинджа разразилась безудержным рыданием.

Зулгайен крепко обнял жену.

— Успокойся, любимая! Успокойся! — ласково шептал он. — Знаешь?! А ведь последнее, что успел мне перед смертью сказать Гердан. Это то, что ты здесь. В храме.

Ассинджа подняла голову. Ее влажное от слез лицо озарила улыбка.

— Он был очень добр. — прошептала она. И еще теснее прижалась к широкой груди

мужа. Зулгайен упоенно целовал ее мягкие шелковистые волосы.

— Но что же за недуг сломил Гердана?! Безжалостно порвал нить его жизни?! — с возрастающим волнением в голосе спросила Ассинджа. — Знаешь ли ты?!

Зулгайен невольно вздрогнул. Выпрямился. И, не глядя на жену, тихо сказал:

— В его смерти повинны косальские ведьмы! — В голосе Зулгайена слышались отчаяние и гнев. Будто бы, только упомянув служительниц Дианирина, полководец бросил им вызов.

— Косальские ведьмы, — с недоверием повторила Ассинджа. Она испытующе глядела на мужа сквозь узкие щелки прищуренных глаз. — Мне кажется, что эти твои… ведьмы свели тебя с ума. Во всем тебе мерещится их вмешательство. И в похищении вендийской принцессы, и в смерти Гердана… Опомнись же, Зулгайен!

Полководец встал с кресла и в яростном неистовстве принялся вышагивать по комнате.

Потом, наконец, остановился, повернулся к жене и гневно воскликнул:

— Ты ошибаешься, Ассинджа! Косальские ведьмы и в самом деле повинны в этих несчастьях. Во всяком случае, одна из них, — поправился он, и в его голосе звучала ненависть, — верховная хранительница огня Дианирина. Серидэя — ее имя.

— И зачем же, по-твоему, ей понадобилось похищать вендийскую принцессу и насылать смертельный недуг на Гердана?!

— Поверь, — с подчеркнутым спокойствием в голосе произнес туранец, — мне и самому не терпится рассказать тебе обо всем. Но… сейчас еще не время. Да и стоит ли нам, — он улыбнулся, — двум горячо любящим людям после полугода разлуки губить время на разговоры о косальских ведьмах?!

Ассинджа улыбнулась, нежно и смущенно.

— Нет! — продолжал Зулгайен. — Пусть меня привели сюда дела. Но если же в знак своего расположения Тарим подарил мне встречу с тобой, пусть хоть и короткую, я постараюсь, чтобы ничто не смогло омрачить нам эти долгожданные часы.

Ассинджа медленно поднялась с колен и приблизилась к мужу.

— Да, любимый, — прошептала она, обжигая его кожу своим горячим дыханием. — Ничто на свете не омрачит нам эту встречу.

Глава XIII
«Слуги Эрлика»

Конан и Зулгайен вышли через высокую металлическую дверь и направились вдоль по узкому тоннелю, тому же самому, по которому двигались (правда, в обратном направлении) и накануне. Но, если вчера им приходилось искать путь почти в кромешной тьме, сегодня каменные своды пещеры смело обволакивал свет горевшего факела, который держал стоявший у открытой настежь двери служитель Тарима. И, наверное, оттого все здесь теперь казалось куда более приветливым.

Чем дальше спутники продвигались по тоннелю, тем тусклее становился для них мерцавший свет факела, и вместо него в пещеру проникали лучи восходящего солнца.

— Я, признаться, несколько удивлен, что Ториот не вышел попрощаться с нами, — говорил, обращаясь к киммерийцу, Зулгайен. — Вчера мне показалось, он был расположен к нам.

— Ты о том жреце, что вызвался проводить нас к Гердану? — небрежно спросил Конан. Зулгайен утвердительно кивнул головой.

— Ха! — из горла киммерийца вырвался ироничный смешок. — Этот бедолага и в самом деле не успел ни с кем попрощаться!

— О чем это ты?! — насторожился Зулгайен. И, только взглянул на своего спутника, как безо всякого труда прочитал в его насмешливых глазах ответ. — Ты убил его?!

— Зулгайен, дружище, — с грубоватой непосредственностью протянул Конан, — ты поразительно догадлив!

— Но… зачем?! — туранец глядел на своего спутника широко раскрытыми глазами. — Что побудило тебя… убить его?

— О, Кром! — взревел киммериец. — Что меня побудило?! — он громко расхохотался. — Не думал, что полководцы Ездигерда столь щепетильны! Что ж! Успокою тебя. Этот твой жрец подслушивал наш разговор с Герданом, притаившись за дверью. И будь я проклят, если делал он это не только из простого любопытства! — гневно заключил он.

— Но ты не можешь быть уверенным в этом, — возразил ему Зулгайен.

— Я видел, как горели его глаза, алчно и вместе с тем трусливо. Поверь мне, это были глаза предателя.

— Не хочешь ли ты сказать, что Ториот и был тем самым человеком, который открыл Серидэе тайну… — туранец не договорил.

— Возможно, — с некоторым пренебрежением ответил Конан.

— Возможно?! — от удивления чуть приподняв брови, повторил Зулгайен. — Так значит, ты все же не уверен?!

— Видишь ли, — улыбаясь, объяснял Конан, — Я киммериец, варвар, — последние слова он произнес с подчеркнутой усмешкой, — и оттого склонен иной раз больше полагаться на свое чутье, нежели на что-либо другое — пусть даже неоспоримое. К тому же, жизнь научила меня быстро принимать решения. Откуда мне было знать, что могло прийти на ум Ториоту?! Хм! И вот, дабы предупредить возможные неприятности я… вынужден был убить его. Всего-то — пройти по его горлу клинком своего кинжала, — не без некоторого

самодовольства добавил он. И как бы невзначай чуть откинул плащ и коснулся кожаных ножен, в которых покоился подаренный ему Дэви Жасминой кинжал с обоюдоострым булатным клинком и украшенной самоцветами рукоятью. — Сказать по чести, так Ториоту даже посчастливилось: он был убит отменным кинжалом, которого касалась рука самой вендийской Дэви! — Конан снова прикоснулся к ножнам.

— И все же… — нерешительно произнес Зулгайен, — не понимаю…

— Ты же воин, а не женщина из гарема! — с гневной насмешкой в голосе воскликнул киммериец.

— Да, воин, — отвечал туранец. — И тысячи раз убивал на поле боя… мужей вооруженных.

— Но не в святилищах, где был радушно встречен! Не безоружного жреца, все несчастье которого лишь в любопытстве! К тому же… — на лице Зулгайена застыла страдальческая мина, — не забывай, я вырос среди жрецов Тарима.

Конан понимающе улыбнулся, но ничего не ответил.

— Куда же ты спрятал мертвое тело этого бедняги? — тихо спросил полководец. — Похоже, остальные жрецы еще не обратили внимание на исчезновение Ториота.

— Ты прав, — согласился киммериец. — Все сейчас слишком взволнованы смертью Гердана. Но я обещаю тебе, они обнаружат своего единоверца мертвым гораздо раньше, чем хватятся его, — из горла Конана вырвался сдержанный негромкий смешок. — Я спрятал тело Ториота под кроватью Гердана.

— О, Небо! — почти простонал Зулгайен. — Это… это же… — не договорив, он тяжко вздохнул.

Дальше спутники шли молча. Они вышли из пещеры. И уже было спускались со скалы по крутой узенькой тропинке, когда… Конан почувствовал на себе чей-то неотступный и как будто вовсе не дружелюбный взгляд. Он насторожился, однако внешне, ничем не выдавал своего замешательства. Спутники сошли со скальной тропинки и ступали по пологому склону. А киммерийца так и не покидало чувство, будто кто-то украдкой наблюдал за ними, напротив, теперь оно переросло в настоящую уверенность. Мужчины позвали оставленных накануне у подножия скалы коней. Но — и это был уже совсем дурной признак — на их зов никто не примчался. Однако откуда-то послышалось взволнованное лошадиное ржанье, которое затем властно прервал резкий удар хлыста.

Не говоря друг другу ни слова, лишь инстинктивно потянувшись к оружию, спутники осмотрелись вокруг, внимательно и вместе с тем осторожно. Затем, не обнаружив ничего, что могло привлечь к себе их взгляд, переглянулись меж собой.

— Какие-нибудь местные разбойники, — тихо предположил Зулгайен. — Надумали поживиться за наш счет.

— Сомневаюсь в этом, — уверенно возразил ему Конан. — За нами следят с того самого мгновения, как мы вышли из пещеры. Разбойникам при желании ничего бы не стоило поразить нас стрелами и затем уже, не встретив никакого сопротивления… Ха! — он не удержался от смешка, — Обобрать. Но, нет! Те, кто следят за нами, не поступили так. Видит Кром, они охотятся за нами не ради мелкой наживы. Им нужен кто-то из нас… или же и тот, и другой. Однако что-то они не торопятся, — задумчиво и вместе с тем как будто с некоторой досадой произнес Конан. — Наверняка, это люди твоего Ездигерда.

— Скорее, слуги Эрлика, — возразил Зулгайен, — Хотя… подстерегать нас здесь… Ни Ездигерду, ни жрецам Эрлика не должно быть известно о местонахождении храма Тарима.

— В ответ Конан лишь усмехнулся.

И тут спутники увидели, что из-за скал выехали двое вооруженных всадников.

Они направлялись в сторону Конана и Зулгайена.

— Сомнений нет, это гвардейцы из войска Эрлика, — заключил туранец, как только смог разглядеть одеяния приближавшихся всадников, в плотных панцирях из широких, тесно слаженных пластин, массивных шлемах и длинных светло-серых плащах, в самом центре которых было изображение пламени — символа огненного божества.

Глядя на такие доспехи можно вообразить, что попал на поле боя, — иронично заметил Конан.

— Уверен, совсем скоро место это станет таковым, — небрежно ответил Зулгайен.

В нескольких шагах всадники остановились. И один из них, тот, что казался покрупнее, громко и не без насмешливой фамильярности в голосе произнес:

— Неужели я имею честь видеть перед собой доблестного полководца Зулгайена! Что ж, приветствую тебя! — из-за опущенного забрала голос говорившего звучал глухо.

Зулгайен ничего не сказал в ответ, лишь презрительно сузил глаза.

— Приветствую и тебя Конан! — продолжал всадник, и киммериец почувствовал на себе его взгляд. — Нам с тобой уже приходилось встречаться.

— Я не привык здороваться с теми, чьи лица скрыты от меня за сетками шлемов, — громко ответил ему Конан

— Да ты, я вижу, гордец! — с ядовитой насмешкой произнес всадник.

— А ты, наверняка, труслив, как заяц, если в такую жару вырядился во всю эту… груду металла! — киммериец усмехнулся. — Постыдись! Ты скорее сопреешь, чем будешь убит рукой какого-нибудь встречного храбреца.

— Что? Не себя ли ты называешь тем храбрецом?!

— О! Не в моих правилах марать руки об трусов, — решительно ответил Конан. — Хотя… — из его горла снова вырвался ироничный смешок, — ради удовольствия иметь дело с тобой, я готов отступить от своих привычек. Но не больше, чем на минуту, — добавил он, — ибо нисколько не сомневаюсь, что прикончу тебя именно в этот срок.

— Ты слишком дерзок, киммериец, — бесстрастно протянул. — Однако мне придется разочаровать тебя. Я не намерен сражаться с тобой. По крайней мере, прямо сейчас, — с многозначительной усмешкой добавил он. — Меня привели сюда другие дела, — он замолк. Выждал несколько мгновений. И затем с пафосом продолжал: — Итак! Именем правителя Турана требую, чтобы ты, Зулгайен, и ты, Конан, немедленно последовали со мной во Аграпур! Если же вы откажетесь подчиниться приказу Ездигерда, я буду вынужден применить силу.

— Напугал, — шутливо пробормотал Конан, так, что его мог услышать только стоявший рядом Зулгайен. А затем, уже значительно повысив голос, ответил: — Но мы, в самом деле, не согласны подчиняться этому приказу!

Всадник переглянулся со своим доселе сохранявшем молчание спутником. Возможно, они даже переговорили о чем-то. И тогда тот, не успевший еще проявить себя всадник издал громкий продолжительный клич. Тотчас же из-за скалы показались еще несколько ехавших верхом гвардейцев — всего шесть человек. Они были вооружены, однако в отличие от своих предшественников, на них не было таких тяжелых доспехов.

— Видит Кром, — проговорил киммериец, — вот это уже настоящее дело, а не пустая болтовня!

В одной руке Конан крепко сжал меч, в другой — подаренный Дэви Жасминой кинжал.

И только один из пяти всадников приблизился к нему, как пущенный беспощадной стрелой кинжал киммерийца, пройдя сквозь небольшую щель в доспехе, вонзился ему в грудь.

Гвардеец вскрикнул, из открытого рта тут же вырвалась наружу и торопливой алой змейкой поползла вниз струйка крови.

Не теряя времени, Конан столкнул поверженного противника с коня и сам запрыгнул в седло. К этому моменту подоспел еще один гвардеец. Однако и он был убит немедленно, первым же ударом булатного меча киммерийца.

Краем глаза Конан видел, как рядом — всего в двух шагах от него самого — сражался Зулгайен.

Полученная в башне Желтой звезды рана сейчас, после того как йелайский отшельник, призвав к помощи свои магические силы, врачевал ее, видимо, уже не тревожила полководца. Его боевая техника заметно отличалась от техники киммерийца. Плавны и изящны были его движения, и между тем, удивительно точны. Уже успев предать смерти одного из своих противников, Зулгайен сражался с другим.

Конана в это время атаковали сразу двое. Между ними завязалась отчаянная битва. Сквозь лязг металла слышались прерывистое дыхание и частенько вырывавшиеся ругательства.

Мечи гвардейцев то поочередно, а то и разом порывались в сторону Конана. Но киммерийцу с поразительной ловкостью удавалось отбиваться от их нападений, хотя почему-то сам он пока никак не мог наконец одолеть врагов.

Меч в его руках легко взметался, словно несся на неразличимых человеческому взгляду крыльях, но, опускаясь, чтобы ударить по желаемой цели, каждый раз лишь с издевательским свистом разрезал воздух.

Эти два гвардейца оказались на редкость умелыми, правда, большей частью — в проворном увиливании от обрушивавшихся на них ударов клинка! Скоро на подмогу Конану пришел уже разделавшийся со своим вторым противником Зулгайен. И теперь силы обеих сторон стали равными; двое на двое. Еще громче лязгали булатные клинки, ярче разгорались глаза противников, жарче вскипала в жилах кровь. Вот Конану удалось-таки нанести одному из гвардейцев удар в предплечье. Тот чуть было не выронил меч, но вовремя успел схватить его левой рукой, владел которой, надо признать, далеко не так хорошо, как правой. К тому же, по искривившей, рот страдальческой гримасе не стоило большого труда догадаться, что отчетливо давала о себе знать и боль от полученного только что ранения. Несмотря ни на что, этот гвардеец все еще старался достойно удержаться в бою. Хотя, конечно, теперь значительный перевес был на стороне киммерийца.

Безмолвно наблюдавшие за всем происходившим всадники в громоздких доспехах, казалось, стали волноваться — и было отчего! Даже конь под одним из них, как будто почувствовав настроение хозяина и сопереживая вместе с ним, нервно переступал с ноги на ногу.

А через какое-то время и эти двое, доселе только внимательно следившие за ходом битвы, наверное, усмотрев возможность скорого поражения, направились в сторону сражавшихся. И снова силы были неравными.

Против Конана теперь боролись двое: уже раненный им гвардеец и только что вступивший в бой всадник в панцире и шлеме с забралом, тот самый, с которым незадолго до

этого у киммерийца состоялась не очень дружелюбная беседа. Тяжелые доспехи нисколько не сковывали движений второго противника. Он дрался легко, будто играючи, но если бы его соперник хоть на мгновение потерял бдительность, эта «игра с мечом» стоила бы тому жизни. А боевые приемы незнакомца были поразительно схожи с приемами Зулгайена. Это, признаться, даже настораживало Конана.

Раненый гвардеец сражался с еще большим остервенением, чем прежде. То ли неожиданная помощь всадника в сером, украшенном изображенным символом Эрлика плаще (скорее всего, командира этого отряда) разгорячила ему кровь, то ли боль от ранения стала совсем невыносимой, и неистовством своих атак он надеялся притупить ее…

Скрещивались мечи. И от громыхавшего лязганья металла звенело в ушах. Уже не одна рана алела на теле Конана. Лицо и шея его блестели от пота. Даже волосы были мокры, как если бы киммериец окунул голову в реку. В горле же, напротив, так пересохло, что, казалось, изо рта вот-вот начнут валить клубы дыма.

А битва все продолжалась. Наконец Конану удалось предать смерти раненого гвардейца. Он заколол его, причем сделал это мечом другого своего противника.

Когда всадник с опущенным забралом очередной раз взмахнул мечом, киммериец ловко уклонился от нападения, между тем (неожиданно для всех) изловчившись ответным ударом резко повернуть вражеский клинок в сторону второго гвардейца. Острие безжалостно вонзилось тому в горло. Гвардеец издал короткий негромкий хрип. Содрогнулся в предсмертной конвульсии и… безвольно поник.

Воспользовавшись некоторым замешательством другого (теперь уже единственного) своего противника, Конан попытался нанести ему неожиданный удар.

Он метил в одну из щелей в металлическом панцире. Однако всадник в сером плаще успел-таки заметить нападение киммерийца. Мечи скрестились.

И снова была битва, отчаянная и неистовая. О, как не прав был Конан, когда обвинял гвардейца в доспехах в трусости, самонадеянно грозясь расправиться с ним всего за минуту! Этот противник стоил трех!

В небе кружила огромная черная птица. Она то опускалась совсем низко над землей, то снова взмывала вверх и при этом внимательно наблюдала за развернувшейся битвой. Приметив описывавшую в небе круг за кругом черную, с длинными остроконечными крыльями птицу, Конан усмотрел в ее появлении недоброе предзнаменование.

Зулгайен к тому времени тоже успел повергнуть одного из своих противников и теперь решительно атаковал другого.

А птица все кружила и кружила над ними. Словно дух зла, взирала она сверху. И устрашающим рисунком выделялись на светлой лазури утреннего неба контуры ее черных расправленных крыльев.

Все — и Конан, и Зулгайен, и их противники — уже едва дышали. Силы предательски оставляли мужей. А побоище все длилось. Клинки вызывающе сверкали в солнечных лучах так, что слепило глаза. Гремели, сталкиваясь друг с другом. Недовольно ржали кони словно прося всадников о передышке.

И тут — острие вражеского меча коснулось груди Конана. Отыскав щель между пластин его доспеха, оно было направлено в самое сердце. Однако это продолжалось всего одно мгновение. Киммериец не успел еще сообразить, что к чему, почувствовать совсем близкое дыхание смерти, когда вдруг… два огромных черных, как сажа, крыла, обрушившись сверху, закрыли ему солнечный свет. Это был косальский гриф!

Оглушительно галдя, птица налетела на всадника в сером плаще и клюнула его в правую руку, в тыльную сторону ладони. Тот невольно вскрикнул. На миг ослабил хватку пальцев. И… выпустил рукоять меча. Оружие с грохотом упало наземь. Всадник, как будто пасуя, отпрянул. А птица, расправив остроконечные крылья и издав что-то вроде ликующего возгласа, стремительно набросилась на него. Отбиваясь от неугомонных нападений грифа, всадник упал с седла. Все его доспехи при этом загромыхали так, что перебили собой вырвавшиеся из глотки упавшего стенания и проклятия.

Птица же атаковала еще с большим неистовством. Ее длинный крючкообразный клюв проникал в любую мало-мальскую щель на его металлическом панцире. Уже не находивший в себе сил даже на то, чтобы подняться на ноги (видимо, падение, оказалось неудачным) гвардеец извивался змеей. Стонал, кряхтел, орал, сыпал проклятиями и тут же взывал к Эрлику. И чем дальше, тем все тише становился его голос, бессвязнее — речь. Несчастного покидал рассудок, а вместе с ним и жизнь.

На некоторое время Конан остолбенел, глядя на ужасное зрелище перед собой. Как ни старался, он не мог понять смысла происходившего. Еще недавно в кружившей над головой черной твари Конан безо всяких сомнений видел только врага, алчного и коварного.

Но теперь, когда птица спасла киммерийца от верной гибели, заклевала до смерти его врага, что мог он думать?!

Конан поспешил на помощь к Зулгайену. Они атаковали оставшегося гвардейца вдвоем и очень скоро тот был повержен. Когда же киммериец снял с мертвого громоздкий шлем, Зулгайен торопливо отвел взгляд в сторону. Во время жестокой отчаянной битвы туранец не имел возможности видеть лицо своего противника, а теперь — просто не хотел. Может быть, даже боялся… боялся того, что лицо убитого окажется знакомым ему.

И все же, когда шлем уже был снят, Зулгайен не смог таки удержаться, чтобы не взглянуть на поверженного гвардейца.

— Ты что, знал его? — полюбопытствовал Конан.

— Нет, — нерешительно ответил ему Зулгайен. А затем, помолчав в задумчивости, не без вздоха облегчения добавил: — Никогда прежде не встречал этого человека.

Другой гвардеец, тот самый, которого заклевал гриф, неподвижно лежал на земле. Птицы уже не было рядом с ним. Она парила в небе. И в ее свободном полете теперь угадывалось безудержное ликование. Птица взмахнула крыльями, точно приветствовала с удивлением глядевших на нее Конана и Зулгайена.

— Видел, как она атаковала этого разряженного в доспехи гвардейца?! — спросил Конан, и в его тоне слышалось смешение искреннего изумления и восторга.

Зулгайен молча кивнул головой.

— Ну?! Что ты об этом думаешь? — продолжал киммериец. Он, конечно же, обращался к своему спутнику, но между тем, задрав голову, напряженно всматривался в небесную даль, туда, где все еще вырисовывались очертания свободно парившего грифа.

— Не знаю, что и подумать, — тихо, словно опасаясь, что кто-то может подслушать их разговор, ответил Зулгайен.

— Какая-то нелепость! — горячо недоумевал Конан. — Эта косальская тварь спасла мне жизнь. Ну, не наваждение ли?!

Зулгайен только пожал плечами. Он молчал. А потом его взгляд — как будто случайно — упал на заклеванного птицей гвардейца. Туранец даже вздрогнул.

— О, Тарим! — взволнованно пробормотал он.

Нерешительно подошел к мертвому, склонился над ним. Лицо того было сплошь исклевано алчной тварью, Сочившаяся из ран кровь стекала на траву, окрашивая ее в грязно-бурый цвет. Пропитывала землю. А вокруг неугомонно, омерзительно пищала слетевшаяся на запах крови мошкара. Зулгайен внимательно вглядывался в обезображенное лицо убитого. Полуоткрытый, с запекшимися губами рот гвардейца навечно застыл в мученической гримасе. Остекленевшие глаза, казалось, все еще молили о пощаде, как и в предсмертный миг. И повсюду зияли глубокие раны.

Зулгайен все смотрел на лицо мертвого, словно не находил в себе сил отвести взгляд.

— Он был тебе знаком? — осторожно спросил Конан.

Услышав голос своего спутника, туранец нервно передернул плечами. И, не отрывая глаз от лежащего на земле гвардейца, тихо ответил:

— Да, он был мне знаком… близко знаком, — с горечью добавил он.

— Но ты можешь и ошибаться, — не повысив голос ни на йоту, неуверенно возразил ему киммериец. — Лицо этого несчастного так изуродовано, что угадать былые черты почти невозможно.

— Пусть черты его обезображены до неузнаваемости, — решительно отвечал туранец. — Но не глаза!.. Эти глаза я узнал бы из тысячи. Они так похожи на… — он не договорил, только мучительно сглотнул.

— Этот человек — твой брат? — спросил Ко-нан.

Зулгайен снова вздрогнул, будто его вдруг обдало леденящим холодом. Медленно повернулся к киммерийцу и какое-то время молча глядел на него.

— Да, — наконец, ответил туранец. Голос его звучал тихо и сдавленно. — Это мой единокровный брат Рустэб. Откуда же ты узнал о нашем родстве?! — не удержался он.

Конан улыбнулся.

— Просто обратил внимание на поразительное сходство его боевых приемов с твоими.

— Вот оно что, — пробормотал Зулгайен. Теперь он глядел куда-то вдаль. — Между мной и Рустэбом, на самом деле, отыскалось бы не слишком много схожего, — задумчиво говорил он. — Мы не были близки. С самого детства нас что-то разделяло.

— Может быть, соперничество? — спросил Конан.

— Да… соперничество, — согласился туранец. — Наверное, потому Рустэб и пошел на службу к жречеству Эрлика, — Зулгайен вздохнул. — Стал не только одним из лучших гвардейцев верховного жреца, но и его наперсником

— Меня удивляет, что твой брат не поклоняется Тариму, — сказал Конан.

— Рустэб не признавал ни Тарима, ни Эрлика, — отвечал полководец. — Только золото и власть… Мы с ним избегали встреч. Виделись лишь иногда, да и то не решались приблизиться друг к другу… Подумать только, — с отчаянной досадой воскликнул он, — ведь сегодня я не смог даже узнать его голос!

— Ну, и что бы ты сделал, если бы и узнал?! — усмехнувшись, спросил Конан. — Позволил бы отправить себя во Аграпур к верховному жрецу Эрлика?! Очень сомневаюсь в том, что там тебя ждал бы радушный прием! Поменял бы вендийский плен на туранский, а, может быть, даже на смерть, — с торжественностью в голосе заключил киммериец.

— Ты прав задумчиво произнёс Зулгайен. — Верховный жрец Эрлика не пощадил бы меня. Да и сам Рустэб навряд ли бы вспомнил о том, что я его брат.

Он снова наклонился над мертвым. Аккуратно, как будто даже бережно снял с него плащ. И, снова тяжело вздохнув, покрыл им тело брата. Затем выпрямился и какое-то время

просто неподвижно стоял, устремив взгляд перед собой. Наконец отступил на два шага, нерешительно повернулся к Конану и сказал:

— Я должен вернуться в храм, предупредить о возможной опасности. Ведь если гвардейцы Эрлика подстерегали нас здесь, значит в Аграпуре каким-то образом стало известно, где укрыт храм Тарима. Заодно попрошу жрецов погрести Рустэба, — его губы снова напряглись в страдальческой мине. — Ну и… остальных тоже, — он брезгливо осмотрелся вокруг. — Думаю тебе не стоит идти со мной.

Конан, соглашаясь, кивнул.

— Я останусь здесь, — сказал он. — Поищу наших коней. А об этих, — киммериец бросил взгляд в сторону бродивших неподалеку рысаков поверженных гвардейцев, — пусть позаботятся жрецы Тарима. Возвращайся поскорее! — сказал он вслед уже направлявшемуся к скале Зулгайену.

Проводив туранца взглядом, Конан обернулся, будто что-то безмолвно позвало его, и он не смог устоять перед этим таинственным зовом.

Однако там, сзади, не оказалось ничего, что смогло бы привлечь к себе его внимание. Разве что только восемь поверженных в бою гвардейцев неподвижно лежали на земле.

Конан приблизился к телу Рустэба. Осторожно приподнял покрывавший его серый плащ. Тихонько усмехнулся. И, обращаясь к мертвому гвардейцу, сказал:

— Должен признать, ты был славным воином! Знал толк в оружии!

И тут Конан услышал позади себя чей-то звонкий переливчатый смех. Он оглянулся и увидел сидевшую на валуне огромную черную птицу.

Клюв твари был открыт. Покрытое блестящими перьями тело содрогалось от неугомонного смеха.

Киммериец глядел на птицу, злобно оскалившись, с недоверием во взгляде. Приблизиться же к ней не решался

— Да что же ты, тварь косальская, все смеешься?! — не удержался он от гневного крика.

Птица вдруг замолкла. Взмахнула длинными остроконечными крыльями. И тотчас же стремительно поднялась в небо.

Глава XIV
«Происшествие в храме»

В храме Асуры было многолюдно. Пышно одетые мужчины и женщины стояли под огромным мраморным куполом главного Айодхийского святилища. Все они были людьми благородного сословия и приближенные к королевскому двору. У выхода из храма с непроницаемыми лицами замерли стражники. Позади, тесно прижавшись друг к другу и смущенно перешептываясь о чем-то, стояли рабы.

В другом полукруге зала, в культовой нише на подиуме возвышалось базальтовое, с инкрустацией из золота и драгоценных камней изваяние Асуры.

Рядом, по обе стороны от него, находились жрецы. Все они были наголо бриты и облачены в светлые длинные тоги. В руках держали гонги. Но не ударяли в них. Стояли, не шелохнувшись. И в этой неподвижности служителей Асура угадывалась какая-то непередаваемая словами торжественная значимость.

У подиума, почтительно склонив голову перед каменным изображением божества, замерла Дэви Вендии Жасмина. Взгляды всех были устремлены на нее. Женщины с восхищением и завистью смотрели на белоснежный шелковый наряд Дэви. Мужчины пытались разглядеть под просторными одеяниями контуры стройного тела. На голову Дэви было накинуто ниспадающее плавными волнами кисейное покрывало. Даже лицо Жасмины было скрыто от чужих глаз. Она шептала слова молитвы. И все присутствующие в храме (разумеется, кроме невежественных рабов) тихонько повторяли их вслед за своей Дэви.

Несмотря на кажущуюся важность происходившего здесь в этот вечерний час, на самом деле, все это было обычной ритуальной церемонией, совершавшейся в стенах храма Асуры неизменно по случаю рождения нового месяца. Традиционный обряд этот, когда правители Вендии на глазах у своих «вернейших» подданных обращались к Всевышнему, не был лишен некоторых строгих правил.

После него в храме устраивалось такое неистовое веселье с музыкантами, полуобнаженными танцовщицами, вином, играми и прочими забавами, что обо всех строгостях забывалось до утра. Подобные ночные празднества были очень любимы Айодхийской знатью. Участвовать в них позволялось только мужчинам. Благородные дамы обязательно должны были покинуть храм сразу же после завершения молельной церемонии — и это, пожалуй, было единственным незыблемым правилом…

Однако сегодняшнее празднество разительно отличалось от всех предыдущих. Подавленные пропажей дочери, правитель и Дэви противились участвовать в церемонии. Такой отказ должен был быть расценен всеми только как категорическое нежелание королевской четы вообще устраивать празднество. Но не знавшая ни сострадания, ни вежливости (просто человеческой, а не установленной холодными правилами этикета) айодхийская знать жаждала увеселений. И, в конце концов, не без участия жречества удалось-таки склонить Жасмину к участию в ритуальной церемонии. А Джайдубар, вышедший из провинции и относившийся к столичным забавам с нескрываемой холодностью, не думал уступать ни знати, ни жречеству. Впрочем, на его обязательном присутствии в храме никто долго и не настаивал, ибо жрецы согласились (еще бы, ведь в

ночь рождения нового месяца их казна неизменно пополнялась щедрыми приношениями), что для совершения обряда вполне было достаточно и одного из царственных супругов — Дэви Жасмины.

Дэви закончила молиться. Но стояла, как и прежде, неподвижно, со смиренно опущенной головой. Жрецы разом ударили в свои гонги. В зал вбежали две молоденькие девушки — храмовые танцовщицы с накрашенными губами и обильно подведенными сурьмой глазами и бровями. Они танцевали под громыхающие звуки гонгов, и их гибкие, облаченные в тончайшие А шелка тела извивались, словно змеи. И при всяком движении девушек взволнованно дрожали, увешивавшие их руки, грудь, голову бесчисленные золотые украшения. Все с упоением глядели на танцовщиц. Наверное, поэтому почти никто и не заметил появления в храме еще одного человека, невысокого темнокожего в убогой грубой одежде. Поскольку же вошедший вернее всего походил на раба, то даже те немногие из присутствовавших в храме, кто увидел его, тотчас же не без брезгливого пренебрежения отвели глаза в сторону. Между тем один человек — из тех наиблагороднейших господ, которым по праву была оказана честь стоять подле самой Дэви, — все же украдкой наблюдал за появившимся в храме рабом. Это был дядя Жасмины принц Шэриак.

Вошедший показал стражникам кольцо на правой руке (по вендийским законам, на среднем пальце правой руки рабам полагалось носить кольца с гербовыми печатями своих господ). Стражники безо всяких вопросов и прочих церемоний пропустили его. Темнокожий, однако, не присоединился к теснившимся кучкой рабам, а направился в эту, самую отдаленную от главного входа часть храма, где в культовой нише на подиуме стояло изваяние Асуры.

Он шел у самой стены, за спинами глядевших на танцовщиц аристократов. Ступал медленно и по-воровски крадучись. А на темном, почти черном лице его выражалось настораживающее смешение отчаянной решимости, страдания и обреченности.

Это было лицо человека идущего на смерть. Приговоренного к ней самим собой.

Все учащеннее и громче становилось резкое неугомонное биение гонгов в руках жрецов. Все неистовее становились движения храмовых танцовщиц. Тела девушек трепетали. В огромных черных глазах, таких божественно прекрасных и всегда будто чуточку влажных, какие бывают, наверняка, только у вендийских женщин, появилось что-то исступленное, даже безумное. Все глядевшие на молоденьких танцовщиц, медленно, но неотвратимо отдавались во власть сладостного упоения. Их губы беззвучно шевелились. Веки лениво наползали на глаза. А в ушах, не ослабевая ни на йоту, гремели удары гонгов.

И вдруг — все звуки перекрыл короткий женский вопль. В один миг смолкли гонги жрецов, замер танец храмовых служительниц. У подиума со священным изваянием Асуры в мучительных конвульсиях извивалась Дэви Жасмина. Она лежала ничком.

На спине молодой женщины, на белоснежном шелке ее одеяний вызывающе проступало огромное кровавое пятно. Бессознательно пытаясь подняться, Дэви, едва не запутавшись в своем пышном кисейном покрывале, оперлась на локти. Приподняла голову. И тут же, не найдя в себе силы удерживаться в таком положении, снова поникла. Из ее горла вырывались негромкие стоны.

Однако не только раненая (вернее всего, смертельно раненая) Дэви Жасмина привлекла к себе всеобщее внимание. Рядом с лежавшей на полу Дэви сошлись в схватке двое мужчин. Один из них был хорошо известный всем принц Шэриак. Другой — темнокожий раб. Огромная рука второго сжимала окровавленный кинжал. Противники крепко сцепились.

Не позволяя друг другу вырваться, они беспомощно топтались на одном месте.

Шэриак удерживал сжимавшую кинжал руку темнокожего таким образом, чтобы предупредить всякую попытку противника направить стальное острие в его сторону, и вместе с тем решительно стремясь самому завладеть оружием. Вся эта борьба заняла не больше трех-четырех мгновений.

И когда к дерущимся подбежали стражники, Шэриаку удалось уже не только выхватить кинжал, но и успешно поразить им своего противника. Раб открыл рот, при этом не издав ни звука. Его темное лицо неестественно напряглось, но всего лишь на миг.

Потом мускулы расслабились, придав лицу спокойное, как будто даже умиротворенное выражение. И только в широко раскрытых глазах его застыло что-то мученическое и одновременно с тем… да, изумленное, точно раб никак не ожидал быть поверженным от руки принца. Его худое, жилистое тело обмякло и бессильно повисло на Шэриаке. Тот брезгливо оттолкнул его. Тело рухнуло на пол.

— Он мертв, — хрипло произнес Шэриак. Затем наклонился к поверженному рабу, небрежно снял с его руки кольцо с печаткой и, уже значительно повысив голос, сказал: — Это раб Джайдубара! — Шэриак с подчеркнутым отвращением бросил снятое им только что с руки убитого кольцо к ногам подбежавших стражников.

Люди толпились вокруг лежавшей неподвижно Жасмины.

Знатные женщины то отчаянно вопили, то возмущенно причитали. Жалобно поскуливали рабыни. Ближе всех к мертвому телу Дэви (в смерти ее вряд ли кто-либо из присутствующих сомневался — слишком глубока была нанесенная кинжалом рана!) подступили жрецы. Один из них наклонился и повернул Жасмину на спину, причем проделал это хоть и осторожно, даже бережно, но с поразительным хладнокровием.

И тут… кисея королевского покрывала соскользнула в сторону, обнажив лицо мертвой. Все, кто увидел это, в один голос ахнули, удивленно, растерянно, хотя, наверняка, и не без некоторого облегчения. Убитая молодая женщина была не Дэви.

— Да это же Танар! — взволнованно произнес кто-то.

— Да, Танар, придворная дама и подруга Дэви Жасмины, — дрожащим от волнения голосом добавил другой.

— Бедняжка! — шептали все разом. Несмотря на самую искреннюю жалость, которую присутствующие в храме испытывали к убитой Танар, открывшаяся вдруг правда о том, что Дэви все же не пострадала, безусловно вызвала всеобщее воодушевление.

Сквозь толпу протиснулся Шэриак. Бесстрастным взглядом коснулся лежавшей на полу мертвой женщины и громко сказал:

— На жизнь Дэви покушались! — его голос звучал ровно. — Но Асура уберег Жасмину. Защитил ее, взамен взяв жизнь этой несчастной девушки, — Шэриак указал в сторону мертвой Танар. — И все же Дэви по-прежнему угрожает серьезная опасность! Мы не должны допустить этого!

— Не должны! Не должны! — повторяя за принцем, шептали все.

— Жестоко убивший бедняжку Танар, ошибочно приняв ее за Дэви Жасмину, был раб Джайдубара, — решительно продолжал Шэриак, и при упоминании правителя глаза его гневно сверкнули.

По толпе прошла волна возмущенного ропота.

— Чтобы ни у кого из вас не оставалось сомнений в причастности к этому покушению Джайдубара, — еще громче, почти крича, вещал принц, — предлагаю всем взглянуть на

перстень с гербовой печаткой, который я собственноручно снял с пальца этого раба! — с брезгливой миной на лице Шэриак покосился на убитого им темнокожего.

Затем он кивком головы сделал знак стражникам, которые до этого подняли с пола брошенное им кольцо раба. Один из них высоко поднял руку, и все смогли увидеть, что между большим и указательным пальцами его что-то поблескивало. Стражник с торжественным, хотя и несколько глуповатым видом обошел всех присутствующих (за исключением боязливо жавшихся к друг другу рабов, конечно), порой останавливаясь рядом с теми, кто изъявил желание поближе разглядеть кольцо.

— Надеюсь, теперь ни у кого не осталось сомнений в том, что убивший Танар человек — раб правителя?! — продолжал свою патетическую речь Шэриак. — Клянусь Асурой, я всегда был благосклонен к Джайдубару, любил его как сына! И оттого мне вдвойне тяжело обвинять его в покушении на Дэви! Но… мы должны смотреть правде в лицо! Иначе Дэви постигнет та же участь, что и Танар!

Все присутствующие молчали, никто не защищал правителя, но и не бросался без оглядки обвинять его. Ведь перед Шэриаком были потомственные аристократы, люди неглупые и образованные, не привыкшие делать скоропостижные выводы. Непререкаемый тон принца их настораживал. Хотя открыто выказывать свое замешательство они не решались.

Ища поддержки, Шэриак обежал глазами присутствующих.

— Я взываю к вам, самым достойным гражданам Вендии! — с пафосом воскликнул он. — Защитите свою Дэви! В наших силах предотвратить кровавое злодеяние! Уберечь Дэви Жасмину от гибели! Итак, — выдержав — довольно искусно — некоторую паузу, произнес Шэриак, и его тон был решительным, — кто из вас согласен немедленно отправится вместе со мной к правителю?!

Двое вызвались сразу, ничуть не раздумывая. Один из них был князь Черуш Гинд, молодой, лет тридцати, мужчина, толстый и неуклюжий, как лесной медведь.

Всем было хорошо известно, что князь недолюбливал Джайдубара, причину же этого нерасположения никто из приближенных ко двору толком не знал. Разве что Черуш Гинд все еще не мог примириться с тем, что в свое время был отвергнут надменной Жасминой (впрочем, в числе других не менее достойных вендийских мужей), ради обнищавшего провинциала Джайдубара? Вторым был Нулаб, бывший королевский сановник, также не отличавшийся благорасположением к Джайдубару, поскольку именно тот лишил его занимаемого прежде высокого положения. Был он уже немолод, около пятидесяти лет, высок и болезненно худощав. Дурной нрав его был известен всем в Айодхье. Нулаб не имел друзей. Всегда и везде появлялся один, держался с надменным величием и сторонился чьего бы то ни было общества. Между тем, поговаривали, что Нулаб был близок ко двору туранского правителя Ездигерда.

Как только Черуш Гинд и Нулаб объявили о своем согласии идти во дворец вместе с Шэриаком, среди присутствующих в храме послышались робкие смешки.

Кто бы сомневался, что именно эти двое первыми откликнутся на призыв принца?! Лица обоих мужчин были полны решимости и самодовольства. Глаза алчно пылали.

Шэриак снова окинул всех внимательным взглядом, но ничего не сказал. Он старался сдерживать свои эмоции, и все же, казалось, от него так и веяло злобой. Да и застывшее на лице упрямое выражение предательски выдавало пожиравшие его чувства.

Скоро еще двое мужчин решились-таки вызваться в спутники принца. Это были Кунджа

и Тайомар. Ни у того, ни у другого не было веских причин желать недоброго нынешнему правителю.

Однако их желание отправится во дворец вместе с Шэриаком навряд ли могло вызвать у присутствующих удивление. Невысокий, скорее, даже крошечный, с болезненно-бледной кожей, впалыми щеками и маленькими, на редкость невыразительными глазами, Кунджа был слишком охоч до всяких скандальных историй, чтобы позволить себе пропустить назревавшие события. Второго из только, что вызвавшихся, Тайомара, не отличало излишнее любопытство, но будучи приближенным к Шэриаку (хотя тот в крайне редких случаях доверял ему что-нибудь), считал для себя обязательным во всем поддерживать своего господина. Между тем, его слепая преданность не была искренней. Тайомар был тщедушен, лжив и до нелепого труслив. Видимая же его приближенность к принцу служила ему той густой завесой, за которой он при всякой опасности мог укрыться.

Все четверо, Черуш Гинд, Нулаб, Кунджа и Тайомар, подошли к Шэриаку и стояли подле него с чрезвычайно важным видом. Принц с некоторым разочарованием оглядел вызвавшихся ему союзники мужей. Ибо, что ни говори, все они (ну, может быть, только за исключением Нулаба) были людьми несерьезными и даже бестолковыми. Такая компания не делала принцу чести. Однако выбирать было не из чего.

Глава XV
«Обвинение»

Наконец Шэриак, его четверо союзников и несколько стражников вышли из храма и скоро, пришпорив своих лошадей, помчались по пустынным улицам вечерней Айодхьи. Прибыв во дворец, спутники первым делом поспешили к Дэви. И не застав Жасмину ни в ее покоях, ни в других помещениях женской половины дворца, отправились к Джайдубару.

Встретивший их камердинер правителя сухо отчеканил, что господин его отдыхает и не может принять кого-либо.

По настоятельному требованию Шэриака, он все же прошел к Джайдубару, чтобы сообщить о визите.

Когда же он возвратился к ожидавшим в галерее Шэриаку и его четырем спутникам, то сказал, что правитель по-прежнему не желает встречаться с кем бы то ни было, и советовал им прийти утром следующего дня. Но решительно настроенные визитеры не вняли словам камердинера. Грубо оттолкнув преграждавшего путь слугу, они ворвались в королевские покои.

Все пятеро оказались в, большой роскошно убранной комнате. Обшитый темно синим бархатом диван, кресло, пуфы, стол из красного дерева, пушистые ковры, покрывавшие пол, — все было подобрано с большим вкусом. Эта комната служила правителю чем-то вроде гостиной для неофициальных приемов. В самой дальней от выхода в галерею стене был встроен дверной проем, ведший в королевскую опочивальню. Оттуда-то, заслышав топот непрошеных гостей, вышел сам Джайдубар. Он смерил вторгшихся в свои покои мужей гневным взглядом и громко произнес:

— Я требую объяснений, что все это значит?! — Его глаза были обращены к Шэриаку.

— Этим вечером на Дэви Жасмину было совершенно покушение, — жестко начал принц.

Джайдубар оторопело глядел на него, будто бы даже не понимая смысла только что услышанного.

Потом вдруг его взгляд просветлел. Правитель (что было уж совсем неожиданно) даже улыбнулся.

— Вот как?! — задумчиво протянул он. — И когда же свершилось это… злодеяние?

— Только что, в храме Асуры, — холодно ответил ему Шэриак.

Джайдубар изумленно приподнял брови. На его губах снова показалась улыбка, ироничная и вместе с тем как будто растерянная. Некоторое время все молчали. И, казалось, что с каждой секундой тишина становилась все более напряженной.

Правитель, по-прежнему обескуражено улыбаясь, медленно подошел к одному из кресел, опустился на него, устало откинул голову на мягкую, покрытую бархатом спинку и невидящим взглядом уперся в потолок.

— Ваше величество не желает знать, что же случилось с его супругой?! — несколько раздраженно спросил Шэриак. — Жива ли Дэви? Или, может быть… — он почему-то не договорил. Только вдруг весь затрясся от злобы.

— В самом деле, — все в той же задумчивой манере произнес Джайдубар, при этом

обращаясь, скорее, к себе самому, нежели к недоверчиво глядевшим на него пятерым мужам. — Я желаю знать все о происшедшем.

Глаза Шэриака сверкнули злым торжеством. На лицах всей стоявшей позади принца четверки застыли ядовитые усмешки. Однако же никто не проронил ни слова.

— Чего же вы ждете?! — гневно воскликнул Джайдубар. С подчеркнутой величественностью он выпрямил спину. Обежал взглядом своих визитеров. И, увидев насмешливо-злорадные выражения их лиц, вызывающе произнес: — Разве не затем вы пришли сюда, чтобы рассказать обо всем? Ну?! Не молчите же!

— Не горячись так, государь, — фамильярно протянул князь Черуш Гинд и издал короткий хриплый смешок.

Правитель не удостоил его ни словом, ни взглядом. Меж тем, по всему было видно, что Джайдубар с трудом сдерживал свое возмущение. Холодно взглянув на Шэриака, он иронично заметил:

— Достойных же спутников ты себе выбрал!

Шэриак нахмурился, потемнел в лице и, крепко сжав челюсти, процедил что-то неразборчивое. Четверо его спутников недовольно переглянулись между собой.

Джайдубар уже собирался снова откинуть голову на спинку кресла, когда его вдруг остановил жесткий решительный тон обращавшегося к нему принца:

— У нас имеются доказательства того, что это ты устроил покушение на Жасмину! — прогремел Шэриак.

Джайдубар был полон самых мрачных предчувствий, но все же, признаться, он никак не ожидал услышать что-нибудь подобное только что сказанному принцем. Он вздрогнул. Напрягся. Еще более выпрямился. И руками судорожно вцепился в подлокотники кресла. Расширенными от непритворного изумления глазами Джайдубар глядел на ухмыляющегося принца.

— Правильно ли я расслышал?! — спросил он, с трудом сдерживая охватившую его ярость. — Ты имеешь… какое-то доказательство моей причастности к покушению на Жасмину? Отвечай! — голос правителя непроизвольно сорвался на крик.

Шэриак издал злорадный смешок.

— Боюсь, что так, Джайдубар, — процедил он.

«Джайдубар» — это было уже слишком! Прежде Шэриак не осмеливался обратиться к правителю иначе как «ваше величество». Однако и на этот раз Джайдубару удалось-таки совладеть со своими эмоциями.

Шэриак тем временем обернулся к одному из своих спутников, Нулабу, и обменялся с ним коротким многозначительным взглядом. Тот понимающе кивнул принцу и решительным шагом направился к ведшей в галерею двери. Скрылся за ней…

Когда же, всего через несколько мгновений, он возвратился, подошел к Шэриаку и передал ему что-то, — Джайдубар со своего места не мог разглядеть, что именно, заметил только, как, перемещаясь из одних рук в другие, предмет этот тускло блеснул.

— Это кольцо! — громко произнес Шэриак. — Кольцо раба! Погляди на гербовую печать! — Он подошел к правителю и протянул к нему ладонь с кольцом. — Ну?! Видишь? — Его голос нетерпеливо дрожал.

— Да, я узнаю свой герб, — невозмутимо ответил Джайдубар. — Что из того?

— Это кольцо носил человек… — Шэриак нарочно сделал паузу, — человек, дерзнувший покуситься на жизнь Дэви!

— Да? — неуверенно протянул Джайдубар. — Ну и как?! Удачной ли оказалась его попытка.

Шэриак нахмурился, недоверчиво покосился на правителя и с ехидцей ответил:

— Нет! По ошибке он принял за Дэви ее придворную даму… Танар.

— Танар, — медленно повторил Джайдубар.

— Она убита, — отрезал Шэриак. И затем небрежно добавил: — Заколота кинжалом твоего раба.

— Бедняжка Танар, — с искренней горечью в голосе произнес правитель.

— А если бы погибла Дэви Жасмина, — все с той же ехидцей заметил Шэриак, — нашел бы ты сочувствие и для нее?!

Джайдубар поднял голову, чуть прищурил глаза и глядел на принца с испытующим недоверием.

— Послушай! — решительно произнес он. — Неужели, по-твоему, я настолько глуп, чтобы приказать своему рабу убить Дэви на глазах у всей айодхийской знати, жрецов, стражников?! Ведь это же случилось на обрядовой церемонии в храме? Не так ли, Шэриак?! — его глаза гневно блеснули.

Принц нервно переминался с ноги на ногу.

— Что бы ты ни находил себе в оправданье, — сухо отвечал он, — все говорит против тебя. Мы, — его взгляд метнулся в сторону застывших с ухмыляющимися лицами четырех аристократов, — обвиняем тебя по настоянию жречества, — в голосе Шэриака звучало торжество.

Говоря о вмешательстве служителей Асуры, принц, конечно же, преувеличивал, однако не был столь уж далек от истины. Дело в том, что в Вендии жречество было несоизмеримо более почитаемо, нежели королевская семья. И, если же при решении какого-либо важного государственного вопроса никак не проявляло себя, значит, соглашалось с решением, принятым другими. Эта немногословность жречества традиционно истолковывалась в народе, как черта божественная.

Джайдубар поднялся с кресла и направился к двери. Открыл ее и заглянул в галерею. Там, словно несколько стоявших в ряд каменных изваяний, в ожидании приказаний замерли вооруженный стражники, которых привел с собой принц.

Джайдубар закрыл дверь. Но не вернулся к своему креслу, а принялся ходить по комнате из стороны в сторону. Потом вдруг остановился и громко расхохотался. Сел в кресло. Закинул голову назад и весь трясся от смеха. Все глядели на него с недоумением.

Наконец, Джайдубар начал успокаиваться.

— И что же теперь?! — с ленивой небрежностью в голосе обратился он к Шэриаку. — Ты и… — из его горла вырвался ироничный смешок, — твои сообщники намереваетесь арестовать меня?

У Шэриака беспокойно забегали глаза, но почему-то он ничего не ответил.

И тут… В проеме двери, ведшей в королевскую опочивальню, возник женский силуэт. Это была Дэви Жасмина.

— Арестовать Джайдубара?! — с гневной насмешкой спросила она. — Законного правителя Вендии?! Да опомнитесь же вы!

Дэви Жасмина не молила, не взывала к справедливости — она открыто насмехалась над обвинениями Шэриака и четырех его союзников. Дэви медленно прошла по комнате и опустилась в одно из кресел — напротив Джайдубара. Шэриак оторопело глядел на свою

племянницу. Мог ли он хоть предположить, что застанет ее в покоях правителя?! Между тем все это время Дэви Жасмина находилась в опочивальне мужа и, конечно же, слышала весь разговор.

— Вижу, ты удивлен, что встретил меня здесь! — обратилась она к Шэриаку. И в ее огромных черных глазах заплясали искорки, лукавые и вместе с тем гневные, — Мне не понравилась дерзость, с которой ты и эти… люди, — она быстро поглядела в сторону спутников принца и обожгла их взглядом, — разговаривали со своим господином!

Шэриак намеревался что-то сказать, даже было уже приоткрыл рот и издал какой-то невнятный хриплый звук, но Дэви властным жестом остановила его.

— Ты не просто обвиняешь человека в попытке женоубийства, — продолжала она, и ее тон был не по-женски решителен. — Ты обвиняешь самого правителя! И доказательством твоей правоты служит кольцо какого-то раба: — она сдавленно рассмеялась.

— Мы лишь хотели защитить тебя, Жасмина! — упрямо воскликнул Шэриак. — Любое промедление может стоить тебе жизни.

Дэви с сомнением усмехнулась.

— А где же тот раб, кольцо которого ты столь решительно приводишь в доказательство виновности Джайдубара?! — холодно спросила она. — Почему вы не привели сюда его самого?

— Он мертв, — ответил Шэриак.

— Мертв?! — изумленно воскликнула Жасмина.

— Я сам убил его! — не без некоторой торжественности произнес Шэриак.

— Ты сам? — растерянно пробормотала Дэви, а затем, уже заметно повысив голос и придав своему тону больше уверенности, даже надменности, спросила: — Как же это случилось?

Шэриак, казалось, несколько оторопел, хотя, наверное, и сам толком не понял, почему. Он весь пожух, сморщился и снова принялся переминаться с ноги на ногу. Говорить же, судя по всему, не спешил.

— Ну?! — властно поторопила его Жасмина. — Отвечай же! Я жду.

Не переставая топтаться на месте, Шэриак принялся рассказывать о случившемся этим вечером в храме Асуры. Повествование его было четким и лишенным всяких отступлений и ненужных подробностей.

Между тем умолчал принц и о кое-чем важном. К примеру, о том, что с самого появления в храме раба неотступно следил за ним. Что, в отличие от всех остальных, присутствовавших сегодня на ритуальной церемонии, видел, как темнокожий приблизился к переодетой Танар, (о, если бы только знал он тогда, кто, на самом деле, скрывался за кисейным покрывалом!) и вонзил ей в спину кинжал. Что вовсе не спешил помешать свершиться злодеянию, хотя безусловно мог это сделать, ведь сам стоял совсем близко от молодой женщины.

— Почему же ты убил этого раба?! — выслушав его, наконец спросила Жасмина. — Необходимо было оставить его в живых и подвергнуть жесточайшему допросу! — с укором и досадой говорила она. — Я уверена, нам удалось бы выяснить, кем, на самом деле, был он подослан? Хотя, — ее взгляд метнулся в сторону Черуш Гинда и Нулаба, — по-моему единственные люди во всей Вендии, которые могут желать зла мне и Джайдубару, сейчас находятся здесь, в этой самой комнате, — Дэви сжала ладони в кулаки. Какое-то время она в задумчивости молчала. Потом снова взглянула на Шэриака и воскликнула: — Ну, как же ты

мог… как же ты посмел убить этого раба?!

— Иначе — он сам убил бы меня! — взволнованно возразил Шэриак. И, конечно же, был неправ: что стоило ему тогда, во время схватки в храме, удержать противника, пока на помощь не подоспели бы стражники?!

Нулаб, который из всех четверых спутников принца отличался наибольшей сообразительностью, недоверчиво прищурил глаза. Он был удивительно внимателен и сегодня в храме сосредоточенно следил за всем происходящим. Признаться, Нулаб с самого начала не верил в виновность правителя.

Как бы ни сложились отношения между ним и Джайдубаром, он все же не мог отказать тому в уме и дальновидности. В случившемся сегодня покушении на Дэви Жасмину все указывало на Джайдубара… Слишком уж откровенно! Настораживающе! Нет, конечно же, правитель тут был ни при чем. Но тогда, кто?! Кто намеревался хладнокровно убить Жасмину, возложив затем вину за содеянное на Джайдубара?! Может быть, Шэриак?! Еще в храме Нулабу пришло в голову, что принц мог оказаться причастным к покушению. Теперь же, когда, ища себе оправданий, Шэриак столь очевидно лгал, подозрения Нулаба переходили в уверенность. Между тем, бывший королевский сановник вовсе не стремился выдать принца — напротив. Что он мог выиграть?! Расположение правителя? Сомнительная надежда! Нет. У Нулаба были другие планы.

— Он убил бы тебя?! — с недоверчивой усмешкой повторила за Шэриаком Дэви. — Какой-то раб — тебя, обученного боевому искусству лучшими мастерами Вендии?! А, может быть, — нерешительно начала она, и ее взгляд как будто просветлел, — ты нарочно убил его?

Шэриак судорожно вздрогнул, потемнел и, вытаращив глаза, закричал:

— Нет! Я… я хотел только спасти свою жизнь! Как ты… вы, ваше величество, — быстро поправился он, — могли вообразить, что я действовал злонамеренно?! — его голос предательски дрожал.

Дэви все с той же недоверчивой усмешкой медленно покачала головой.

— Раньше бы не смогла, — твердым голосом говорила она, — а теперь вот могу! Ты подвел меня, дядя. Обманул мое доверие.

— Жасмина, — умоляющим тоном начал было Шэриак, но Дэви резко остановила его:

— Я запрещаю тебе впредь обращаться ко мне по имени! — гневно сверкая глазами, воскликнула она.

Принц что-то тихонько промычал. Затем подошел к Жасмине, со смиренным видом опустился на колени, губами коснулся полы ее муслинового одеяния и едва слышно произнес:

— Слушаюсь, ваше величество! Небрежным жестом руки Дэви велела ему подняться. Шэриак встал и нерешительно попятился, но, сделав не больше четырех-пяти шагов, остановился.

— Я считаю своим первейшим долгом, — сдавленным голосом начал он, — защищать вас, государыня! И именно поэтому я сейчас здесь, в покоях вашего мужа.

— И потому явился сюда в компании этих… злопыхателей! — с насмешкой заметила Дэви, и ее холодный взгляд быстро обежал спутников Шэриака. — Уверена, больше никто не вызвался идти к правителю с обвинениями. Только эта четверка!

Джайдубар тоже рассмеялся, — он был согласен с Дэви Жасминой. Шэриак же неестественно побледнел (вообще, обыкновенно лицо его темнело, а вот сейчас почему-то кровь отхлынула от щек). Черуш Гинд, Кунджа и Тайомар также заметно приуныли. Они

глядели на звонко смеющуюся Дэви со злобной обидой. И лишь Нулаб не выдавал своего замешательства. Он по-прежнему стоял с высоко поднятой головой и непроницаемым взглядом.

— Что ж! — все еще смеясь, произнесла Жасмина. Потом она встала, прошла по комнате. Вернулась к креслу, но не села, а обогнув его, остановилась позади. Опустила руки на высокую обтянутую бархатом спинку. — Что ж! — повторила она, и теперь ее тон был серьезен и решителен. — Вам, господа, не удастся убедить меня в том, что раб, убивший Танар, — ее голос дрогнул, — был подослан Джайдубаром!

Шэриак и его четверо спутников настороженно слушали ее.

— Я не участвовала сегодня в храмовой церемонии, — спокойно продолжала Дэви, — потому что… об этом меня просил сам Джайдубар. Он хотел переговорить со мной наедине… Именно эти вечером! — после некоторой паузы громко отчеканила она.

— Неужели разговор между вами должен был быть столь серьезным, что ради него вы, ваше величество, отказались участвовать в обрядовой церемонии? — осторожно, хотя и не без некоторой ехидцы спросил Нулаб.

Жасмина холодно усмехнулась.

— Очень серьезным, — с подчеркнутой снисходительностью в голосе ответила она. — К тому же, всем в Айодхье известно, что я вообще не желала участвовать в церемонии. Мне и раньше приходила мысль вместо себя отправить в храм Танар. И Джайдубар был единственным, кто знал об этом. Вот почему я уверена в его невиновности! — торжественно произнесла Дэви. — Надеюсь, теперь и вы смогли убедиться в этом?!

Шэриак, соглашаясь, кивнул головой (хотя, видит Асура, как нелегко дался ему этот жест!) и пробормотал что-то невнятное. Его спутники обескуражено молчали и то и дело бросали на Дэви недовольные колючие взгляды.

— Прекрасно, — весело сказала Жасмина. — Все согласны со мной! Что же касается жрецов, на поддержку… или даже на настояние, — она усмехнулась, — которых ты столь решительно ссылался, дядюшка Шэриак, — взгляд ее черных глаз остановился на принце, — Можешь быть спокоен: мы с Джайдубаром сами объяснимся с ними. Если это, конечно, вообще понадобится, — она снова усмехнулась. — В любом случае, жрецы охотнее поверят господам, а не их вассалам! — с пафосом заключила Дэви и обежала всех присутствующих насмешливым взглядом. — А теперь оставьте нас с Джайдубаром! Ну же!

Глава XVI
«Приговор Дэви Жасмины»

Прекрасная Дэви Жасмина прогуливалась у небольшого пруда в дворцовом саду. Было раннее утро. Солнце только-только показалось над восточными холмами и казалось таким трогательно-робким, что с трудом можно было поверить в то, будто к полудню земля Вендии не будет знать пощады, изнывая под его пристальным обжигающим взглядом. Было еще свежо и прохладно.

Пруд окружали высокие, почти в человеческий рост, жасминовые кусты. Они были посажены здесь в тот самый день, когда на свет появилась маленькая принцесса Жасмина.

Кусты росли вместе с ней, каждый год покрывались белоснежными цветами и нежно благоухали. А Жасмина с детства приходила сюда, бродила у пруда, гладила шелковистые лепестки распустившихся бутончиков и с упоением вдыхала их сладкий аромат. И потому уже много лет все при дворе называли это место прудом принцессы. Даже теперь, когда Жасмина повзрослела и стала Дэви, здесь, у окруженного жасминовыми кустами пруда, она как будто возвращалась в те дни, когда была юной девушкой.

Обычно Жасмина поднималась поздно, ближе к полудню. Этой же ночью она не смыкала глаз. Все размышляла о случившемся накануне злодеянии. Оплакивала бывшую ей безгранично преданной Танар. И вместе с тем чувствовала, как ее всю пробирало мелкой дрожью, когда она задумывалась о том, что, на самом-то деле, покушались на нее, Дэви Вендии!

Она ни на миг не допускала мысль о виновности Джайдубара. Жасмина, признаться, и сама толком не понимала, откуда в ней взялось это непоколебимое доверие к мужу, вера в его непричастность к происшедшему? В последние дни они сблизились с Джайдубаром. Между ними возникло какое-то неведомое прежде и с трудом передаваемое словами чувство.

О, конечно же, это была не любовь! Но… что-то приятное, нежное, бесконечно доверительное и при этом как будто смущенное.

Нельзя было сказать, появилось ли это чувство вдруг или же развивалось постепенно. Только сейчас и Джайдубар, и Жасмина проводили вместе столько времени, как никогда прежде. Чаще всего они говорили о маленькой Насинге. Вспоминали и грустили. А потом принимались утешать друг друга. И, казалось, эта неожиданная для обоих близость поддерживала в них надежду снова увидеть дочь.

Дэви услышала звук чьих-то мягких шагов позади себя.

Она обернулась. То был Джайдубар. Жасмина приветливо улыбнулась ему.

— Я ожидал застать тебя здесь, — тоже улыбаясь, сказал правитель и будто невзначай заметил: — На рассвете аромат цветов еще более сладок.

— Может быть… — тихо ответила Дэви. — Сегодня я впервые встречала здесь рассвет… Рано проснулась, — ее голос чуть дрожал, — и решила прийти сюда.

Джайдубар проницательно посмотрел на нее и, по-прежнему улыбаясь, сказал:

— Да ведь этой ночью ты и не ложилась вовсе, — его голос звучал мягко.

Жасмина смущенно отвела в сторону глаза. Нежная, едва заметная улыбка приподняла уголки ее губ.

— Я и забыла, что окна твоих покоев выходят В эту сторону сада, — почти шепотом произнесла Дэви, и ее взгляд на мгновение метнулся в сторону дворца. — Но… значит, ты тоже не спал… раз наблюдал за мной? — осторожно заметила она.

— О, нет! Я превосходно спал всю ночь! — нарочно повысив голос, ответил Джайдубар. — И, уверяю тебя, не выглядывал в окно ни перед тем, как лечь, ни после того, как поднялся.

— Откуда же ты узнал… — нерешительно начала Жасмина и почему-то не договорила. Она снова обратила к мужу глаза. Джайдубар ласково улыбнулся ей.

— Помнишь, ты говорила мне, что когда волнуешься, всегда приходишь сюда?

— Верно, всегда прихожу сюда, — задумчиво согласилась Дэви. — Хотя… почему-то не припомню, говорила ли тебе это, в самом деле, — смущенно добавила она и снова улыбнулась.

— Не удивляйся, ведь в последние дни мы с тобой столько говорили.

— Так много, что, кажется, уже узнали о друг друге все, — шепотом произнесла Жасмина.

— Сблизились, как никогда прежде, — Джайдубар тоже шептал. Он наклонился к жене, и его дыхание приятно задело ее лицо, опьянило ее. Дэви уже не видела перед собой ничего, кроме обращенных к ней глаз мужа. А потом… его губы коснулись ее губ. И Жасмина почувствовала, как по ее телу пробежала вдруг сладостная дрожь. Она прильнула к Джайдубару, обвила руками его шею.

— Любимая! — шептал он, прижимая ее к себе, покрывая поцелуями ее лицо, руки, волосы. Дэви вся трепетала от его ласк.

И вдруг неподалеку послышался шелест травы, будто кто-то приближался к ним.

Правитель и Дэви осмотрелись, но никого не увидели вокруг. Да и настороживше их звуки уже не напоминали о себе.

Джайдубар обошел жасминовые кусты. И за одним из них, самым дальним от пруда, увидел женщину-рабыню. Она стояла, полусогнувшись, так, чтобы ее голова не выглядывала над кустарником, но сейчас заметила правителя и глядела на него широко раскрытыми от страха глазами. Из ее горла вырвалось что-то нечленораздельное. Джайдубар сделал попытку приблизиться к ней. Но она тотчас же сорвалась с места и побежала куда-то вглубь сада. Вдруг — неожиданно для следившего за ней правителя и, возможно, даже для самой себя — остановилась. Повернула голову и бросила на Джайдубара косой настороженный взгляд. Затем — и это было уж совсем неожиданно, — снова побежала. Только теперь она направлялась в сторону, где стояла Жасмина. Охваченный тревогой, Джайдубар постарался опередить ее. И ему это удалось. Он встал впереди Дэви, закрывая ее от приближающейся рабыни. Та наконец, подбежав, упала на колени, обхватила руками ноги правителя и принялась громко рыдать.

— Что тебе нужно?! — решительно произнес Джайдубар.

Женщина осторожно подняла голову и умоляюще поглядела на него.

— Я… я хочу… я должна поговорить с Дэви, — прерывающимся от волнения голосом сказала она.

Жасмина вышла из-за спины мужа.

— Встань! — обратилась она к рабыне. Та охотно подчинилась.

— Ну?! — голос Дэви звучал негромко. — Ты хотела поговорить со мной?! Я готова выслушать тебя.

Рабыня с подчеркнутым недоверием во взгляде покосилась на правителя, точно давая таким образом понять, что не желает говорить при нем. Затем искательно поглядела на Дэви.

— Говори же! — настойчиво произнесла Дэви Жасмина. — Все, что ты намерена сказать мне, должен будет услышать и Его Величество. Если же ты не согласна — уходи!

Рабыня что-то пробормотала. Снова упала на колени и разразилась рыданиями.

— Да встань же ты! — гневно воскликнула Дэви.

— Госпожа! — исступленно вопила рабыня, все еще стоя на коленях и покрывая поцелуями полы одеяния Дэви. — Умоляю, простите меня! Госпожа!

— Поднимайся! — с трудом сдерживая себя произнесла Дэви. — Ну же!

Женщина медленно встала, утерла на щеках слезы. И влажными покрасневшими глазами уставилась на Жасмину.

Из ее горла то и дело вырывались негромкие всхлипывания.

Успокойся и рассказывай, что тебя ко мне привело, — мягко сказала Дэви.

— Я… я не знаю… должна ли… — неуверенно прошептала рабыня.

— Я уверена, ты пришла ко мне по важному делу, — подбадривала ее Жасмина. — Говори же…

— Да, по очень важному, — глотая слезы, согласилась рабыня. — Но… я боюсь.

— Не буду настаивать. Ты смелая женщина, раз отважилась прийти ко мне. Не уйдешь же ты теперь просто так, не открыв, что тебя тревожит?! — Жасмина улыбалась.

— Мое имя Лари. Я была… — нерешительно начала рабыня, — подругой Кирвиша.

— Кирвиша?! — повторила Дэви.

— Да. Это тот самый раб, который… убил госпожу Танар.

— Ах, вот оно как, — задумчиво произнесла Жасмина, и ее взгляд невольно стал жестче.

— Мы с Кирвишем были очень близки, — со смущенной улыбкой продолжала рабыня. — И у нас не было никаких тайн друг от друга.

— И что же?! — с нетерпеливой дрожью в голосе поторопила ее Дэви. — Тебе что-то известно?! Говори! — Ее рука коснулась плеча женщины.

— Мне известно все, — шепотом произнесла Лари. — Кирвиш… — на последнем слоге ее голос вдруг сорвался на крик. А затем женщина вдруг снова разразилась слезами. При этом она упорно продолжала что-то говорить, но так сбивчиво, что и Дэви и правителю с трудом удавалось что-либо разобрать. — Я отговаривала его… умоляла… Кирвиш был так упрям… Не хотел и слушать меня… Этот человек… он демон!.. Я боюсь его… Но… ведь я должна… должна открыть правду… Защитите меня!.. Прошу вас, госпожа!

— Конечно! Я обещаю тебе! — заверила ее Жасмина. — Только расскажи обо всем подробно. Что это за человек, о котором ты упоминала?!

Рабыня судорожно вздрогнула сгорбилась и опустила глаза.

— Это он послал Кирвиша в храм… убить меня?! — осторожно спросила Жасмина. — Он?! Говори же! Не молчи!

Лари вся затряслась. Медленно подняла к Дэви глаза. И тихим сдавленным голосом произнесла:

— Да, он обещал Кирвишу свободу и деньги. Много денег! — она громко всхлипнула. На ее глазах снова выступили слезы. — Кирвиш просил и за меня. Хотел, чтобы мы оба стали свободными. Я… мечтала стать свободной… но не так… не такой ценой! Клянусь, я противилась этому! Отговаривала Кирвиша… Клянусь! — Лари намеревалась опять упасть

на колени, но Дэви жестом остановила ее.

— Я верю тебе, — с искренней, доверительной мягкостью в голосе произнесла Жасмина.

— Кирвиш не слушал меня. Только смеялся, — продолжала рабыня. — Он такой жадный… вернее, был жадным, — она снова всхлипнула, — и глупым. Доверился этому господину. А тот… убил его!

— Убил? — медленно повторила за ней Дэви. Она осторожно поглядела на мужа и, уже обращаясь к нему, снова произнесла: — Убил, — ее голос дрожал.

— Обещал помочь ему скрыться в толпе, — с досадой говорила Лари, и по ее темным щекам ползли слезы, — а сам… подло заколол его на глазах у всех!

— Ты… ты видела это?! — запинаясь от волнения, спросила Жасмина. — Видела?!

Лари боязливо поглядела на нее. — Нет, госпожа, — ответила она. — Но ведь все говорят… — Рабыня вдруг замолкла и принялась жалобно скулить.

Дэви легонько коснулась ее руки.

— Так что же говорят все, Лари? — пытаясь сдерживать обуревавшие ее эмоции, спросила она.

— Вы сами знаете, госпожа, — глотая слезы, прошептала рабыня.

— Знаю? Что же я знаю? — неуверенно переспросила Жасмина, испытующе глядя на нее.

— То, что это… господин Шэриак… — Лари вся затряслась. — Да! Господин Шэриак убил Кирвиша! Он настоящий демон! Спасите меня, ваше величество! Спасите, молю вас!

Она снова упала на колени. Руками обхватила ноги Дэви, прислонила лицо к ее коленям. И, орошая слезами муслиновое одеяние Дэви, все просила о защите. Она то кричала, то шептала, тряслась и при этом покрывала ноги Жасмины частыми поцелуями.

Дэви же, казалось, не обращала на Лари никакого внимания. Она неотрывно глядела на мужа, будто силясь прочесть в его глазах ответ на тревожащий ее вопрос.

— Джайдубар, — дрожащим голосом прошептала Жасмина. — Ты слышал, Джайдубар? — Она беспомощно протянула к нему руки.

— Да, — тихо ответил правитель, поднося к своим губам ее ладони и ласково целуя их, — я все слышал.

— Это Шэриак устроил покушение на меня, — взволнованно проговорила Жасмина. — Мой дядя! Он… он хотел… Неужели это правда?! Я не смогла бы даже вообразить такое!

— Разве?! — осторожно произнес Джайдубар, тревожно всматриваясь в светлое лицо жены. Шэриак лишился твоего доверия, и произошло это не вчера.

— Да. Только… — хотела было возразить Дэви, но не смогла отыскать нужных слов. — Как же могла я так сильно ошибаться в нем?! — отчаянно воскликнула она. — Ни отец, ни брат никогда не доверяли Шэриаку. А я?! Пригрела на своей груди ядовитую змею! — Жасмина инстинктивно сжала кулаки.

— Я и сам ошибался, — с досадой отозвался Джайдубар. — Хоть и недолюбливал Шэриака, но все же… — он не договорил, только почему-то растерянно улыбнулся и повел головой.

— Может быть, это все неправда?! — в дрожащем голосе Жасмины слышалась слабая надежда. — Клевета?! И Шэриак, на самом деле, ни в чем таком не замешан?! — взгляд Дэви метнулся к стоявшей перед ней на коленях рабыне.

— Все истинная правда, госпожа! Правда! — закричала та. — Клянусь Небом! Я не

сказала вам ни слова лжи. Все истинная правда!

Жасмина беспомощно поглядела на Джайдубара.

— Я верю ей, — твердо произнес правитель. Лари мгновенно притихла, подняла голову и глядела на Джайдубара с трепетной восторженной благодарностью.

— Оставь нас! — решительно обратилась к ней Дэви.

— Но, госпожа… — взмолилась рабыня. — Я боюсь этого человека… вашего дядюшку… Вы же не расскажете ему, что я… приходила к вам?! — искательно спросила она и принялась хлопать ресницами. — Не скажете?! Иначе… он убьет меня, как убил моего бедного Кирвиша… — Из ее глаз снова покатились слезы.

— Если все твои слова правдивы, тебе нечего бояться, — холодно ответила Жасмина. — Шэриак не сможет причинить тебе никакого вреда.

— О, госпожа! — Лари поцеловала полы ее одежды. — Спасибо! Это ужасный человек! Берегитесь его! Умоляю вас, берегитесь его!

— Уходи! — сдавленным голосом произнесла Дэви.

Рабыня вскочила, неуклюже поклонилась Жасмине, затем правителю и побежала в сторону дворца.

Дэви стояла неподвижно, с опущенной головой и прижатой к груди правой рукой.

— Как же он мог?! — с укоризненным сожалением в голосе прошептала она, при этом обращаясь, скорее, к себе самой, нежели к стоявшему рядом Джайдубару. — Как же… Убить меня?! — ее тело охватила нервная дрожь.

Правитель нежно обнял ее.

— Успокойся, любимая, — тихо сказал он. — Шэриак не смог осуществить задуманного. Слава Всевидящему Асуре! И мы не позволим…

Жасмина резко перебила мужа.

— Не позволим?! — повторила она его слова и горько усмехнулась. — Что же ты намерен делать с ним?! Выгнать его из Айодхьи?! Заточить в крепости?! В башне Желтой звезды, например! Там сейчас как раз пусто. Или, может быть… казнить?! — Ее голос сорвался на отчаянный крик.

— Все равно, — невозмутимо ответил Джайдубар, — лишь бы уберечь тебя. Шэриак стал слишком опасен…

— Опасен! — с гневной насмешкой повторила Дэви. — А почему… почему я должна верить этой рабыне… Я слышала о Шэриаке много… нелестного. Но разве могу я быть уверена, что все это правда?!

Джайдубар молчал.

— Может быть, это всего лишь происки его врагов?! — неуверенно предположила Дэви.

Правитель тихо засмеялся.

— Знаешь ли ты хотя бы одного его врага?! — спросил он. Жасмина растерянно посмотрела на мужа.

— Не знаешь, — как будто даже со злорадством ответил за жену правитель. — Вот видишь! У Шэриака нет ни друзей, ни врагов. — А затем после некоторых раздумий добавил: — Ну а если же он все-таки таковыми и обзавелся… я имею в виду недоброжелателей… Не разумнее ли им было убить самого Шэриака?! Нет, Жасмина, покушались на тебя. Оклеветан же должен был быть я. Посуди сама, если бы вчера в храме убили тебя, я был бы непременно обвинен в этом убийстве и казнен… Насинга похищена… — его голос дрогнул. — Кому бы достался престол?! Дэви ничего не ответила.

— Я сейчас же возьму стражников и отправлюсь в покои Шэриака! — решительно сказал Джайдубар.

— Ты собираешься арестовать его? — тихо спросила Дэви. И не услышав еще ответ (впрочем, она хорошо знала его), уверенным тоном произнесла: — Не делай этого!

— Не делать этого?! — изумленно повторил правитель.

— Нет, — все с той же бесстрастной уверенностью в голосе подтвердила Жасмина. — Пусть Шэ… этот человек, — ее лицо на мгновение исказила презрительная мина, — немедленно покинет Айодхью. И впредь никогда… никогда не появляется здесь. Иначе, — голос Дэви стал еще жестче, — он будет заточен в крепость. Никто в Вендии не узнает о его причастности ко вчерашнему покушению. За ним останется титул и родовые владения. Единственное, чего он будет лишен, это возможности возвратиться в Айодхью!

— Ты слишком великодушна к нему…

Жасмина внимательно посмотрела на него.

— Вижу, ты не согласен со мной, — мягко сказала она. — Что ж! Может быть, я и неправа. Только… не могу я быть жестокой с ним.

— Я все понимаю, — ответил правитель, и ласковая улыбка чуть приподняла уголки его губ. — Все понимаю, — повторил он и обнял Жасмину.

Дэви прильнула к нему. Подняла голову. И их губы слились в поцелуе.

— Иди! — твердо сказала Жасмина, уже отстраняясь от мужа. Джайдубар нехотя выпустил ее из своих объятий.

— А ты? Не пойдешь со мной? — почему-то шепотом спросил он.

— Нет, Джайдубар. Я не хочу встречаться с… этим человеком.

Правитель понимающе кивнул.

— Иди же, — мягко поторопила его Дэви. — А вечером, — она нежно улыбнулась ему, — Я буду ждать тебя в своих покоях.

Джайдубар тоже улыбнулся, и его рука ласково коснулась ее руки.

— Удачи тебе! — прошептала Жасмина.

Глава XVII
«Дарейна»

Ночь стояла очень холодная. Здесь, в пустынях Косалы, так всегда бывало: только садилось солнце, и в один час жару сменял жестокий холод. Ледяной ветер, словно голодный алчный демон, кружил над утомленной землей, тревожил барханы, ошалело завывал, то куда-то торопился, несся, дерзко разметая песок, ломая редкие в этих суровых пустынных краях кустарники, а потом вдруг замирал, точно испугавшись чего-то, прятался за спинами холмов.

Песчинки, только-только остывшие после дневного зноя, беззащитно жались друг к другу и тихонько, едва слышно поскрипывали, тоскливо, жалобно и вместе с тем как будто упоенные этой своей вечной музыкой. Холодно светил месяц. А мириады звезд усыпали весь небесный купол, словно самоцветы на синей бархатной мантии какого-нибудь сказочного мага. Ночь была ясной, и, наверное, потому все вокруг выглядело таким… хрупким, чистым, будто нереальным.

И хрустальная даль небес, и бескрайние песчаные просторы, в обманчивом свете месяца казавшиеся пепельно-седыми, и мерцающие звезды — все!

Зулгайен разжег костер и бросил в него горстку сухой травы, что дал отшельник из пещеры Йелай.

Глядя на туранца, Конан снисходительно усмехнулся. Разложив костер, Зулгайен непременно спешил очистить его чудодейственной травой, и каждый раз при этом ощущал на себе ироничный взгляд своего спутника.

— Все возишься с этим… вонючим сеном?! — не удержался-таки Конан, и эта его колкость несколько удивила Зулгайена, поскольку обычно киммериец ограничивался лишь насмешливой улыбкой.

Туранец промолчал.

— Лучше бы отдал его лошадям, — с брезгливой небрежностью в голосе продолжал Конан. — И то больше было бы пользы!

Лошади голодны, в этом ты прав, — задумчиво произнес туранец. — У нас осталось немного овса… но будет разумнее оставить его на утро. Кто знает, что нас может ждать завтра! — он выдавил из себя короткий невеселый смешок и, взглянув на бродящих неподалеку лошадей, добавил: — А сейчас пусть сами ищут себе пищу. Должно же здесь хоть что-то расти?! — в его голосе послышались гневные нотки.

— Ты не бывал здесь прежде? — с понимающей улыбкой спросил киммериец.

— В Косале? — уточнил Зулгайен. — Всего один раз. Несколько лет назад сопровождал Ездигерда, когда тот направлялся к здешнему правителю. Мы ехали с богатым караваном и ни в чем не нуждались. К тому же, это был дружеский визит, и правитель Косалы встречал нас тепло и радушно. Сейчас же, — он обречено вздохнул, — все иначе: наш путь суров, да и ведет он не в роскошные палаты столичного дворца, а в логово ведьм… — Взгляд туранца стал жестче.

— Да, это мало похоже на увеселительную прогулку, — с привычной иронией в голосе заметил Конан. — Что-то ветер усиливается, — вскоре снова заговорил он, и в его голосе теперь послышались едва различимые тревожные нотки. — Так глядишь, и самум

нагрянет, — киммериец настороженно осмотрелся. — Хотя… нет, у горизонта небо ясное.

Вслед за ним осмотрелся и Зулгайен.

— Да, — согласился он с киммерийцем, — ночь должна быть спокойной.

Взгляд полководца задержался на лошадях. Животные стояли поодаль от разведенного их хозяевами костра, на невысоком пологом холме и, опустив морды к самой земле, что-то жевали.

— Ну вот, по крайней мере, нашим лошадям уже не грозит голодная смерть, — шутливо сказал Зулгайен.

— Откуда эта тревога?! — усмехнулся киммериец. — Разве нечто подобное угрожает нам?

— Конечно же, нет! — все тем же шутливым тоном отвечал полководец. — У нас осталось еще несколько рисовых лепешек. — И, смеясь, добавил: — Не ручаюсь, правда, за их свежесть… Конан брезгливо скривился.

— Помнится, был еще и сыр, — пробормотал он, с нарочитой недоверчивостью во взгляде пялясь на дорожную суму, лежавшую возле туранца.

— О! — насмешливо протянул Зулгайен. — Да у тебя отменная память, дружище! Я уж и позабыл, когда… Хотя, постой! — его глаза лукаво блеснули. — Не тот ли это заплесневелый кусок сыра, что ты съел прошлой ночью?!

Киммериец нахмурился.

— Ладно уж, давай скорее свои черствые лепешки! — с небрежностью в голосе произнес он и ворчливо добавил: — Воистину рис — это не пища для настоящего мужчины.

Зулгайен достал из сумы несколько лепешек. Три протянул Конану, три оставил себе, а одну, оставшуюся, поломал надвое (причем с некоторым усилием — настолько она оказалась черствой!) и тоже поделил между собой и своим спутником.

Конан жадно откусил от одной из лепешек и чему-то широко улыбнулся.

Туранец с любопытством поглядел на него. И, то ли угадав мысли своего друга, то ли просто заразившись его внезапной радостью, тоже улыбнулся.

— Мне кажется, я знаю, о чем ты сейчас думаешь? — с дружеской непринужденностью произнес он.

Киммериец чуть качнул головой, тем самым как будто призывая Зулгайена говорить дальше. Улыбка полководца стала еще шире.

— Ты вспомнил тот постоялый двор в Дамарасе, где мы провели позапрошлую ночь…

— И где нас потчевали отменным ужином, — перебив его, добавил Конан. — Говяжье рагу в чесночном соусе, вино… — он упоенно прикрыл глаза и вздохнул. — А жена хозяина — просто красавица!

— Ну, не знаю, — с насмешкой возразил Зулгайен. — Мне не по вкусу косалийки. Самые красивые женщины живут в Туране!

Конан рассмеялся.

— О! Это истинный патриотизм! — воскликнул он.

Зулгайен снова улыбнулся. Пожал плечами. И, не говоря ни слова, положил в рот оставшийся кусок лепешки.

— И все же ты не прав, — тихо произнес Конан. — Может быть, среди косалиек редко встречаются настоящие красавицы, но, поверь, чувственнее женщин нет на свете. Они созданы для любви!

Туранец лукаво поглядел на него.

— Для любви?! — повторил он. — Позапрошлой ночью я слышал эти сладостные исступленные стоны ее любви. На постоялых дворах обыкновенно очень тонкие стены, не находишь?! А еще я слышал, как, выйдя из твоей комнаты, она… эта рожденная для любви косалийка, — из его горла вырвался негромкий смешок, — возвратилась к своему мужу. И как тот долго ворчал, корил ее за то, что задержалась на кухне. Хороша кухня! — туранец издал еще один смешок. — Думаю, хозяин постоялого двора охотно согласился бы с тобой.

Выражая непонимание, Конан чуть прищурил глаза.

— Ну… по поводу редкостной чувственности косалиек, — небрежно пояснил Зулгайен. — Так вот, я не закончил, потом…

— Как?! Было еще и потом? — со смехом протянул киммериец.

— Конечно! И это были… Все те же исступленные стоны, — не без иронии изрек Зулгайен.

— О, Кром! — воскликнул киммериец, ладонью хлопая себя по колену. — Зулгайен, дружище, я не собираюсь любопытствовать, отчего это позапрошлой ночью тебя мучила бессонница. Но ответь, какого демона тебе вдруг взбрело в голову всю ночь следить за бедной женщиной?! — В его глазах плясали насмешливые искорки. — Или, быть может, — голос Конана стал шутливо-вкрадчив, — ты, несмотря на всю свою нелюбовь к косалийкам, надеялся все же, что она заглянет и в твою комнату?!

В ответ Зулгайен рассмеялся. Закинул голову и… смех его внезапно оборвался. Мускулы туранца напряглись. Конан тоже поднял голову. В небе парила черная тень. Была ночь, но зоркие глаза киммерийца не могли ошибиться, — то был косальский гриф. Руки обоих спутников инстинктивно потянулись к оружию. Заметив обращенные к себе глаза мужчин, птица громко загалдела (как будто даже приветливо!) и устремилась к ним.

Киммериец и туранец не шелохнулись. И хотя ладони того и другого по привычке сжимали рукояти мечей, оба спутника знали, что булат их обоюдоострых клинков был бессилен перед приближающейся к ним крылатой тварью. Птица опустилась на землю, совсем близко к Конану и Зулгайену, и в одно мгновение обернулась женщиной. Была она молода и необыкновенно красива. Тонкая, почти прозрачная кожа была не по-косальски светла, будто никогда и не видела солнца. Черты казались несколько грубыми, лишенными тонкости и изящества, но при этом все в ее лице было удивительно гармонично. Незнакомка глядела на сидевших у костра мужчин, и во взгляде ее серых глаз не было враждебности, только какое-то интригующее, дерзкое лукавство.

Женщина хотела приблизиться к Конану и Зулгайену, но сделала всего два-три шага, как вдруг судорожно вздрогнула, остановилась и недоверчиво покосилась на огонь. Что-то недовольно пробормотав себе под нос, она отступила назад.

— Кто ты такая? — громко спросил киммериец, испытующе глядя на нее.

Женщина улыбнулась, но ничего не ответила ему.

— Кто ты?! — еще более повысив голос, повторил Конан. — И что тебе нужно от нас?!

— Я не враг вам, — спокойно ответила незнакомка. — Мое имя Дарейна. Я одна из служительниц Дианирина.

— Нетрудно догадаться! — усмехнулся Зулгайен.

— Мне известно кто вы, откуда и зачем приехали в Косалу, — невозмутимо продолжала Дарейна. — Я могу помочь вам, — ее голос стал вкрадчивее. — Помочь вернуть в Вендию маленькую принцессу.

— Неужели?! — небрежно протянул Конан. — И почему же мы должны верить, что ты

— ведьма! — поможешь нам?!

В глазах Дарейны промелькнул злой, алчный огонек. Однако она не торопилась с ответом.

— Кажется, я понимаю, в чем тут дело, — задумчиво произнес Зулгайен. Он, конечно же, обращался к своему спутнику, но при этом неотрывно глядел на молоденькую ведьму. — Она мечтает стать верховной хранительницей Дианирина.

Дарейна решительно взмахнула головой.

— Это верно! И я обязательно стану ею, — громко сказала она.

— Вот как, — улыбаясь, пробормотал Конан. — Теперь я понимаю. Это ты была… тогда, в Туманных горах:

— Кто же еще?! А ты, как я погляжу, не слишком-то спешишь отблагодарить меня?! — с показной небрежностью сказала она.

Киммериец недоуменно (впрочем, тоже не без некоторой наигранности) приподнял брови.

— Я ведь спасла тебе жизнь, — пояснила она, и теперь в ее тоне слышалась досада.

— Ах да! — протянул Конан. — Ты, помнится, заклевала на смерть того несчастного гвардейца… — Он издал короткий, сухой смешок. Ну, что ж… Прими мою благодарность! — Его голос звучал нарочито лениво.

Как будто оскорбленная неучтивостью киммерийца, Дарейна отвела от него взгляд.

— Вам нужна Слеза Дианирина? — с подчеркнутой холодностью спросила она. — Мне известно, где ее найти. — Дарейна нарочно замолкла, точно испытывая терпение своих собеседников. Уголки ее губ приподняла торжествующая улыбка.

Конан и Зулгайен молчали. Их глаза глядели на ведьму с притворной безучастностью.

— Слеза у девчонки, — глухо сказала Дарейна, почти прошептала, будто опасалась, что кто-то еще может подслушать их разговор.

— У Насинги?! — настороженно спросил киммериец.

Дарейна утвердительно кивнула.

— Она носит ее в перстне, точно драгоценный камень, — голос ведьмы стал еще более тихим. — А Слеза высасывает у девчонки силу. Для Серидэи, — Дарейна презрительно сузила глаза. — Она надеется обмануть нас. Вернуть себе прежнюю мощь и остаться верховной хранительницей.

— А как же вендийская принцесса? — спросил Зулгайен, тревожно всматриваясь в лицо молодой ведьмы. — Что с ней?!

— Она слабеет с каждым днем, — ответила Дарейна, — Серидэя держит ее в своем замке. Девчонка лежит в беспамятстве уже вторую седмицу.

— Ты поможешь нам отыскать этот проклятый замок?! — В голосе Конана слышалось скорее требование, нежели вопрос или просьба.

Дарейна взглянула на него с насмешкой

— Зачем же, по-твоему, я сейчас здесь?! — сказала она. — Я хочу помочь вам.

— Прежде всего — самой себе! — усмехнувшись, возразил киммериец.

— Конечно, — хладнокровно согласилась ведьма. — Но… мы нужны друг другу. Как вы думаете без моей помощи отыскать замок Серидэи?! Завладеть Слезой?! — Ее глаза лукаво блеснули.

— Послушай, — с грубоватой непосредственностью остановил ее Конан. — А какой вообще толк от этой самой Слезы?

Дарейна чуть нахмурила брови, задумалась. Потом вдруг взмахнула головой и расхохоталась.

— Вам неизвестно даже это! — воскликнула она — А вы еще пренебрегаете…

— Ведьме не удалось-таки договорить — Конан властно перебил ее.

— И все же ты не ответила: зачем нам нужна Слеза Дианирина?!

— Она — это сердце всей магической силы Серидэи, — с преувеличенно таинственным оттенком в голосе произнесла Дарейна. — Знаете ли вы, как проходит обряд посвящения в верховные хранительницы? — спросила она, и в ее серых глазах промелькнуло что-то насмешливое. — Слышали что-нибудь о выборе Звезды?

Конан и Зулгайен лишь молча покачали головой.

— Выбранная Звездой ведьма вскоре сжигается, — чеканя слова, продолжала Дарейна.

— Сжигается?! — в унисон воскликнули киммериец и туранец. Они с недоверием всматривались в лицо молоденькой ведьмы.

— В пепел, — с торжественностью в голосе подтвердила она. — Затем от звезды Дианирина, отделяется огненная частичка. Это и есть та самая Слеза, — ее голос почему-то дрогнул. — Она падает в зал скалы Черного грифа.

— В зал скалы Черного грифа?! — переспросил Конан.

— Да, — тихо ответил Зулгайен. — Этот зал — главное святилище служительниц Дианирина. Его стены вздымаются наклонно, но в самой верхней части не смыкаются, подобно своду, а образуют огромное круглое отверстие. В него-то и заглядывает звезда Дианирина.

— Все верно, — согласилась с ним Дарейна. — Так вот, когда в зал падает Слеза… — она нарочно выдержала торжественную паузу, — сожженная оживает, возрождается из пепла. Теперь она становится верховной хранительницей Дианирина. Слеза тотчас же застывает и меняет цвет из огненного в лазурный. С этой самой минуты Слеза связывает верховную хранительницу со Звездой, — в голосе молодой ведьмы слышался трепетный восторг и зависть.

— Звезда Дианирина питает ее новыми силами? — осторожно спросил Конан.

— Как бы не так! — с некоторой досадой усмехнулась Дарейна. — Звезда высасывает ее собственную силу. Взамен же дает другую — нечеловеческую. — В ее голосе опять послышался какой-то будоражащий воображение таинственный оттенок. — Верховной хранительнице открываются все таинства огня. Сила Звезды может сделать ее повелительницей мира! — Дарейна исступленно закатила глаза.

— Не преувеличиваешь ли ты?! — с насмешкой спросил киммериец.

Ведьма бросила на него колючий оскорбленный взгляд.

Серидэя не смогла правильно использовать данную ей мощь, — не ответив Конану, продолжала она, ее голос звучал жестко. — Оттого-то и лишилась ее! — Глаза Дарейны злорадно блеснули, — А теперь она стремится снова завладеть магической силой. При помощи Слезы Дианирина забрать ее у этой девчонки, вендийской принцессы. Надеется обмануть нас…

— Вас? — не сдержав усмешки, спросил Конан. — Кого же это? Таких же ведьм, как и ты?!

Дарейна кивнула.

— Только у нее ничего не выйдет! — с придыханием сказала она. — Я не допущу этого!

— А почему ты решила, что Звезда выберет именно тебя? — осторожно спросил

Зулгайен.

— Кого же еще, если не меня?! — с искренней убежденностью воскликнула Дарейна.

Киммериец и туранец переглянулись между собой, недоуменно и вместе с тем насмешливо.

— Я ведь уже сидела однажды в кресле верховной хранительницы, — с хвастливым самодовольством продолжала молодая ведьма, — там в зале скалы Черного грифа. — И Звезда приняла меня! Она всегда была ко мне благосклонна. Я знаю это! — Дарейна удовлетворенно рассмеялась. — И Серидэя знает. Она давно уже с опасением поглядывает в мою сторону.

— Ладно! Хватит с нас твоего глупого бахвальства! — решительно остановил ведьму Конан. После чего был обожжен ее недовольным взглядом. — Лучше расскажи, как ты собираешься помочь нам?! — и со смешком добавил: — Если ты вообще собираешься это делать!

Дарейна обиженно фыркнула и несколько мгновений молчала. А затем, демонстративно обратив свой взгляд к Зулгайену (при этом, надо сказать, она то и дело косилась на Конана), сухо ответила:

— Я провожу вас в замок Сери…

— Насинга там? — резко перебил ее киммериец.

— Да, — сквозь зубы процедила Дарейна. — А вместе с ней и Слеза Дианирина. — Ее глаза жадно сверкнули.

— А нужна ли нам будет эта Слеза, если мы уже отыщем вендийскую принцессу?! — с сомнением произнес Конан.

Рука Дарейны описала в воздухе какой-то неопределенный жест.

— Неужели вы полагаете, что Серидэя так просто отпустит вас и эту вашу… девчонку?! — с гневной насмешкой воскликнула ведьма. Вспомнив о Насинге, она почему-то презрительно сузила глаза, а в голосе ее при этом отчетливо послышались злобно-раздраженные нотки.

— Не слишком-то доброжелательна ты к маленькой принцессе, — осторожно и с назидательной укоризной в голосе произнес туранец, испытующе глядя на Дарейну.

— Вполне достаточно того, что я намерена помочь ей! — с нарочитой небрежностью отозвалась ведьма, при этом почему-то стараясь не встретиться глазами с кем-нибудь из мужчин.

— Прежде всего — себе самой! Не забывай! — с холодной насмешкой повторил Конан.

— Пусть так, — пряча глаза под длинными темными ресницами, согласилась Дарейна.

— Расскажи нам о Слезе, — примирительным тоном обратился к ней Зулгайен. — Для чего она будет нужна нам?

— Чтобы одолеть Серидэю, — спокойно ответила ведьма, и на ее губах мелькнула тень улыбки. — Без Слезы Серидэя не сможет забирать у девчонки силу. Она не сможет уже ничего! — Дарейна довольно рассмеялась. — И когда состоится выбор новой верховной хранительницы, Звезда укажет на меня, — она выпрямилась с надменным высокомерием.

Рука Зулгайена опустилась на плечо киммерийца. Конан повернулся к спутнику. Туранец, высоко подняв голову и чуть прищурив глаза, глядел на небо. На мгновение он опустил растерянный взгляд на киммерийца, а затем снова поднял голову.

Конан тоже поглядел вверх.

На темно-синем фоне неба четко выделялись контуры огромной черной тучи. И… они

вырисовывали профиль птичьей головы. На какое-то мгновение Конану даже показалось, что у этой «головы» обозначились прорези глаз и мигнули зеленым цветом.

Но это был всего лишь мимолетный проблеск, и сколько потом киммериец ни всматривался в тучу, ничего подобного не повторялось.

Конана вдруг отрезвил взволнованный голос Дарейны.

— О, нет! Только не это! — запричитала молодая ведьма. — Я не могу здесь больше оставаться… Она… Серидэя следит за нами…

Дарейна говорила еще что-то, но речь ее становилась все бессвязнее, и с трудом можно было что-либо разобрать.

Затем ведьма уже который раз бросила короткий боязливый взгляд в сторону плывущей по небу тучи, обернулась птицей и, взмахнув крыльями, унеслась прочь. Но еще долго слышен был ее взволнованный крик.

Конан и Зулгайен все глядели на тучу. Наконец они заметили, что контуры птичьей головы начали постепенно рассасываться.

И не прошло и нескольких мгновений, как от тучи не осталось и следа. Небо было ясным, как и прежде.

— Ну и что ты об этом думаешь?! — с не очень-то убедительной небрежностью в голосе спросил Зулгайен.

— Ты о Дарейне? — Конан чуть приподнял брови.

Полководец кивнул.

— Ну… — задумчиво протянул киммериец, — она симпатичная. Впрочем… — его глаза лукаво блеснули — наверное, не в твоем вкусе.

Зулгайен натянуто рассмеялся.

— Во всяком случае, — спокойно продолжал Конан, — у нас как будто появился новый союзник, — и с брезгливым пренебрежением добавил: — Хотя и слишком болтливый!

Глава XVIII
«Песчинка, гонимая самумом»

Огромная птица с крючкообразным клювом и длинными остроконечными крыльями летела над пустыней. Ее оперение было угольно-черным, как частичка ночной тьмы, так что лучи восходящего солнца не осмеливались коснуться его, точно робея, обходили стороной. Птица не беззаботно парила в небе, а стремительно неслась вперед.

Достигнув небольшой группы тесно прижавшихся друг к другу скал, она чуть опустилась и принялась описывать круги. Надо сказать, что больше чем на лигу вокруг ничего не было видно, только эти скалы. И оттого, казалось, было в них что-то настораживающее. Взгляду всякого, оказавшегося здесь, представали эти каменные громадины, и их вид невольно вселял в душу холодный ужас. Однако же вряд ли чье-либо — пусть даже самое смелое — воображение могло бы допустить, что там, за неприступной стеной темных скал, был скрыт от посторонних глаз замок. И только сверху, с высоты птичьего полета, можно было увидеть мрачное, причудливой формы строение. Оно вздымалось к небу, точно застывшее пламя. А его черные, с седым налетом стены были монолитны. Ни дверей, ни окон не было в них, только узкие бойницы в башенках — языках этого «пламени».

В одну из таких бойниц и влетела птица, тотчас же погрузившись в кромешный мрак внутренних помещений замка. Однако глаза ее, привыкшие к темноте, легко находили путь в лабиринте узких извивающихся серпантином коридоров и огромных, с высоченными потолками залов. Птица летела долго. Перед ней, будто ведомые какой-то магической силой, бесшумно отворялись двери. Иногда в некоторых — обыкновенно самых темных — местах вдруг сами собой вспыхивали укрепленные в каменных стенах факелы и освещали птице путь, но только она удалялась, как огонь снова гас.

Наконец, достигнув высокой сводчатой двери, птица остановилась, опустилась на каменный, ничем не покрытый пол и, взмахнув крыльями, в одно мгновенье обернулась молодой женщиной. Дверь же не открылась, подобно всем остальным в этом замке.

Как только женщина сделала шаг в ее сторону, перед ней возникли два огромных стражника. Они не были вооружены, но на их могучих полуобнаженных телах выделялись выразительным рельефным узором развитые мускулы. Гиганты загородили собой сводчатую дверь, при этом они не сказали ни слова, а лица их были непроницаемы, словно маски.

— Меня ждет Серидэя, — твердым, без оттенка робости голосом произнесла молодая женщина. Затем, видя полную безучастность стражников, она произнесла еще что-то — два или три слова на каком-то неизвестном простому смертному языке.

Стражники, лица которых по-прежнему оставались непроницаемыми, расступились, открыли дверь (каждый по створке) и тут же исчезли, точно растворились в воздухе. Женщина прошла через широкий проем. Дверь за ней сама по себе закрылась. Вошедшая оказалась в большом, скудно освещенном зале. Здесь было пусто. Голые каменные стены поднимались чуть наклонно, и в этом как будто было что-то зловещее. В другом конце зала в стене была еще одна дверь, внешне точно такая же, как и та, через которую молодая женщина только что прошла сюда. Дверь бесшумно отворилась, и за ней обозначился чей-то тонкий

силуэт. Трудно было разглядеть, кто именно стоял в дверном проеме, скорее всего, это была девушка-рабыня. Силуэт не сдвигался с места.

— Госпожа ждет вас, — послышался молодой звучный голос. — Пойдемте! Я провожу вас к ней. — И силуэт принялся уверенно отдаляться куда-то вглубь следующего помещения.

Молодая женщина направилась к двери, вошла и решительным шагом направилась за двигающейся впереди рабыней. Теперь она видела не только силуэт девушки, но и точеное, бронзового оттенка тело, льняную повязку, окутавшую крутые бедра, тонкие металлические обручи на руках, от запястий до локтей, и гладкие иссиня-черные волосы до плеч.

Они шли по прямому широкому коридору. Ни факелов, ни масляных светильников нигде не было видно.

Мягкий ровный свет излучали стоявшие у стен по всей длине коридора массивные слюдяные колонны. Голубоватые кристаллы завораживающе искрились в них. Пол был выложен сине-белой мозаикой. На потолке вызывающе ярко сверкали самоцветы.

Пройдя вдоль всего коридора, рабыня остановилась у высокий широкой двери, уверенным движением открыла одну из створок и, безмолвно приглашая войти, обернулась к гостье. А затем исчезла, точно также, как некоторое время назад это сделали стражники.

Молодая женщина прошла через открытую рабыней дверь и очутилась в небольшой, но очень пышно убранной комнате. Пламя стоявшего в небольшой прямоугольной нише латунного светильника было удивительно спокойно, однако длинные черные тени на стенах почему-то взволнованно дрожали.

Гостья обвела комнату внимательным взглядом, — никого не было.

Она нерешительно приблизилась к одному из стоявших у стены кресел. Снова опасливо обежала глазами комнату и медленно, будто нехотя села. Намеревалась было откинуться на мягкую спинку кресла, как вдруг судорожно встрепенулась, выпрямилась и оторопело замерла.

Прямо перед ней, в другом кресле сидела верховная хранительница Дианирина. Уже сидела — ибо еще мгновение назад место это было пусто.

Она походила на каменную статую. Все в ней было неподвижно и безучастно, и только огромные темно-зеленые глаза были обращены к гостье и… смеялись.

— Ну, здравствуй, Дарейна! — произнесла Серидэя; и тон ее голоса перекликался с насмешливыми резвящимися искорками в глазах.

Гостья почему-то опять вздрогнула, потом же, чуть просветлев лицом, наконец откинулась на спинку кресла, расслабилась (ну, или только сделала вид, что расслабилась, — во всяком случае очень убедительно!) и негромким, но твердым голосом ответила:

— Здравствуй, Серидэя!

В этот момент перед ними возникла рабыня, та самая, что провела Дарейну сюда. В руках она держала небольшой поднос с двумя высокими серебряными чашами.

— Попробуй моего вина, — с необычной для себя любезностью произнесла Серидэя, поднимая с подноса одну из чаш и подавая ее гостье, другую же — оставила себе.

Дарейна взяла предложенную ей чашу, но отпить из нее не спешила, вернее, не решалась. Заметив сомнение своей гостьи, Серидэя обратилась к ней:

— Ну, что же ты?! Неужели вообразила, будто я хочу отравить тебя? — в ее голосе слышались укоризненно-насмешливые нотки.

Дарейна ничего не ответила, однако в ее серых глазах промелькнуло какое-то смущенное недоверие.

— Зачем мне желать тебе зла?! — вкрадчивым голосом продолжала Серидэя. При этом она испытующе глядела на молодую ведьму, точно пытаясь гипнотизировать ее своим неотступным смеющимся взглядом. — Пей же, прошу тебя! — и сама, приблизив к губам чашу, сделала глоток. Затем удовлетворенно улыбнулась и произнесла: — Вряд ли тебе доводилось пробовать вино, подобное этому.

Наконец Дарейна как будто бы решилась уступить.

Она поднесла чашу к лицу. Но не успела прильнуть к серебряной стенке губами, как вдруг рука ее дрогнула, и… чаша со звоном упала на пол. Пролившееся вино обрызгало Дарейне платье.

Серидэя рассмеялась.

— Какая же ты неловкая! — с подчеркнутой раздраженностью в голосе произнесла она. — Да, к тому же, до нелепости трусливая! — Из ее горла вырвался злорадный смешок. — Я могла бы послать за еще одной чашей, но уверена, ее постигнет та же участь, — с гневной насмешкой добавила она.

Дарейна издала какой-то неясный продолжительный звук.

Взгляд Серидэи метнулся вниз, к уроненной Дарейной чаше, и только успел коснуться ее, как в том месте вспыхнуло пламя. Оно скоро потухло, вернее даже не потухло, а в одно мгновение вдруг исчезло, так, будто его и не было вовсе. А вместе с ним бесследно исчезла и чаша, и пролитое вино. Разве что платье Дарейны по-прежнему было забрызгано.

— Твое поведение меня удивляет, — задумчиво сказала Серидэя. Затем выдержала короткую паузу и с многозначительным видом добавила: — настораживает… — Ее глаза злорадно сверкнули. — А известно ли тебе, что ничто так не выдает злых намерений, как преувеличенные опасения их хозяина. Дам тебе совет: никогда не путай осторожность с трусостью!

Дарейна, видимо, намеревалась что-то сказать в свое оправдание и уже раскрыла рот, но Серидэя не позволила ей заговорить.

— Ну, это же надо! — громко воскликнула Она. — Вообразить, что Я хочу отравить тебя! Тебя!

— Прости, если… обидела тебя чем-то, — тихим, неуверенным голосом произнесла Дарейна. — Но… тебе ли не знать, насколько недоверчивы друг к другу служительницы Дианирина?!

— Вот именно — друг к другу! — все с той же гневной насмешкой воскликнула Серидэя. — Я же Вовсе не одна из вас! Я верховная хранительница! И зачем мне пытаться отравить тебя, если от твоей смерти я не получу ничего?! Скорее тебе, ну… или же какой-нибудь другой такой же амбициозной ведьмочке, — ее глаза снова со злорадством сверкнули, — желать мне зла!

— Но ведь ты же бессмертна! — с лукавой улыбкой возразила Дарейна.

Серидэя тоже улыбнулась.

Ее темно-зеленые глаза глядели на гостью с недоверием.

— Не бессмертна, а та, чью жизнь забрал себе священный огонь, — в ее голосе звучала ленивая небрежность. — Мне уже не страшны ни яд, ни клинок!

— Если так, то почему… — начала было Дарейна, но почему-то не смогла договорить.

Серидэя проницательно взглянула на нее и натянуто рассмеялась.

— Почему я упрекнула тебя в дурных намерениях?! — она лукаво изогнула бровь. — Да просто хотела подшутить над тобой?!

Дарейна вся пожухла, побледнела и стыдливо опустила глаза.

— Мне нечего бояться! — продолжала Серидэя. И чем громче звучал ее голос, тем все более бледным становилось лицо гостьи. — А знаешь почему?! Потому что нечего терять! — Она зло усмехнулась. — В этом теле, — ее рука коснулась груди, — уже давно нет жизни! А ты?! Хочешь стать… такой же?! — она сузила глаза и испытующе глядела на Дарейну. Взгляд той все еще был устремлен вниз, а темные длинные ресницы взволновано трепетали.

— Посмотри на меня! — велела Серидэя. — Я хочу видеть твои глаза.

Дарейна нерешительно подчинилась. Встретив обжигающий взгляд огромных темно-зеленых глаз, она вздрогнула. Серидэя снова засмеялась.

— Хочешь, хочешь! Я ведь вижу тебя насквозь. Стать верховной хранительницей — вот твоя мечта!

— Да, — дрожащим голосом согласилась Дарейна. Я хотела бы занять твое место… — и, как будто оправдываясь, робко добавила: — Равно как и любая другая из служительниц Дианирина.

— Вовсе нет! — с каким-то необъяснимым торжеством в голосе возразила Серидэя. — Редкая из служительниц всерьез желает этого. Они слишком трусливы. В твоих же глазах я вижу дерзость! — Она улыбнулась, как будто даже с симпатией. — Меч это восхищает!

— И страшит?! — предательски сорвалось с губ Дарейны. И тут же, осмыслив сказанное, молодая ведьма оцепенела. Ее серые глаза были широко раскрыты, они не моргали, не двигались, только, не различая ничего перед собой, глядели вперед.

Серидэя холодно усмехнулась в ответ. Поднесла к губам серебряную чашу и отпила из нее. При этом ее ироничный взгляд был обращен к гостье.

— Не страшит, — наконец, произнесла она, и на ее губах мелькнула тень улыбки, небрежной, и вместе с тем, как будто брезгливо-презрительной. — Кто ты такая, чтобы противостоять моей силе, моей власти?! — голос верховной хранительницы стал жестче. — Глупая амбициозная девчонка! Жалкая мечтательница!

Дарейна сидела, опустив плечи. Лицо ее было бледным и неподвижным. Руки охватила нервная дрожь.

— Я… я вовсе не хотела… — сдавленным прерывающимся голосом начала было Дарейна.

Верховная хранительница властно остановила ее.

— Не важно, чего ты хочешь, а чего — нет! — громко произнесла она. — Ты ничто передо мной! Безвольная песчинка, которой суждено либо тесниться в барханах, среди мириад точно таких же, как и она сама, либо, отдавшись во власть самума, нестись по пустыне! Ты из таких — тех, что несутся, — Серидэя почему-то усмехнулась. — И, знаешь, в чем твоя беда?! Твоя главная ошибка?! Да в том, что ты глупо вообразила, будто летишь сама, без помощи ветра! — Она снова прильнула губами к серебряной чаше и сделала несколько жадных торопливых глотков. — Но это он, самум, несет тебя, и только в его воле, где ты окажешься завтра!

— Не ты ли тот самум? — осторожно произнесла Дарейна. Она уже заметно осмелела, но ее глаза смотрели на верховную хранительницу с едва скрываемой опаской.

Серидэя довольно улыбнулась.

— А разве не моей воле ты подчиняешься?! Мне и только мне решать, что с тобой будет, — в ее тоне не было пафоса, она говорила с пренебрежительной леностью. — Захочу — ты превратишься в пепел. Захочу… — взгляд верховной хранительницы рассеяно блуждал

по комнате и вдруг — как будто невзначай! — опустился на застывшую в кресле Дарейну, — ты станешь моей наперсницей, — произнося последнее слово, она нарочно понизила голос.

— Звучит заманчиво, — процедила Дарейна. Глаза Серидэи лукаво блеснули.

— Я знала, что такое предложение придется тебе по душе.

— Предложение?! — повторила Дарейна, изумленно приподнимая брови.

— Почему бы и нет?! — с улыбкой произнесла Серидэя. — Только для этого, — ее голос стал жестче, — тебе следует подчиняться любому моему требованию! Любому моему желанию!

Дарейна тоже улыбнулась. На ее светлом лице отразилось воодушевление.

— Я сейчас здесь, перед тобой, потому, как таково было твое желание, — с подчеркнутой учтивостью ответила она.

— Верно, — холодно согласилась верховная хранительница. На мгновение она задумалась. Ее лицо было непроницаемо. — Мне известно, — наконец, промолвила она, — что этой ночью ты встречалась с киммерийцем и его спутником… туранским полководцем. — Все это время взгляд ее огромных темно-зеленых глаз оставался спокойным, а вот сейчас в нем на мгновение промелькнули презрительно-злобные искорки.

— Все, как ты велела, — с придыханием ответила Дарейна.

Верховная хранительница удовлетворенно кивнула.

— Если позволишь, я расскажу тебе обо всем? — голос молодой ведьмы звучал вкрадчиво.

— Нет уж, избавь меня от этого, — лениво протянула Серидэя. — Твоя болтовня слишком утомительна. Ответь мне только… — она снова задумалась.

Дарейна выпрямилась и, затаив дыхание, испытующе всматривалась в лицо верховной хранительницы. Все в ней едва скрывало трусливую настороженность, и вместе с тем взглядом она молила свою госпожу скорее продолжать.

— О чем же вы договорились? — спросила ее Серидэя.

— Мне удалось убедить их в том, что я хочу помочь… отыскать вендийскую принцессу. — Упоминая о Насинге, Дарейна как будто смутилась, понурила плечи и спрятала глаза под взволнованно трепетавшими ресницами.

Серидэя громко рассмеялась.

— Ну, и как же ты намереваешься помочь им в этих поисках?! — спросила она, шутливо и одновременно с тем злорадно.

Дарейна бросила на нее быстрый взгляд из-под опущенных ресниц.

— Я… — начала она сдавленным голосом, но от волнения не отыскав нужных слов, тотчас же замолкла. Потом, выдержав неловкую паузу, наконец, продолжила: — Я вовсе и не собиралась… никому помогать. Но ведь ты же сама… велела мне…

— Уймись! — жестко остановила ее верховная хранительница. — Я отлично помню, что велела тебе. Значит… — она заметно повысила голос, — ты обещала им помочь?

Дарейна нерешительно кивнула.

— Теперь ты должна будешь привести киммерийца и туранца сюда, в мой дворец, — продолжала Серидэя. — Если они видят в тебе союзника… — она вдруг замолкла, и в ее обращенных к Дарейне глазах заплясали веселые искорки. — Любопытно, каким же образом тебе удалось убелить их в том, что ты действительно намерена помочь найти вендийскую принцессу?! Пойти против меня?! — Ее голос посему-то стал глуше. — Ответь же мне! Я жду.

Дарейна натянуто улыбнулась, (она надеялась, что улыбка эта придаст ей непринужденный вид, — но тщетно!).

— Я сказала, будто мечтаю стать верховной хранительницей, — еле слышно ответила она.

— Что ж! — довольно протянула Серидэя. — Этому трудно было бы не поверить! Ну да ладно! Оставим это! — Веселые искорки в ее глазах мгновенно потухли. — Итак, ты в самое скорое время приведешь в мой замок киммерийца и туранца!

— Я сделаю это, — тихо согласилась Дарейна. — Но скажи… — осторожно добавила она, и в обращенном ею к верховной хранительнице взгляде было смешение любопытства и беспокойства, — что за ловушку ты уготовила этим двум храбрецам?

Серидэя усмехнулась.

— С чего вдруг этот интерес?! — спросила она, внимательно всматриваясь в лицо молодой ведьмы. — Уж не тревожишься ли ты за них?!

Дарейна ответила не сразу, — несколько мгновений колебалась. Кровь отхлынула от ее щек, и лицо казалось мертвенно-бледным. Руки судорожно вцепились в поручни кресла.

— Они… мужчины, — нерешительно произнесла она. Затем, снова выдержав паузу, чуть заметно улыбнулась и добавила: — И вовсе не самые ужасные из тех, кого я встречала.

— Вот как! — смеясь, воскликнула Серидэя. — Что ж, признаюсь, ты успокоила меня.

Успокоила?! — со сдержанным изумлением повторила Дарейна. — Чем же?

— Неважно, — с подчеркнутой надменностью в голосе ответила верховная хранительница. Она уже не смеялась, только тонкая улыбка по-прежнему поднимала уголки ее губ. — Может быть, я отдам их тебе, и киммерийца, и туранца, — она приблизила свое лицо к лицу Дарейны и прошептала: — Сделай все так, как велю тебе я, и, обещаю, ты останешься довольной моей щедростью.

Дарейна кивнула.

— Я доверяю тебе, — голос верховной хранительницы звучал все так же тихо. Затем Серидэя выпрямилась, сделала небольшой глоток вина, выдержала паузу в несколько мгновений и уже более громко произнесла: — А теперь — ступай прочь!

Дарейна медленно, как будто нерешительно поднялась с кресла. При этом она ни на миг не отводила глаз от верховной хранительницы, точно надеялась, что та скажет еще что-нибудь. Однако Серидэя молчала. Какое-то время — всего три или четыре мгновения — Дарейна просто стояла у кресла. Потом приблизилась к двери, той самой, через которую незадолго до этого вошла сюда. И снова в нерешительности остановилась. Повернулась к верховной хранительнице и неотрывно глядела на нее. Казалось, она хотела о чем-то спросить, но почему-то не осмеливалась произнести ни слова.

Наконец, Серидэя обратила к ней свой взгляд, едва заметно нахмурилась и не без раздражения в голосе спросила:

— В чем дело?! Чего ты ждешь?!

Дарейна, точно испуганная чем-то, вздрогнула, побледнела, попятилась, (вернее, отступила всего на два шага) и спиной уперлась в самую стену.

— Я лишь… — с сомнением начала она и остановилась. Ее серые глаза были широко раскрыты, и в них как будто застыл какой-то немой вопрос. — Нет, нет! — робко пробормотала молодая ведьма. — Ничего… Я… уже ухожу.

Верховная хранительница снисходительно улыбнулась.

— Так будет разумнее, — сказала, почти пропела она. Затем негромко хлопнула в

ладони.

Тотчас же дверь отворилась, и порог переступила девушка-рабыня.

— Проводи нашу гостью! — обратилась к ней Серидэя.

Девушка услужливо поклонилась, обратила взгляд к по-прежнему стоявшей у стены Дарейне и мягким жестом попросила ее следовать за ней.

— До встречи, Серидэя! — промолвила молодая ведьма, когда уже вслед за рабыней выходила из комнаты.

Верховная хранительница не ответила.

Глава XIX
«Ловушка Серидэи»

Наступил полдень. Конан и Зулгайен ехали по пустынной равнине. Они больше не мчались, утомленные долгой дорогой; кони под ними ступали медленно и утомленно.

— Ты уверен, что мы движемся… — начал было киммериец, но не успел договорить, потому как был прерван своим спутником.

— О, великий Тарим! Да как же я могу быть уверен в чем-либо?! — с гневной досадой воскликнул туранец. — О замке Серидэи мне известно не больше, чем тебе самому, поверь.

— Пусть так, — охотно согласился с ним Конан. — Но вот только все, что я знаю об этом проклятом замке, рассказал мне именно ты!

Зулгайен задумчиво кивнул, но ничего не ответил.

— Ну и где же эта пугливая хвастунья?! — с грубоватой насмешкой спросил киммериец и, заметив в обращенном к себе взгляде спутника непонимание, пояснил: — Та ведьма, что явилась к нам этой ночью.

— Дарейна, — тихо произнес Зулгайен, и на его губах промелькнула тень ироничной улыбки.

— Да… кажется, ее зовут так, — с небрежностью ответил Конан. — Обещала провести нас во дворец, помочь отыскать вендийскую принцессу. И где же она теперь?! — он усмехнулся. — Всего-то стоило увидеть на небе какую-то… тучку, — Конан с негодованием сплюнул, — и в один миг забыла о своих честолюбивых замыслах.

— Ошибаешься, — голос прозвучал у самого уха киммерийца. Был он негромок и мягок.

Конан обернулся. Возле него, беззвучно взмахивая длинными остроконечными крыльями, летела огромная черная птица с человеческой головой. Это была Дарейна.

— Ты несправедлив ко мне, Конан, — с насмешливой укоризной произнесла она.

— Неужели?! — ледяным тоном протянул киммериец. — Ну, а если же я, в самом деле, оказался в чем-то неправ, — кстати, вовсе не отрицаю такой возможности, — то не жди, будто я упаду перед тобой на колени и стану в исступлении вымаливать себе прощение! Напротив, — из его горла вырвался смешок, — теперь, ко всему прочему, я намерен обвинить тебя и в подслушивании!

Дарейна рассмеялась.

— Уверяю тебя, мне незачем подслушивать! — громко сказала она. — Все твои мысли… и чувства написаны у тебя на лице.

На этот раз рассмеялся Зулгайен. Очевидно, словесные перепалки между Конаном и молодой ведьмой представлялись ему довольно забавными.

— Ты намерена вести нас во дворец Серидэи?! — сменив тон (не то чтобы он стал хоть чуточку мягче — вовсе нет, просто теперь в нем не было слышно прежней шутливости), обратился к Дарейне киммериец.

— Зачем же, по-твоему, я сейчас здесь, с вами?! — все с теми же насмешливыми интонациями в голосе ответила ведьма. — Признаться, я вовсе не любительница долгих полуденных прогулок, — она с наигранной обреченностью вздохнула.

Конан бросил в ее сторону косой ироничный взгляд и пренебрежительно хмыкнул.

— Далеко ли отсюда до… замка Серидэи? — обратился к Дарейне Зулгайен.

— Еще не стемнеет, как будем там, — не раздумывая, ответила ему ведьма.

…Зловеще-красный диск солнца опускался за западными холмами, когда все трое достигли группы высоченных, тесно прижавшихся друг к другу, образовывая непроходимую круговую стену, скал. Еще не приблизившись к этим каменным исполинам, а только заметив их издалека, Конан и Зулгайен не смогли сдержать своего изумления.

— О, Кром! — воскликнул киммериец. — Неужели это и есть те самые скалы… — не договорив, он почему-то замолк.

За которыми укрыт замок верховной хранительницы, — сдавленным голосом отозвался туранец. Он напряженно, ни на миг не отрывая глаз, вглядывался в сторону каменных громадин. — Никогда прежде не доводилось мне бывать здесь, но… я слышал, что место это выглядит именно так: ничего вокруг, — его голос стал еще тише, — и только несколько скал, остроконечные, словно… — Его взгляд метнулся в сторону Дарейны, — словно крылья косальских грифов.

— Вот оно, логово ведьмы! — с ненавистью процедил Конан.

Дарейна весело рассмеялась.

— Как же ты, однако, презираешь Серидэю! — весело сверкнув глазами, воскликнула она.

— Не только Серидэю — всех ведьм! — еще более грубо отрезал киммериец.

Дарейна засмеялась пуще прежнего.

— Вы опять за свое?! — с добродушной иронией обратился к своим спутникам Зулгайен. — Полно вам грызться, точно голодным псам у торговой лавки!

Дарейна тотчас же прекратила смеяться, издала какой-то короткий неясный звук и с демонстративно равнодушным видом устремила свой взгляд вперед.

Киммериец обернулся к своему спутнику (тот ехал чуть позади самого Конана), приветливо, но вместе с тем как будто рассеянно взглянул на него и, ничего не сказав, снова повернулся вперед. Затем расправил плечи — впрочем, и до этого его посадке в седле можно было только позавидовать! — и решительно пришпорил коня. Дико заржав, животное понеслось во весь опор. Туранец негромко усмехнулся и, тоже погнав коня скорее, помчался вслед за Конаном. Дарейна же взмыла вверх и летела так высоко, что всадники могли видеть в небе только ее расправленные остроконечные крылья.

Наконец все трое приблизились к скалам.

— Ну и как же нам попасть внутрь? — окинув придирчивым взглядом каменных исполинов, обратился к Дарейне киммериец.

И не то чтобы он сам находил любые попытки пробраться в замок верховной хранительницы столь уж безнадежными. Вовсе нет! Долгие годы Конан прожил в горном крае и мог — хоть и не без риска — одолеть любую вершину. И все же киммериец справедливо полагал, что приведшей их сюда Дарейне был известен более легкий и скорый путь в замок.

— Оставьте здесь своих коней и ступайте за мной! — сказала молодая ведьма, и ее тон, как обыкновенно, был чуточку насмешлив.

Не произнеся ни слова, Конан и Зулгайен спрыгнули на землю, при этом подняв клубы песчаной пыли, и направились за Дарейной. Они шли вдоль прижимавшихся друг к другу скал.

Вскоре молодая ведьма остановилась, повернулась лицом к скале и, беззвучно шевеля

губами, взмахнула левым крылом. В тот же миг остановившиеся позади нее Конан и Зулгайен увидели, что в скале, в том самом месте, куда, не отрывая глаз, глядела Дарейна, появилась небольшая трещина. За ней в скале оказалось углубление.

Дарейна решительно влетела внутрь. Мужчины последовали за ней. И только они вошли в пещеру, как проникавший туда солнечный свет начал вдруг меркнуть. Конан и Зулгайен обернулись — вход в пещеру уверенно заволакивало нечто темное.

Когда же солнечные лучи уже не смогли прокрадываться сюда, стало совсем темно. Но темнота властвовала недолго.

Раздался какой-то неясный звук, вроде шелеста, и спустя всего мгновение вспыхнул свет. Это был огонь.

Дарейна, уже успевшая принять человеческий об лик, держала зажженный факел.

— Так будет лучше, — не оборачиваясь к спутникам, сказала она. — В отличие от нас, ведьм, — добавила с многозначительностью, — ведь вы, простые смертные, неспособны хорошо видеть в темноте.

Конан выдавил из себя ехидный смешок.

— И что же сейчас требуется от нас?! — его голос звучал раздражено. — Безудержно восторгаться ведьмовским зрением или, быть может, благодарить тебя за проявленную заботу о нашем удобстве?!

— С тебя будет достаточно просто молчать, — опять-таки не оборачиваясь, ответила Дарейна, и на этот раз ее тон поражал своей невозмутимостью.

Киммериец что-то злобно прорычал — он и сам толком не понял, что именно. Зулгайен поглядел на него с пониманием, но и не без некоторой — в общем-то, доброжелательной — иронии (такой взгляд нередко можно было наблюдать у туранца, и, надо признать, он очень подходил к тонким, безукоризненным чертам его лица).

Дарейна с факелом в руках, как и прежде, шла впереди всех.

Она ступала мягко, неторопливо, и ее стройные красиво, очерченные бедра плавно покачивались.

Мужчины старались держаться близко друг к другу, а от ведьмы их отделяло не больше пяти-шести шагов.

Сначала их путь лежал по длинному узенькому коридору с таким низким потолком, что и киммерийцу, и туранцу приходилось идти, неестественно согнувшись.

И, наверное, именно из-за этого неудобства проход по коридору показался им слишком уж долгим.

Потом спутники спускались по крутой каменной лестнице. Шли по запутанному лабиринту узких мрачных коридоров. То поднимались, то опускались по бесчисленным ступеням ведущих неизвестно куда лестниц — так, что невозможно было определить, где они находились, глубоко в подземелье или же высоко в скале?

В голове у Конана теснились сомнения. Он хотел спросить Дарейну, когда же они наконец придут, где были сейчас (это «сейчас» менялось каждый миг), но… почему-то не мог произнести ни слова.

Будто какая-то неведомая сила, полноправно властвовавшая во мраке здешних помещений, взяла в плен его волю.

Киммериец не мог сделать ничего… ничего, кроме как покорно следовать за молодой ведьмой.

В ушах у него все громче звучал размеренный шум собственных шагов по каменному

полу. Он оглушал, сводил с ума, уничтожал. И еще киммерийцу казалось, будто его обволакивала какая-то темная густая дымка. Она бесцеремонно вторгалась внутрь его существа и скрадывала последние эмоции.

Не было уже ни сомнений, ни переживаний. Конан не помнил (или же вообще не знал?!) даже, куда и зачем направлялся. Он просто шел вслед за Дарейной, и время тянулось бесконечно долго…

Глава XX
«Дорогой гость»

Нет, это не было похоже на пробуждение, скорее, на мучительное высвобождение из паутины сна. Конан с трудом открыл глаза. Попытался чуть приподнять голову, но не смог. И только негромкое хриплое проклятие сорвалось с его губ.

Киммериец не знал, где он находится и как попал сюда? Вокруг было непроглядно темно. И единственное, в чем Конан сейчас мог быть уверен, это то, что лежал прямо на каменном полу. Его рука медленно поползла в сторону, но находившаяся долгое время в неудобном положении она, как и все тело, онемела, а потому Конан не сразу почувствовал прикосновение пальцев к металлу. И только когда раздалось омерзительное лязганье, он догадался, что потревожил цепь. При этом несколько удивился тому, что сам он не был закован в металл. Впрочем, даже не испытывая плена тяжелых цепей, киммериец не находил в себе сил подняться на ноги.

Постепенно к нему возвращались воспоминания, сначала путанные, скорее походившие на сон, затем мало-помалу становившиеся более связанными между собой, обретавшие смысл.

Конан отчетливо вспомнил, как вместе с Зулгайеном ехал по пустыне. Как внезапно появилась Дарейна. Как она привела их к небольшой группе тесно прижимавшихся друг к другу скал, которые, по ее же словам (и усомниться в них было трудно), окружали замок верховной хранительницы. Как она, Дарейна, при помощи своих ведьмовских сил открыла вход в пещерный коридор. А затем память подводила.

Воспоминания становились все более туманными. Всплывали картины бесконечного перехода по лабиринту узких петляющих коридоров, немыслимого количества лестниц, ступени которых вели то куда-то вверх, то снова вниз. Конан шел за Дарейной, и ему вдруг стало казаться, что свет от факела в ее руках начал постепенно меркнуть.

Киммерийцем завладевало беспокойство, сначала смутное, неясное, потом переросшее в уверенность в том, что должно было случиться что-то страшное и неотвратимое. А уже после того… все как будто бесследно исчезло. Не осталось ни сомнений, ни тревог, только огромная подавляющая все мысли и чувства усталость. Стук шагов сливался со стуком сердца. Внезапно Конан упал (не споткнулся, и не был поражен мучительной болью — просто упал), и в тот же миг со всех сторон на него набросились черные тени.

последним, что запечатлело его угасавшее сознание, было бледное, перекошенное от страха лицо Дарейны. И ее глаза, большие, серые. В них застыло какая-то страдальческая обреченность. Но всего одно неуловимое мгновение — и эти глаза вдруг стали темно-зелеными, с резвящимися злорадными искорками. Они смеялись.

А теперь Конан неподвижно лежал на холодном каменном полу. Вокруг него был мрак. Быть может, уже мрак самой преисподней? Ну, уж нет! Конан был жив. Обессилен, подавлен, возможно, даже лишен рассудка, но жив! Не об этом ли говорило — отчаянно кричало — невыносимое ощущение пустоты в желудке, когда кажется, что не брал ничего в рот уже несколько дней?! Конан снова попытался чуть приподняться, но и в этот раз его старания не увенчались успехом: он не смог даже опереться на локти. От сильного напряжения все его

тело охватила дрожь, усилилось чувство голода.

На какое-то время киммериец погрузился в сон (или всего лишь задремал — трудно было определенно сказать), и сновидения, посетившие его, были мучительны. Это была череда коротких, порой даже совсем мимолетных сцен, в каждой из которых Конан неизменно ощущал на себе чей-то пронзительный насмешливый взгляд. Проснулся он с навязчивым чувством неясного брезгливого страха. Вокруг, как и прежде, было непроглядно темно. Да и вообще, как будто бы ничего не изменилось, разве что пустота в желудке напоминала о себе еще громче. И еще… киммерийцу теперь казалось, что здесь, в этой пугающей будоражащей воображение темноте, он был не один.

Конан напряг слух, силясь различить что-нибудь, но тщетно. И все же киммерийца почему-то ни на миг не покидало чувство — нет, это была уверенность! — что рядом с ним находился еще кто-то.

Ему пришло в голову, что, возможно, это был туранский полководец.

— Зулгайен?! — с взволнованной надеждой произнес он, то ли спрашивая, то ли окликая. Его голос прозвучал удивительно тихо.

Никто не ответил.

— Кто здесь? — не успокаивался Конан, и теперь в брошенной им в темноту фразе прослушивалось бессильное раздражение.

И снова ответа не было. Только вот тишина стала как будто напряженней, темнота — зловещей. Минуло, наверное, всего несколько мгновений, но для киммерийца они протянулись целой вечностью. Конан опять почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд, однако теперь ощущение это возникло наяву, и — как сильно ни хотелось бы, — невозможно было избавиться от него.

Наконец киммерийцу удалось приподняться. Он сел, спиной прислонившись к стене, дрожащими от слабости руками опираясь об пол. Он ждал. Сам не знал, чего именно, только был уверен, что вот-вот должно было случиться что-то, безумный кошмар, вырвавшийся из болезненного сна. Каждый нерв киммерийца предупреждал о неотвратимой опасности.

И вдруг — как апогей воцарившегося напряжения — раздался смех. Он был совсем не громок и мелодичен, но звуки его мучительно резали слух Конана. Все внутри киммерийца судорожно сжалось, даже сердце как будто замерло. Конан неотрывно глядел в ту сторону, откуда исходил смех, хотя по-прежнему ничего не различал в темноте. По его телу прошла теплая полна, она ослабила хватку напряженности, подкатила к горлу и вырвалась наружу отчаянным воплем:

— Хватит! — Конан сперва услышал его, и только спустя несколько мгновений сообразил, что это выкрикнул он сам.

Смех резко оборвался, и во вновь наступившей тишине было нечто пугающее. Конан снова ждал чего-то.

— Боишься?! — вдруг прошептал у самого уха киммерийца женский голос (несомненно, тот самый, что некоторое время назад смеялся). — Да ты весь трясешься! Несчастный! А я-то думала, ты — храбрец, — женщина шептала, настолько приблизившись к киммерийцу, что ее губы то и дело касались его уха, а необыкновенно горячее дыхание обжигало ему кожу. Ладонь незнакомки опустилась на плечо Конана, а ее пальцы гладили его шею.

— Кто ты?! — хрипло спросил киммериец, и из-за подчинившей все тело слабости намек на вызов в его тоне прозвучал почти беспомощно.

— Ты и сам знаешь, кто я, — ответила она, чуть повысив голос на последних словах и

тем самым подчеркнув собственную значимость.

— Серидэя?! — с ненавистью процедил сквозь зубы Конан.

— Конечно, — отозвалась она, снова понизив голос до коварно-вкрадчивого шепота. — Та самая, ради встречи с которой ты явился сюда. — Серидэя тихонько засмеялась.

— Я приехал за вендийской принцессой, — хладнокровно возразил Конан.

— Вот уж нисколько не удивил! — по-прежнему смеясь, ответила верховная хранительница. — Я догадывалась, что с твоей стороны это вовсе не визит вежливости, — с нарочито укоризненным оттенком в голосе добавила она. После этого замолчала, будто обдумывая что-то, потом, чуть отстранившись от Конана (тот понял это, потому как уже не чувствовал прикосновения к своей кожи ее жаркого дыхания), произнесла: — Между прочим, никакой принцессы здесь уже нет.

— Разве?! — с презрительным недоверием в голосе протянул киммериец. — И где же она, если не здесь?!

— Умерла, — отрезала в ответ Серидэя. Конан с издевкой хмыкнул.

— Не веришь? — спросила верховная хранительница, снова приблизившись к Конану.

— Нет! Не верю, — ответил киммериец.

Серидэя громко усмехнулась.

— Да откуда тебе вообще знать, — воскликнула она, так громко, что в ушах у Конана даже зазвенело, — была ли здесь когда-нибудь вендийская принцесса или нет?! Поверил бредням давно выжившего из ума отшельника?! Ха! Если пожелаешь, я могу созвать сюда тысячу таких отшельников, и все они в один голос будут уверять тебя в том, что никакой принцессы нет и никогда не было в моем замке!

— Тысячу?! — с насмешкой повторил за ней киммериец. — Однако же, должен признать, ты очень великодушна! Тысячу! Но не стоит так утруждать себя! Мне было бы вполне довольно слов и одного, но только… такого, которому я бы сам счел разумным поверить! Йелайский отшельник внушает мне доверие.

— Глупец! — небрежно протянула верховная хранительница. — Твоему хваленому отшельнику, в действительности, известно не больше, чем любому другому шарлатану, — она вздохнула.

— Ну, а если так, то почему же ты держишь меня здесь?! — усмехаясь, возразил Конан.

— О! — Серидэя вяло рассмеялась, с ответом же не торопилась.

Рука киммерийца стремительно метнулась к ней (в ту сторону, откуда исходил голос верховной хранительницы) и, крепко схватив ее за тонкое запястье, потянул к себе. Конан настолько ослаб, что, наверное, его силы сейчас хватило бы только на то, чтобы притянуть к себе кошку. Однако Серидэя вовсе не сопротивлялась ему.

Она охотно прильнула к его груди, одной рукой обвила его шею (другую руку киммериец по-прежнему сжимал в своей ладони) и с придыханием прошептала:

— Вот он — мой ответ! Ты нужен мне, Конан! Нужен!

Она принялась осыпать его тело частыми, жадными поцелуями.

Киммериец закинул голову назад и тихо засмеялся.

— Кто-то, припоминаю, говорил мне, что тебе уже несколько тысяч лет отроду, — с иронией заметил он.

Серидэя тотчас же отстранилась от него и некоторое время молчала. Конан не мог видеть ее, но чувствовал веявшую от нее злобу.

— Что ж, — наконец заговорила она, и ее голос звучал твердо, — деликатностью, видно,

твой бог тебя не наделил!

— Наверное, не счел это столь уж важным, — с подчеркнутой небрежностью согласился Конан. Он снова потянул к себе Серидэю, вернее, рванул ее за обе руки (откуда только теперь в нем нашлась силы на это…) и гневно прошептал: — где вендийская принцесса? Где Зулгайен?! Отвечай!

Серидэя одернула руки. Конана уже покинули на миг было возвратившиеся силы, и он не смог удержать женщину.

— Ты слишком груб! — теперь голос верховной хранительницы донесся до киммерийца откуда-то издалека.

— Я хочу видеть тебя! — произнес Конан, и в его тоне, скорее, было требование, нежели просьба.

Серидэя издала негромкий смешок.

— Это возможно, — с холодной небрежностью ответила она.

В тот же миг глаза Конана объял свет. Это вспыхнул огонь в висевших на стене светильниках.

Киммериец зажмурился и некоторое время, пока его глаза не привыкли наконец к свету, с трудом что-либо различал перед собой. Комнату, в которой находился Конан, несправедливо было бы назвать маленькой, но низкий потолок, голые каменные стены и отсутствие окон делало ее похожей на склеп. Здесь не было мебели, разве что громоздкое, с очень высокой спинкой кресло. Оно стояло у одной из стен, противоположной той, у которой сидел на полу киммериец. Однако же больше всего поражало то, что в комнате не было двери. Конан обежал глазами стены, — нигде не было и намека на дверной проем.

— Ну что?! Нравится здесь?! — в голосе верховной хранительницы слышались издевательские нотки. — Будет тебе известно, что… эти покои, — с ее губ слетел негромкий смешок, — уготовлены для самых дорогих моих гостей. Оцени же мое гостеприимство, Конан!

Киммериец глядел на нее с презрительным недоверием. И вместе с тем в его взгляде было с трудом скрываемое восхищение перед изумительной красотой верховной хранительницы. Серидэя, в самом деле, была прекрасна! Теперь перед Конаном была не крылатая тварь с уродливой сморщенной мордой, которую он встретил в Химелийских горах, а молодая стройная женщина с белоснежным, поражавшим безукоризненностью черт лицом.

И только огромные темно-зеленые глаза — смеющиеся глаза из кошмарных сновидений — были знакомы ему.

— Ты хотел видеть меня?! — громко произнесла Серидэя, и лукавая улыбка чуть приподняла уголки ее губ. — Смотри же!

Она медленной плавной походкой направилась к киммерийцу и, остановившись, глядела на него сверху вниз с надменной высокомерностью и все той же злорадной насмешкой во взгляде. — Ну, как?! — встряхнув копной красно-черных волос, спросила она. — Доволен?!

— Да, — тоже с насмешкой отвечал Конан. — Признаю, сегодня ты выглядишь гораздо лучше, чем во время нашей первой встречи… в Химелийских горах. Помнишь?! И как это тебе только удается… — киммериец нарочно остановился, будто задумался о чем-то. Затем, изображая озарившее его просветление, (причем сделал это с завидным искусством!), широко раскрыл глаза и с наигранными доверительными нотками в голосе произнес: — Может быть, это сила вендийской принцессы вернула тебе былую красоту?!

Взгляд верховной хранительницы мгновенно сделался жестче, уголки губ опустились.

— О! Не отвечай! Я и так вижу, что угадал, — с прежней иронией сказал Конан.

Серидэя прошла к стоявшему у стены креслу, устало опустилась в него, откинула голову на высокую спинку и тихо, еле слышно, рассмеялась.

Киммериец не отводил от нее недоверчивого взгляда.

— Ты все о том же?! — не переставая смеяться, лениво протянула ведьма. — И сдалась же тебе эта девчонка! — с притворной досадой добавила она. — Твое занудство начинает меня раздражать. А я было наивно вообразила себе, что мы сможем поладить!

— Где Зулгайен?! — взревел Конан.

— Ну вот! Теперь ты о Зулгайене, — Серидэя наигранно вздохнула. — Что ж… Мне нечего скрывать, — в ее тоне слышалась притворная доброжелательность. — Зулгайен здесь, в моем замке. Но не переживай за него, — она снова издала смешок. — Скоро он возвратится в Туран.

— Ты позволишь ему уйти? — с недоверием спросил Конан.

— А почему бы и нет?! Я ведь никого не держу здесь против воли! Ни его, ни тебя! Хочешь — уходи хоть сейчас! — Серидэя медленно обвела взглядом голые каменные стены.

— Если же мы, в самом деле, не пленники в твоем замке, — с ехидцей начал Конан, — может быть, ты разрешишь нам встретиться друг с другом, — он не спрашивал, а только как будто предполагал возможность такового.

Глава XXI
«Узник Серидэи»

— Не сейчас, — ответила верховная хранительница. — Ты еще слишком слаб, чтобы принимать гостей. Да и друг твой, уверяю тебя, не многим лучше! — Она лукаво сверкнула глазами и как бы невзначай добавила: — За ним ухаживает Дарейна

— А за мной, получается, — ты?! — иронично усмехнувшись, заметил киммериец. — Сама верховная хранительница Дианирина! Какая честь для простого смертного!

— Рада, что ты сумел оценить это, — невозмутимо ответила Серидэя. — Ну да ладно! — Она взмахнула рукой. — Ты меня утомил. О… чуть не забыла, — она рассеяно взглянула на Конана. — Ты ведь, наверное, голоден?!

Киммериец ничего не ответил, только в желудке у него что-то мучительно сжалось.

— Велю принести сюда что-нибудь, — в голосе верховной хранительницы снова послышалась притворная любезность. — Ну, а теперь, пожалуй, оставлю тебя.

Сказав это, Серидэя в тот же миг исчезла, — просто вдруг ее не стало. И только Конан еще долго не мог отвести взгляд от кресла, в котором она сидела.

Конан не знал — не мог знать — сколько дней (или, может быть, даже месяцев?!) прошло с тех пор, как он попал в замок Серидэи. Он потерял счет времени. Окружавшие его стены не пропускали внутрь солнечный свет. А огонь в факелах горел постоянно.

Конан много спал. Бодрствование же обыкновенно было совсем недолгим и не приносило ничего, кроме невыносимо угнетающего осознания своего бессилия. Чувство голода теперь не напоминало о себе: кормили Конана исправно. Правда, киммерийцу ни разу не удавалось проследить, кто и когда приносил ему еду. Поднос с кушаньями неизменно уже оказывался в комнате каждый раз, как только Конан пробуждался ото сна.

В самой комнате произошли значительные перемены. Однажды (это, наверное, случилось еще в самые первые дни — а, впрочем, Нергал его знает! — своего заточения здесь) проснувшись, киммериец обнаружил, что лежит не на полу, а на широком мягком ложе. Пол в комнате был устлан ворсистым ковром. Стены покрывали рельефные узоры. Факелов не было, огонь теперь горел в изящных светильниках, что стояли в устроенных в верхней части стен маленьких неглубоких нишах. Не было и привычного уже громоздкого кресла.

В углах и рядом с ложем располагались низенькие покрытые шкурами пуфы. На полу, вытянув к верху длинные тонкие горлышки, стояли сосуды с благовониями. Потолок стал как будто выше, и с него свисал расшитый серебряными нитями и жемчугом балдахин.

Иногда Конана посещала Серидэя. И, как обычно, взгляд ее темно-зеленых глаз был ироничен и коварен, слова — ядовиты и притворно любезны.

Она глядела на киммерийца, и тот чувствовал, будто тело его немело под ее безжалостным неотступным взором, а сознанием завладевала болезненная леность. Конан молчал, говорила только верховная хранительница, говорила тихо и вкрадчиво. Чаще она сидела на пуфе, у ложа. Иногда садилась и на само ложе, ближе к Конану. И тогда ее ладонь опускалась ему на грудь, ее пальцы гладили его кожу. Но ласки Серидэи были насмешливы, неискренни. С каждым прикосновением ее рук, губ, взгляда Конан чувствовал мучительную

беспомощность и отвращение. Она, Серидэя, знала это. Наверняка, знала! И оттого все жарче разгорался алчный огонь в ее глазах. Когда же ведьма исчезала, Конан неизменно погружался в сон.

Снились ему все те же темно-зеленые глаза, пронзительный, леденящий кровь взгляд которых преследовал его повсюду, обманчиво-ласковый завораживающий шепот и звенящий в ушах злорадный смех. Конана оставляли последние силы, меркнул рассудок. Все теряло смысл, растворялось в ядовитом тумане. Киммериец уже с трудом припоминал, что привело его сюда, в замок Серидэи? Порой ему даже казалось, что он провел здесь всю свою жизнь. Всегда вот так же беспомощно лежал в этой комнате и не знал ничего о том, что было вне ее каменных, непроницаемых стен. Конана преследовали образы незнакомых (а, возможно, некогда знакомых, да уже позабытых?) людей, они как будто пытались ему что-то рассказать, отчаянно молили его о чем-то, а затем бесследно исчезали во мраке потерянных воспоминаний. И снова не было ни тревог, ни надежд — ничего. Даже осознание своей немощности теперь не было мучительным для Конана. Он забыл свою прежнюю силу.

Одно время Серидэя долго не приходила к киммерийцу. И тогда Конану стало казаться, будто пелена, окутывавшая его изнутри, начала рассеиваться. Все более ясными становились мысли, воспоминания. Возвращались силы. Как-то Конан попытался даже подняться на ноги, и ему это удалось. Сперва он еще не мог подолгу стоять: у него кружилась голова, беспомощно подгибались колени. Но скоро он уже легко передвигался по комнате, приподнимал над полом ложе (оно было сделано из слоновой кости) и без всяких усилий совершал множество обычных для своих прежних сил вещей.

Это случилось, когда Конан уже совсем окреп. Он лежал без сна. Прикрыл глаза и почти не шевелился, — о чем-то задумался. Вдруг он услышал какие-то негромкие звуки. Они раздавались совсем близко. Конан осторожно приоткрыл один глаз (совсем чуть-чуть — так, что если бы кто-то в этот момент наблюдал за ним, то вряд ли смог бы что-либо заметить). В стене, как раз напротив ложа киммерийца, четко вырисовывался дверной проем, узкий и невообразимо низкий. И через него, наклоняя черноволосую голову, в комнату вошла девушка-рабыня. В руках у нее был поднос с блюдами, точно такой же, какой Конан обыкновенно находил подле своего ложа, пробудившись ото сна. Но вот ему наконец удалось собственными глазами (вернее, одним глазом) увидеть, кто и, главное, каким образом заносил в комнату поднос с едой. Это была удача!

Конан продолжал неподвижно лежать, никак не выдавая своего бодрствования. Семенящей походкой рабыня подошла к киммерийцу. Поставила поднос на пол, у самого изголовья. Взяла другой поднос, с пустой посудой, и, скользнув по Конану восторженно-любопытным взглядом, направилась обратно к двери. Но не успела девушка выйти из комнаты, как Конан вскочил со своего ложа и в два прыжка настиг ее. О, его движения были беззвучны, стремительны и точны, как у дикой кошки! Одной рукой киммериец крепко зажал рабыне рот. Другой сорвал свисавший с потолка балдахин. Быстро обмотал им девушку, так тесно, что та не могла и пошевелиться. Оторвал от балдахина кусок, скомкал его и сунул своей пленнице в рот. Заметив на лице девушки страдальческую гримасу, (кляп, видимо, вызвал тошноту), Конан чуть вытянул тряпку. Затем бросил обмотанную девушку на ложе и, не теряя ни секунды, выбежал из комнаты.

Он оказался в длинном, скудно освещенном коридоре. Вокруг никого не было. Конан припустил вдоль по коридору. И вдруг, как будто из воздуха (стоило ли чему-нибудь удивляться, будучи в замке верховной хранительницы?!), перед ним возникли двое

бронзовотелых гиганта, вероятно, здешних стражника. Ни ростом, ни объемом мускулов они не превосходили киммерийца, но, стоило признать, и не уступали ему ни в чем.

Коридор был очень узким, и стражники, стоявшие плечом к плечу, преграждали Конану путь.

Они не двигались, и глаза их глядели вперед тупо и безучастно. Конан отступил назад — всего на несколько шагов. Собрался со всеми силами. И затем с разбега бросился на противников. Но ему не удалось прорваться. Ударившись об твердые, холодные, точно камень, тела гигантов, киммериец отлетел назад или, вернее, его отбросило какой-то неведомой силой. Между тем сами стражники как будто и не шелохнулись, а взгляд их оставался таким же мертвенно-непроницаемым, как и прежде. Конан чуть не упал на пол, — поразительно, как он все же удержался на ногах?!

И тут позади киммерийца раздался негромкий злорадный смех. Это был голос Серидэи. Конан, признаться, даже не удивился, заслышав вдруг знакомые звуки ее коварного смеха. После случившегося только что появление Серидэи было так же неотвратимо, как наступление ночи вслед за закатом солнца.

Стоявшие перед Конаном бронзовотелые гиганты исчезли так же мгновенно, как и появились. Теперь ничто не преграждало киммерийцу путь, но чувствуя на себе неотступный взгляд верховной хранительницы, он уже не находил в себе сил бежать.

Снова что-то окутывало его, завладевало мыслями, чувствами, волей. Конан медленно, как если бы испытывая при этом невыносимую боль (тем не менее, он ничего не чувствовал), обернулся.

Серидэя стояла всего в нескольких шагах от Конана. Она уже не смеялась, но в его ушах все еще звенел ее издевательский смех. Ведьма взмахнула рукой, и в тот же миг со всех сторон на киммерийца набросились черные тени, совсем, как тогда, когда он и Зулгайен следовали за Дарейной.

Что-то невообразимо мощное подхватило Конана и понесло куда-то в темноту…

И снова было мучительное пробуждение. Конан находился в той же комнате, что и прежде.

Только вот ни ковров, ни ложа из слоновой кости, ничего из некогда пышного убранства уже не было здесь.

Комната выглядела так, как в самое первое время заточения киммерийца. Сам Конан опять лежал на полу у стены. Его руки и ноги были закованы в железные цепи.

На громоздком, с высокой спинкой кресле сидела Серидэя. Она глядела на киммерийца.

— Ты подвел меня, Конан! — сказала она, и ее голос прогремел в тишине так зловеще, что, казалось, будто даже пламя в висевших на стенах факелах боязливо затрепетало. — Глупец! Неужели ты на самом деле вообразил, что сможешь убежать отсюда?! — Из ее горла вырвался ироничный смешок. — Отвергнул мое гостеприимство!

— Мне не нужно твое… гостеприимство! — прохрипел в ответ Конан.

— Знаю, знаю! — Серидэя небрежно махнула рукой. — Тебе нужна только вендийская принцесса. Ты ведь не поверил в ее смерть?! Правда?!

Конан медленно покачал головой.

— Нет, сказал он. — Я верю в ее смерть не больше, чем в свою собственную.

— А напрасно! — с ядовитой усмешкой в голосе протянула ведьма. — Мне ведь ничего не стоит умертвить тебя хоть сей же миг.

Однако ты что-то не торопишься, — хладнокровно возразил Конан. И только он успел

договорить, как его грудь вдруг пронзила острая боль. Киммериец едва сдержал стон. Он судорожно дернулся, и цепи, сковывавшие его руки и ноги, при этом алчно лязгнули.

Серидэя не отводила от Конана насмешливого взгляда.

— Чего ты добиваешься?! — сквозь зубы процедил киммериец. Новый приступ боли исказил его лицо.

Верховная хранительница рассмеялась со злым торжеством.

— Мне нравиться смотреть, как ты мучаешься, — сказала она. — О, если бы ты сам видел себя сейчас! Прислушайся к своей боли! Запомни ее!

Боль не отпускала.

Она завладела всем существом, не оставляя места ни мыслям, ни желаниям — ничему.

Боль насмехалась над Конаном. И все, что киммериец видел, это два устремленных к нему глаза, огромных, темно-зеленых, с лукавыми искорками.

Все, что он слышал, — это говоривший с ним голос, то необыкновенно громкий, резкий, то опускающийся до еле различимого вкрадчивого шепота.

— Когда-то… очень давно, — задумчиво продолжала Серидэя, — как ты однажды заметил — несколько тысяч лет назад, — она усмехнулась, — я тоже знала боль. Знала страдания… Но теперь все в прошлом, — ее голос мгновенно поменял интонацию, став лениво-беспечным. — Как думаешь, удастся ли тебе рассказать мне о своей боли?! Так рассказать, чтобы я и сама смогла почувствовать ее?!

В этот момент боль стала настолько невыносимой, что из горла Конана вырвался-таки хриплый стон.

— Нет! Не сможешь! — с брезгливой насмешкой произнесла ведьма. — Да и какой толк мне от твоих страданий?! — добавила она с пренебрежением.

И только Серидэя сказала это, как Конан почувствовал спасительное облегчение. Боль не сразу исчезла.

Точно пасуя перед чем-то, она крадучись отступала… А покидаемое ею тело сразу же немело, упоено отдаваясь во власть сладостного забвения.

Серидэя закинула голову на спинку кресла и, прикрыв глаза, сказала:

— Если уж ты так хочешь знать, я признаюсь тебе, — она небрежно усмехнулась. — Насинга жива. Ну, конечно же, ты нисколько не удивлен?! — она выпрямилась, открыла глаза, и ее взгляд коснулся Конана. — Да не смотри же ты на меня так озлобленно! Ты хотел слышать правду — вот она! Принцесса здесь, в моем замке. Всем довольна. Ты же сам знаешь, как я могу быть гостеприимна?!

— Гостеприимна?! — с горькой иронией повторил за ней киммериец.

— Конечно! — с преувеличенной веселостью в голосе подтвердила Серидэя. — Но только если сами гости согласны подчиняться моей воле. Насинга же хорошая девочка… покорная. Она не доставляет мне хлопот.

— Не сомневаюсь в этом, — с презрительной насмешкой отозвался Конан.

Глаза ведьмы злорадно сверкнули.

— Насинга ни в чем не нуждается, — холодно продолжала она. — Ни в заботе, ни в добрых спасителях вроде тебя!

— Не утруждай себя выпусканием яда, — невозмутимо ответил киммериец.

— Замолчи! — гневно воскликнула Серидэя.

В одно мгновение она оказалась рядом с Конаном. Склонилась над ним так низко, что ее волосы легли ему на плечо. И прошептала:

— Не будь глупцом!

Конан поднял к Серидэе голову, и они встретились глазами.

— Что ты намерена делать? — спросил он. — Убить меня? Оставить навечно томиться здесь? Или, может быть, использовать подобно тому, как ты используешь вендийскую принцессу?! — Его голос стал громче и жестче. — Что за участь ты уготовила мне?!

Серидэя отстранилась от него, поднялась, с подчеркнутой надменностью расправила плечи и рассмеялась.

— Все зависит от тебя самого, — с таинственной многозначительностью ответила она. — Только от тебя, Конан! Подумай об этом! А теперь я оставлю тебя.

И в тот же миг она исчезла. Конан снова остался один.

Глава XXII
«Побег»

Время тянулось мучительно долго. Сколько же часов, дней, возможно, даже месяцев угнетающего одиночества провел Конан в замке Серидэи? Здесь не было ни дней, ни ночей, здесь не было времени — толстые каменные стены не пропускали его внутрь.

Конан теперь мало спал. А когда ненадолго и забывался сном или хотя бы дремотой, обыкновенно пробуждался с тупой болью в суставах (изза закованных в цепи рук и ног ему редко удавалось принять во сне удобное положение).

Серидэя больше не заходила к Конану. И единственных, кого он имел возможность видеть, это приносивших ему еду рабынь. Те были удивительно молчаливы (впрочем, киммерийцу и не приходило в голову заговорить с ними о чем-то) и безучастны.

Дверь теперь всегда оставалась в стене. Ее контуры будто нарочно дразнили Конана своей близостью, кажущейся доступностью.

Все началось с того, что в факелах внезапно потух огонь. Прошло, наверное, не меньше часа, когда слух киммерийца различил какие-то негромкие звуки за дверью. Кто-то просунул ключ в замочную скважину и пытался повернуть его. Замок почему-то не поддавался. Конан напряг слух.

Сперва он, конечно же, решил, что это какая-нибудь из здешних рабынь, как обычно, принесла ему поесть. Но теперь сомневался в этом. В доносившихся из-за двери звуках угадывалось что-то опасливое, настороженное и как будто… А, впрочем, Конан гнал прочь радужные надежды — слишком мучительным могло оказаться разочарование. Его сердце билось все тревожнее. Наконец послышался долгожданный щелчок, — это отодвинулся металлический затвор. Кто-то осторожно открыл дверь. Вошел в комнату. Конану удалось различить на мгновение промелькнувший в полосе пробиравшегося из коридора тусклого света высокий широкоплечий силуэт, наверняка, мужской. Вошедший сделал несколько нерешительных шагов и остановился. Киммерийцу показалось, что протянулась целая вечность, перед тем как напряженную тишину разрезал голос мужчины.

— Конан, ты здесь?!

— Зулгайен?! — с радостным изумлением в голосе откликнулся киммериец. — Это ты?!

— Я, — коротко ответил полководец. — Говори что-нибудь, чтобы я, слыша твой голос, смог приблизиться к тебе.

Конан принялся говорить что-то взволнованное, неразборчивое — он и сам толком не мог понять, что именно. Вроде бы расспрашивал Зулгайена о чем-то, пытался выразить свою радость по поводу их встречи. Он продолжал говорить даже тогда, когда туранец уже подошел к нему и в дружеском приветствии положил ему на плечо свою руку. Конан остановился только, услышав у себя над головой громкое звяканье металла. Он сообразил, что туранец держал связку ключей.

— Сейчас я попробую вызволить тебя из этих цепей, — склонившись к киммерийцу или, скорее, присев на корточки — в темноте нельзя было разобрать, сказал Зулгайен. При этом его уверенный тон вселял в душу Конана ободряющую надежду — Вытяни руки вперед!

Киммериец подчинился. И Зулгайен начал торопливо перебирать ключи в своей связке,

каждым из них поочередно пробуя расстегнуть кандалы на руках Конана.

— Откуда у тебя эти ключи? — спросил его киммериец.

— Дарейне каким-то образом удалось раздобыть их, — ответил Зулгайен.

— Дарейне?! — с гневным недоверием повторил Конан, он даже повысил голос. — Так тебя послала эта…

Он не договорил, туранец остановил его.

— Не горячись, — мягко, с успокаивающими интонациями в голосе сказал Зулгайен. — После всего случившегося я и сам долго не решался верить ей, — он как будто задумался, а потом с грустной иронией в голосе добавил: — Да и сейчас, признаться, все еще не расположен к безграничному доверию.

Конан понимающе усмехнулся. В задумчивости помолчал. А потом ответил:

—Может быть, ты и прав, дружище! В нашем положении лучше уж отправляться на риск, чем просиживать, беспомощно дожидаясь уготовленной сумасшедшей ведьмой участи.

Наконец Зулгайену удалось подобрать нужный ключ. Железное кольцо, державшее руки киммерийца, было разомкнуто. Тот же самый ключ подошел и к кандалам на ногах.

— Ну, вот и все! — со вздохом облегчения произнес Зулгайен. Нам надо торопиться! Но не вздумай бежать, топот ног может привлечь к нам ненужное внимание! И вот еще что! — точно вдруг вспомнив о чем-то важном, добавил он. — Вот возьми! Дарейна передала для тебя.

Конан почувствовал, как к его руке прикоснулось что-то. Пальцы киммерийца торопливо ощупали невидимый в темноте предмет, вернее скользнули по нему, и без сомнений распознали кожаные, отделанные камнями ножны. Они не были пусты: торчавшая наружу рукоять кинжала встретила прикосновение Конана строгой холодностью металла.

— Это тот самый кинжал, — тихо произнес Зулгайен, — подарок Дэви Жасмины.

Выйдя за дверь, мужчины оказались в длинной, просторной галерее, с выложенным мозаикой полом, подпиравшими потолок массивными колоннами и узкими, точно крепостные бойницы, прорезями окон в стенах.

— О, Кром! — изумленно прошептал киммериец. — Как-то раз мне уже приходилось выхолить…

Точнее, выбегать! — перебив Конана, с добродушной насмешкой поправил его Зулгайен, и его черные глаза весело блеснули при этом.

Конан улыбнулся, кивнул головой и все с тем же изумлением в голосе продолжал:

— Я помню, — он судорожно сглотнул, — явственно помню, что здесь все было иначе… бесконечно длинный, узкий коридор, никаких окон, колон, мозаики на полу!

— Память тебя не обманывает, — согласился туранец. — Все дело в том, что здесь, в замке верховной хранительницы, время от времени происходят такие вот… странные вещи: помещения меняются местами. Еще несколько часов назад здесь был узкий невзрачный коридор, а теперь, — он обежал глазами всю галерею, — сам видишь, что! Дарейна нарочно выжидала, когда произойдут эти перемены.

— Зачем же? — выражая вялую заинтересованность, спросил киммериец.

— Наверняка, ты обратил внимание на то, что за некоторое время перед моим приходом огонь в твоей комнате потух, ведь так?! — с воодушевлением начал Зулгайен. — Это тоже устроила Дарейна. Ведь пламя — это глаза самой верховной хранительницы. Когда где-либо горит огонь,

Серидэя может видеть, что происходит вокруг него.

— О! Не говори мне об этом! — со смехом протянул киммериец. — Я отлично помню, с каким усердием ты оберегал наш костер, каждый раз непременно бросая в него горстку сухой смердящей травы… Нергал! Совершенно вылетело из головы, как она называлась?!

Туранец сдержанно улыбнулся, но все же не подсказал Конану название чудодейственной травы.

Вместо того он со свойственной ему невозмутимостью продолжил прерванный разговор.

— Видишь ли, я, конечно же, смог отыскать тебя в погруженной в кромешный мрак комнатушке, но, как возможно было бы в той же непроницаемой темноте найти путь здесь?! — он снова обежал глазами каменные стены галереи. — Если бы не оконные прорези мы не смогли бы увидеть даже друг друга!

— В самом деле, — задумчиво согласился Конан, он тоже обвел взглядом помещение, внимательно и тревожно. — Нигде нет ни факелов, ни масляных светильников.

— Вот почему Дарейна дожидалась именно сегодняшнего дня, — заключил туранец.

— Да перестань же ты, наконец, твердить о Дарейне! — с нарочитой небрежностью сказал киммериец. — Ты только и делаешь, что беспрестанно повторяешь ее имя. Так, будто эта ведьма стала для тебя новым божеством. — Он усмехнулся.

И снова едва заметная улыбка приподняла уголки губ Зулгайена.

Они прошли всю галерею. И уже подходили к высокому арочному проходу, когда вдруг впереди — всего в двух шагах от них — возникли двое высоких, с массивными мускулистыми телами и бронзовой кожей мужа. Конану пришло в голову, что, возможно, это были те же самые стражники, с которыми он имел несчастье встретиться во время своей первой попытки бежать.

Зулгайен, которому, судя по всему, было кое-что известно о той встрече, бросил в сторону киммерийца быстрый взгляд и ободряюще прошептал:

— Уверяю, без огня они не покажутся тебе столь уж непобедимыми! Только не поднимай лишнего шума! Чтобы ни было, действуй беззвучно, иначе здесь появится сама Серидэя. А эти сторожевые псы, — с презрением добавил он, — насколько мне известно, немее рыб!

Схватка была недолгой. Зулгайен был прав: в этот раз стражники оказались куда более уязвимы, чем во время их первой встречи с киммерийцем. Конану не пришлось даже вынимать из ножен кинжал. Лишь несколько умелых ударов кулаком, и сражавшийся с киммерийцем стражник уже едва держался на ногах. Еще один нанесенный удар повалил его на пол. Но в тот же миг перед Конаном возникли новые противники — сразу двое. Внешне они ничем не отличались от своих предшественников, точно между собой все были братьями-близнецами. Однако же эти двое явились не с пустыми руками, они были вооружены мечами. Теперь-то Конан вынул из ножен кинжал. Эта борьбы была нешуточной. Два сверкающих клинка взметались в сторону киммерийца. Но тот с завидным успехом отклонялся от их атак. И все это время Конана не покидало тревожное чувство, он опасался, что в любой миг все бесследно исчезнет: и стражники, и Зулгайен, и эта галерея, останется только он сам, а потом где-то позади него раздастся вдруг негромкий, коварный смех.

Краем глаза киммериец видел, что и Зулгайен уже сражался с новыми противниками, также, как и он сам, сразу с двоими.

С присущим ему изяществом туранец отражал нападения стражников, при этом в самые неожиданные для тех моменты успевая наносить ответные удары. Изредка Конан поглядывал

на Зулгайена, и боевое мастерство друга как будто воодушевляло его самого.

Наконец киммерийцу удалось сразить одного из своих противников, — его кинжал вонзился тому в грудь. Стражник беспомощно рухнул на пол.

Не заставил долго ждать своей гибели и другой противник. Только успев вознести над Конаном свой меч, он тотчас же был смертельно ранен киммерийцем в шею. Его ладонь разжала рукоять меча. Падая, оружие чуть было не задела Конана в плечо. Но тот во время уклонился от клинка. Следовало ожидать появления новых противников, но — нет, в этот раз никого не было. Киммериец поспешил на подмогу к другу. Зулгайену только что удалось повергнуть одного из стражников. И теперь они вдвоем, сам туранец и присоединившийся к нему киммериец (последний позаимствовал меч у убитого им противника), атаковали оставшегося. Стражник не уступал им в умении владеть оружием. Он ловко отбивался от нападений и сразу же затем спешил с ответными ударами. В какой-то момент Конану показалось, будто клинок стражника вонзился в плечо Зулгайена (в то же самое место, куда туранец был ранен в башне Желтой звезды), но это был всего лишь мимолетный проблеск в уголке его глаза. Другое мгновение — и он уже отчетливо видел, что меч противника стремительно несся к нему самому, и что Зулгайен отчаянно пытался предупредить возможный удар.

Туранцу удалось-таки отразить внезапный выпад стражника и тем самым спасти Конана. А сам киммериец, воспользовавшись моментом, нанес противнику смертельный удар. Поверженный тяжело упал. Его меч громко звякнул, коснувшись выложенного плиткой пола.

— Теперь поспешим! — со вздохом облегчения произнес Конан.

Он взглянул на Зулгайена и… на несколько мгновений в растерянности замер.

Туранец, смертельно бледный, с полуприкрытыми веками и перекошенным от боли ртом, стоял, беспомощно прислонившись к одной из колон. Он медленно сползал на пол. На его плече кровоточила глубокая рана. Конан метнулся к другу. На губах Зулгайена задрожала слабая, едва заметная улыбка.

— Последнему из них… все же удалось… продырявить меня, — с грустной иронией прошептал он, и его голос звучал прерывисто. — Я не смогу… идти дальше. Послушай меня…

Зулгайен рассказал киммерийцу, куда следовало идти. Он говорил сбивчиво и так тихо, что Конан с трудом различал его ослабевший от боли голос.

— Но как же ты?! — выслушав наконец объяснения Зулгайена, спросил киммериец с тревогой и надеждой. — Мне даже нечем перевязать тебе рану, — с горькой досадой добавил он.

— Все обойдется, — на лице туранца снова промелькнула грустная, но как будто ободряющая улыбка. — Рана не смертельная…

Конан, соглашаясь, кивнул (по правде говоря, ему с большим усилием удавалось не выдавать одолевавших его мучительных сомнений).

— А теперь — спеши! — на одном дыхании прошептал Зулгайен, и его лицо снова исказила гримаса острой боли.

И в этот момент слух Конана уловил звуки чьих-то медленных, размеренных шагов. Они раздавались откуда-то из-за арочного прохода и постепенно становились все более отчетливыми. Кто-то направлялся сюда, в галерею. Зулгайен сидел, прислонившись к колонне, так, что со стороны входа увидеть его было невозможно. Киммериец же метнулся к

другой колоне и, прижавшись к ней спиной, застыл.

Когда звуки шагов стали совсем близкими, он осторожно выглянул из-за прятавшей его колонны и увидел шедшую вдоль по галерее молодую рабыню. В руках у девушки был поднос с наполненной едой посудой. Конан успел изрядно проголодаться, и теперь вид пищи, (наверняка, предназначавшейся именно ему!) и ее аромат отозвались у него в желудке недовольным жадным стенанием.

Конан в который раз взглянул на Зулгайена. Печальные глаза туранца отчаянно молили его скорее бежать.

…Путь Конана пролегал через длинный, невообразимо узкий коридор, несколько последовательно расположенных залов, с высокими куполообразными потолками и искрившимися призрачным голубоватым светом слюдяными колоннами, еще один коридор, гораздо более широкий, чем первый, и не такой длинный, и поднимавшуюся куда-то наверх винтовую лестницу. Нигде не было факелов, (об этом предупреждал Зулгайен), а исходивший непонятно откуда и неизменно сопровождавший киммерийца тусклый робкий свет едва позволял разглядеть что-либо уже на расстоянии десяти шагов. По-настоящему светло было только в залах со слюдяными колонами.

Когда же Конан поднялся по винтовой лестнице, его вдруг окутала кромешная темнота. Нельзя было различить ничего. Киммериец оглянулся назад, туда, где проходил только что, но все скрывал непроницаемый мрак. Конан напряг слух, силясь различить что-либо вокруг, но было так тихо, что даже звенело в ушах, раздражающе, тревожно и как будто бы… злорадно. Тишина и мрак насмехались над Конаном.

Киммериец сделал несколько осторожных шагов и в нерешительности остановился. Возвращаться назад, к погруженной в полнейший мрак лестнице, не имело смысла. Идти вперед, в скрадываемую той же темнотой неизвестность, было безумием. Оставаться здесь?! Эта мысль показалась Конану такой нелепой, что в душе он даже посмеялся над своим положением. Между тем, каким бы забавным ни представилась ему сейчас сложившаяся ситуация, киммериец все же не решался сдвинуться с места. И снова, как во время схватки со стражниками, как во все те бесчисленные дни своего заточения в этом проклятом замке, он с леденящим кровь трепетом ждал, что в любой момент где-то, пугающе близко от него, раздастся издевательский смех верховной хранительницы.

И вот, в самом деле… кто-то негромко рассмеялся в темноте. Голос был женским. Киммериец повернул голову в ту сторону, откуда раздавался смех. Его глаза напряженно всматривались в темноту, хотя, конечно же, ничего не различали в ней. Одна рука крепко сжимала рукоять меча, (это был меч поверженного стражника — Конан оставил, его себе). Другая была готова вот-вот вытянуть из висевших на поясе ножен кинжал.

Смех внезапно замолк. Стало тихо. Конан явственно ощущал чье-то присутствие подле себя.

— Как же ты смешон! — послышалось оттуда же, откуда несколько мгновений назад исходили звуки смеха. И теперь киммериец без труда смог узнать голос Дарейны. — Неужто вообразил, что здесь Серидэя?! — ведьма снова рассмеялась.

Конан не сдержал ругательства.

— О! Прошу тебя, будь чуть повежливее! — все еще смеясь, произнесла Дарейна. — Все-таки имеешь дело со своей спасительницей. Если бы не я…

— А не ты ли сама, — перебив ее, гневно начал Конан, — привела меня и Зулгайена прямо в объятия Серидэи?! — упомянув верховную хранительницу, он с брезгливым

презрением сплюнул. — А сейчас снова решила выступить в роли великодушной спасительницы?! Что за игру ты ведешь?!

— Я не обманываю тебя! Поверь! — в голосе Дарейны отчетливо послышались молящие интонации. — Я хочу… помочь!

Киммериец с язвительным пренебрежением усмехнулся.

— Если ты все еще собираешься вернуть в Айодхью вендийскую принцессу, — теперь ведьма говорила с прежней грубой насмешливостью в голосе, — не лучше ли тебе будет довериться мне?! Или… может быть, грезишь о том, чтобы снова оказаться, как ты сам это удачно подметил, в объятиях Серидэи?! — из ее горла вырвался короткий ироничный смешок.

— Зачем же я по-твоему сейчас здесь?! — с трудом сдерживая гнев, воскликнул киммериец.

— Тшш! — с таинственной многозначительностью прошипела Дарейна. — Помни, где мы! Не повышай голос! — и с насмешкой добавила: — Ты не боишься рисковать, раз пришел сюда?!

— Мне нечего терять!

— А если окажется, что это не я, а сама Серидэя устроила тебе этот побег?! Чтобы затем посмеяться?!

— Нисколько не удивлюсь этому, — сухо ответил киммериец и, выдержав короткую паузу, с подчеркнутой небрежностью произнес: — Ну, а если, в самом деле, все обернется так, просто сочту этот побег увеселительной прогулкой!

— Перед смертью! — иронично добавила ведьма.

— Что же мы стоим?! — не вытерпел Конан, голос его стал еще жестче. — Чего ждем?!

— Уже поздно торопиться, — спокойно, без досады, напротив — с непривычной для себя рассудительностью в голосе ответила Дарейна. — Твое исчезновение обнаружено, и теперь стражники Серидэи прочесывают весь замок и его окрестности. Надо обождать.

— Но я не слышал погони, когда направлялся сюда, — удивился Конан.

— Верно, — невозмутимо согласилась Дарейна. — Без огня все колдовство Серидэи не стоит и ломанного гроша, а я позаботилась о том, чтобы на твоем пути не было и искры.

— А как же те стражники… — начал было киммериец, но молодая ведьма перебила его.

— Которые встретились вам с Зулгайеном в первой галерее? — ее голос снова звучал чуть насмешливо. — Они такие же, как и все здесь. Непобедимы, пока огонь питает их силой. Если же огня нет — самые обыкновенные вояки… вроде тебя! — она рассмеялась. — Хотя должна признать, ты сегодня славно помахал кулаками! Да и Зулгайен — молодец!.. Жаль только, что ранен…

— Откуда тебе все это известно?! — не удержался Конан. — Все это время ты следила за нами?!

— Конечно, — ответила Дарейна. — Я ведь должна была быть уверена в том, что все закончится успешно.

— В таком случае, может быть, ты знаешь, что сейчас с Зулгайеном? — с недоверием и одновременно с надеждой услышать правду, спросил киммериец.

— Туранец в безопасности. Я отправила его туда. Где он и был до этого дня, — не без некоторого самодовольства в голосе ответила Дарейна.

— Точнее, куда его заточила Серидэя, не так ли?! — с гневным изумлением отозвался Конан. — И это ты называешь безопасностью?! Ха! — и на этот раз он не смог удержаться от

того, чтобы не повысить голос.

— Прошу тебя, тише! Будь же благоразумнее! — почти взмолилась Дарейна. — Да, мне пришлось отправить Зулгайена обратно. Но, согласись, это куда лучше, нежели его бы нашли там, у колонны?! Так Серидэя даже не узнает, кто, на самом деле, приходил к тебе? И о ранении Зулгайена она тоже ничего не узнает. Я позабочусь об этом, равно как и о том, чтобы он опять сумел выбраться на свободу, когда к нему вернутся силы! — И снова в ее голосе звучали нотки самодовольства.

— Печешься о своей шкуре?! — с грубой насмешкой обратился к ней киммериец. — Боишься, что Серидэя узнает о твоей причастности к этому побегу?! Она ведь именно тебе поручила стеречь Зулгайена. Тебе и отвечать пришлось бы, если бы он исчез.

— Верно, — холодно согласилась Дарейна. — Но, к счастью, все обошлось!

— Не ты ли своими колдовскими чарами направила вражеский клинок в плечо Зулгайена?! — предположил киммериец. — Он исполнил свою миссию, и ты постаралась тут же избавиться от него?! Это так?! Ну, же! Отвечай!

— Замолчи! — шикнула Дарейна, и теперь ее голос прозвучал у самого уха киммерийца. — Сюда направляются стражники. Я слышу топот их ног.

— Неужели?! Только вот я почему-то ничего не слышу?! — отозвался Конан с подчеркнутым недоверием, но вместе с тем осторожно понизив голос.

— Ты и не можешь слышать то, что слышу я, — как будто и не заметив ироничного тона киммерийца, ответила молодая ведьма. И сейчас Конан уловил в ее голосе тревожную напряженность. — Они ищут тебя, — прошептала Дарейна, и ее пальцы вцепились в ладонь киммерийца. — Пойдем же! Нам нельзя здесь больше оставаться!

Она торопливо повела Конана за собой. Они не бежали, но шли очень быстро, и ничего не различавший в окружавшей его темноте киммериец дважды неловко споткнулся на ровном месте.

Между тем прошли они совсем немного. Дарейна замедлила шаг, пропустила Конана вперед и, уже остановившись, шепотом сказала:

— Теперь прислонись к стене!

Она отпустила его ладонь. Киммериец протянул руки вперед и нащупал перед собой каменную стену.

Он встал к ней спиной.

Тотчас же рядом раздался какой-то омерзительный скрипучий и вместе с тем лязгающий звук, будто что-то закрылось у самого носа киммерийца.

И правда, хотя Конан по-прежнему ничего не видел вокруг себя, но у него теперь возникло совершенно определенное чувство тесноты.

Он снова протянул руку вперед и не успел даже выпрямить локоть, как ладонь уперлась во что-то металлическое и рельефное.

— Так надо, — прошептала Дарейна. Она стояла совсем близко к Конану, почти прижавшись к нему, и киммериец даже слышал стук ее сердца, необычно громкий и взволнованно учащенный. — Здесь никому не придет в голову искать тебя.

— Что это за место? — спросил Конан. При этом киммериец едва узнал собственный голос, потому как в носу у него почему-то вдруг начало мучительно свербить, и, обращаясь к Дарейне, он сморщился.

— То, где ты можешь оказаться, если снова попадешься Серидэе, — с неубедительно беззаботной иронией ответила Дарейна. — Здесь она казнит не угодивших ей чем-либо

смертных… таких, как ты… — она задумалась, а потом с грустью добавила; — или даже таких, как я. Ну, все! Молчи! — ее шепот стал еще более тихим и тревожным.

Не прошло и двух-трех мгновений, как Конан действительно услышал отчетливые звуки чьих-то тяжелых частых шагов.

И тут же его глаза встретили неяркое оранжевое свечение. Оно просачивалось сквозь крошечные отверстия в металлической перегородке.

Теперь Конан мог видеть, где находился. Это походило на какую-то странную печь.

Чрезвычайно узкие стены были черны от сажи. Пол покрывал толстый слой пепла, — вот почему у Конана свербело в носу. Потолок же разглядеть было невозможно, стены вздымались чуть наклонно, образуя наверху черный зияющий провал.

Конан встретился взглядом с Дарейной. Серые глаза молодой ведьмы приветливо блеснули.

Через отверстия в металлической перегородке Конан видел огромный пустой зал (что с первого взгляда поражало в замке верховной хранительницы, так это аскетическая пустота, властвовавшая в многочисленных залах, коридорах, галереях — везде). Единственными предметами мебели здесь были стоявшие у стен длинные каменные скамьи. Два стражника с горящими факелами в руках размеренными шагами обходили зал.

Один из них направлялся в сторону притаившихся за металлической перегородкой Конана и Дарейны.

Он подошел совсем близко к ним. Остановился и тупо уставился в перегородку, будто сомневался, стоило ли открывать ее?

И хотя взгляд стражника оставался безучастным, киммерийца тревожило навязчивое чувство, будто бронзовотелый гигант глядел именно на него.

Конан отпрянул от перегородки, и поскольку отверстие, через которое он до того наблюдал за происходившим в зале, было совсем маленьким, теперь, чуть отдалившись от него, уже не видел ничего, кроме мелких пятнышек просачивавшегося снаружи света.

Все это заняло, наверное, не более пяти мгновений, но они показались лениво протянувшимся часом. А потом — точно гора с плеч! — послышались звуки удаляющихся шагов. И чем тише они становились, тем все более меркли светящиеся пятнышки на металлической перегородке.

Конан уже было с облегчением вздохнул, как вдруг в носу у него снова начало саднить, да так сильно, что киммериец не смог совладать с собой и… чихнул.

Топот ног мгновенно затих, и в ненадолго наступившей тишине было что-то зловещее. Конан был уверен, что долго это не продлится — и не ошибся. Вскоре снова раздался далекий звук шагов.

С каждым новым мгновением он неумолимо делался громче.

Конан крепко сжал рукоять меча. И тотчас же, скорее, не увидел, а почувствовал, как иронично усмехнулась заметившая движение его руки Дарейна.

А потом…

Металлическая перегородка начала подниматься.

Она двигалась медленно и притом издавала мерзкий скрип. И когда уже ее отделяло от пола не менее двух локтей, внезапно снова стало темно.

В следующее мгновение Конан услышал голос Дарейны, однако уже не близкий, а исходивший из-за перегородки и звучавший с непривычной властной резкостью.

— Что здесь происходит?! — воскликнула молодая ведьма. — Как вы посмели

потревожить меня?!

Перегородка в тот же миг опустилась, о чем оповестил оглушительно громкий лязг металла о камень.

И опять через крохотные отверстия просочился неяркий мерцающий свет. Конан решился опять приникнуть к перегородке и поглядеть, что же сейчас происходило в зале.

Он увидел стоявших в нескольких шагах от себя (точнее, от печи, в которой прятался) двух стражников и Дарейну.

Бронзовотелые гиганты молчали, и взгляды их оставались непроницаемыми. И все же у Конана создавалось впечатление, что между стражниками и ведьмой происходил какой-то безмолвный разговор.

Затем Дарейна повернулась к киммерийцу лицом. На ее губах играла улыбка, самодовольная и… как будто злорадная. Конана даже прошиб холодный пот.

Ему пришло в голову, что Дарейна выдала его присутствие (ну, или же только собиралась это сделать?). Но эта тревожная мысль оставила его, как скоро киммериец услышал, как снова повернувшаяся к стражникам Дарейна громко произнесла:

— Я здесь одна!

Про себя Конан яростно выругался. Если бы Дарейна оказалась сейчас рядом с ним, только что разыгранный спектакль дорого обошелся бы ей!

Киммериец глядел на молодую ведьму с беспомощной ненавистью. Она же сама, наверняка, смеялась над ним.

Стражники покинули зал, и еще некоторое время слышны были звуки их удалявшихся шагов. Они унесли с собой факелы, но было не темно.

Теперь зал обволакивало тусклое, как будто призрачное свечение, такое же, что недавно помогала Конану отыскать верный путь в лабиринте замковых помещений.

Глава XXIII
«Дочь Жасмины»

— Ну, все, пора! — наконец, сказала Дарейна, и в ее голосе отчетливо слышалась взволнованная дрожь.

Конан не знал, сколько времени минуло с тех пор, как Зулгайен вызволил его из железных оков. Наверное, не меньше суток. Киммериец успел подкрепиться сытным обедом (об этом позаботилась Дарейна) и вздремнуть, лежа на одной из выстроившихся вдоль стен скамей. Несколько раз Дарейна оставляла его одного. Возвращалась обыкновенно скоро и тут же принималась с воодушевлением рассказывать о том, что ей удалось узнать. А в общем-то известно ей стало не так уж много: Серидэя прекратила поиски Конана, (или же только сделала вид, что прекратила?! — Дарейна не мгла знать этого наверняка), как и ожидалось, наведалась к Зулгайену и, — молодая ведьма поведала об этом не без присущего ей самолюбования, — ничего не заподозрила. Сам же раненый туранец чувствовал себя значительно лучше. Дарейна обещала, что скоро он сможет последовать за ними на свободу.

— Что же думает Серидэя о моем исчезновении? — спросил киммериец. — Ведь и последнему дураку ясно, что я никак не мог сбежать без чьей-либо помощи!

Дарейна усмехнулась.

— Была бы у Серидэи прежняя магическая сила, — отвечала она, — ей бы ничего не стоило узнать, кто, на самом деле, причастен к твоему побегу. А так, — глаза Дарейны злорадно сверкнули в полутьме, — ей известно не больше, чем какой-нибудь из здешних рабынь!

— Тебя она не подозревала? — с иронией спросил Конан.

— Конечно же, Серидэя подумала обо мне, — невозмутимо отвечала молодая ведьма. — Только навряд ли она подозревает меня всерьез, — задумчиво добавила она. — Все это время она полагала, что я не знаю даже, где ты был заточен. А вот приносившие тебе еду рабыни все до одной были подвергнуты пыткам, как только Серидэе стало известно отвоем исчезновении. Ведь у них были ключи и от комнаты, в которой тебя держали, и от кандалов. Меня же тронуть никто не посмел. Самонадеянность не позволит Серидэе и на мгновение предположить, что я могла устроить твой побег, обвести ее, саму верховную хранительницу, вокруг пальца! — и снова в голосе Дарейны слышалось бахвальство. — Она не может даже предположить, насколько я преуспела в магии!

И вот, в очередной раз возвратившись к Конану после некоторого отсутствия, Дарейна. с придыханием сообщил, что можно идти к вендийской принцессе.

Снова они шли по бесконечным, запутанным коридорам, узким, с необычайно крутыми ступенями лестницам, пустым залам. И где бы они ни появлялись, их неизменно окутывал тусклый, непонятно откуда исходивший свет. В закрепленных же в стенах факелах огонь не горел.

Наконец они приблизились к невысокой двери.

— Принцесса здесь, — взволнованно прошептала Дарейна.

Несколько мгновений она, не шелохнувшись, стояла у двери, будто прислушивалась. Затем бросила в сторону Конана быстрый, преисполненный доверительности взгляд,

поднесла к губам указательный палец и только после всего этого осторожно приоткрыла дверь. Она не переступила порог, а просто вдруг исчезла. И когда киммериец заглянул через приоткрытую дверь, то увидел Дарейну, уже стоявшую в самой комнате и движением руки влекшую его за собой. Конан прошел внутрь.

Комната, в которой они оказались, была громадной, так что, находясь у двери, невозможно было разглядеть, что находилось у противоположной стены, более того — нельзя было увидеть и саму противоположную стену. Здесь не было и тени роскоши. Каменный, ничем не покрытый пол, голые стены — все дышало суровым аскетизмом. Посреди комнаты стояло огромное ложе. К нему-то и повлекла Конана молодая ведьма. Приблизившись к ложу, киммериец увидел лежавшую на светлой льняной простыне девочку. Она спала.

— Вот она — вендийская принцесса, — с дрожью в голосе произнесла Дарейна.

Конан, казалось, и не слышал ее. Он неотрывно смотрел на девочку.

Маленькая принцесса была настолько похожа на Дэви Жасмину, что при виде ее у киммерийца даже дух перехватило. Светлая кожа, полные губы, длинные черные ресницы, большие, чуть раскосые глаза — да, это несомненно была вендийская принцесса, дочь прекрасной Жасмины! Девочке было не больше шести лет, и она выглядела необыкновенно хрупкой.

Дарейна склонилась над принцессой, чуть приподняла выглядывавшую из-под покрывала худенькую ручку. И Конан смог увидеть на пальце Насинги кольцо с огромным ярко-голубым камнем.

— Это и есть та сама Слеза Дианирина, — шепотом произнесла ведьма, и в ее взгляде промелькнуло что-то алчное. — Она высасывает у девчонки силы, — и, помолчав пару мгновений, многозначительно добавила: — последние силы.

Конан решительно взял руку Насинги и попытался снять с ее пальца кольцо. Однако же ему это не удалось: кольцо так тесно сжимало тоненький пальчик, точно впилось в самую плоть, стало одним целым с ней. Дарейна издала негромкий, как будто даже робкий, ироничный смешок.

— Его невозможно снять, — с ехидцей сказала она.

В это время Насинга, точно почувствовав возле себя чье-то присутствие, стала беспокойно вертеть головой и что-то тихонько нечленораздельно бормотать. Она даже вдруг открыла глаза — огромные черные, совсем как у Дэви Жасмины, — и пустым, ничего не различающим взглядом медленно обвела комнату. Снова пробормотала что-то невнятное и затем прикрыла глаза.

— Она давно уже лежит так, в беспамятстве. Редко в себя приходит, — сказала Дарейна. И тотчас же она замерла, будто насторожилась. — Сюда идут! — взволнованно прошептала она. — Наверное, кто-то из рабынь. Возьми девчонку на руки и следуй за мной! — ее тон требовал безоговорочного подчинения. — Да, скорее! Нам нужно спешить!

Не теряя времени (и напрасно Дарейна торопила его!), Конан поднял принцессу с ложа и, держа ее на руках, поспешил вслед за ведьмой. Они вышли за дверь и почти бегом направились по коридору. Минуло, наверное, не больше двух-трех минут, когда Дарейна сообщила, что слышит звуки погони. Пришлось ускорить бег. С двух сторон от них плыли бесконечные темно-серые стены. Точно ошалев, рискованно подпрыгивали под их ногами лестничные ступени. И все вокруг, казалось, напряженно пульсировало. Скоро уже и сам Конан услышал где-то позади частый, все усиливавшийся топот. На их пути не встречались

горящие факелы, а значит, если бы стражники Серидэи все же нагнали бы беглецов, силы их ничем не превосходили бы силу Конана.

Но смог бы киммериец сражаться, когда на руках у него была маленькая Насинга?! Встреча со здешними стражниками, возможно, стала бы для Конана роковой. А топот сзади неумолимо нарастал. Дарейна все чаще оборачивалась к киммерийцу, и в ее глазах была тревога.

— Скорее, скорее! — то и дело повторяла ведьма.

Сама же она, скорее, не бежала, а как будто плыла, совсем не касаясь пола. Конан с трудом поспевал за ней. Маленькая принцесса все что-то беспокойно бормотала во сне.

Они двигались уже очень долго. И теперь находились в очень узком длинном коридоре, со стенами из цельного необработанного камня и таким низким сводчатым потолком, что Конану приходилось идти (бежать здесь было невозможно), полусогнувшись.

Мучительное ощущение тесноты сжимало грудь, едва позволяя дышать. Именно здесь какое-то время назад — о, как давно это было! — он и Зулгайен шли вслед за Дарейной (ха, обманщицей Дарейной!).

Разве что тогда каменные стены обволакивал мерцающий свет зажженного ведьмой факела, а сейчас темноту разбавляло тусклое голубоватое свечение. Они двигались по тоннелю в одной из скал, что окружали замок верховной хранительницы.

И если Конана не подводила память, уже совсем близко — спасительно близко! — должен был быть выход наружу, к солнечному свету.

В некоторых местах тоннель разветвлялся, образовывая настоящий лабиринт. Дарейна же столь уверенно двигалась по нему, что усомниться в правильности выбранного ею пути было бы просто нелепо.

И вот, когда уже, казалось, они могли с облегчением вздохнуть, ибо теперь отчетливо видели перед собой конец тоннеля, огромную каменную плиту, преграждавшую их путь, (конечно, при помощи колдовских чар Дарейны легко можно было избавиться от этой плиты, как и в прошлый раз, бесследно растворив ее в воздухе), топот сзади стал пугающе громким. На мгновение молодая ведьма растерянно остановилась. Потом нервно передернула плечами и решительно повернула назад. Конан поспешил за ней, он быстро сообразил, что она задумала. Дарейна вернулась всего на несколько шагов, завернула в одно из тоннельных разветвлений и скоро, остановившись, прижалась спиной к каменной стене. Конан сделал то же самое.

— Дай мне девчонку! — прошептала Дарейна. — И крепче сожми рукоять своего меча! — добавила с привычной ехидцей в голосе.

Она протянула руки к Насинге и, взяв ее у Конана, прижала к своей груди. Про себя Конан не преминул заметить, с какой легкостью Дарейна держала девочку.

Очень скоро их глаза различили оранжевый свет пламени. Он становился все ярче, уверенно скрадывая тусклое голубоватое свечение. А потом по тоннелю, тому самому, где только что шли Дарейна и Конан, пронеслись несколько громадных стражников. Еще мгновение и киммериец увидел, что один из бронзовотелых гигантов с горящим факелом и мечом в руках движется к ним.

Однако не успел тот приблизиться, как огонь в его факеле вдруг погас. И снова по каменным стенам разлилось уже привычное голубоватое свечение. Стражник занес над Конаном широченный меч. В молниеносном полете сверкнул булатный клинок киммерийца. Громыхающе лязгнул металл. Второй удар Конана поразил противника в грудь и так глубоко

пронзил плоть, что стражник тотчас же замертво повалился на пол. Из раны хлынул поток крови.

Снова в тоннеле, что вел к выходу из скалы, послышался нарастающий топот нескольких пар ног. Свет огня жадно поглотил голубоватое свечение. И опять Конан и Дарейна увидели пронесшихся стражников. Когда звук шагов сделался тише, Дарейна передала киммерийцу маленькую принцессу.

— Теперь можно идти, — сказала она. И первая направилась вперед.

Глава XXIV
«Гибель Слезы»

Солнечный свет приветливо встретил Конана. Стояло утро. Солнце только взошло из-за дальних холмов на востоке. И, казалось, в этом было что-то трепетно символичное: киммериец вошел в замок Серидэи на закате, а покинул его на рассвете. Сколько же дней прошло между ними — он и сам не знал.

— Что же ты не позовешь своего коня? — спросила Дарейна.

Животное скоро примчалось по зову Конана. При этом выглядело оно таким упитанным и холеным, будто и не было всех тех дней, проведенных без хозяина в пустыне.

— Я заботилась о нем, — приметив справедливое изумление киммерийца, сказала Дарейна, и в ее тоне слышалось уже привычное самодовольство.

— А где же конь Зулгайена? — озираясь по сторонам, спросил Конан. — Обычно он держался рядом с моим.

— Он в надежном месте, — ответила ведьма. — Укрыт от солнечных лучей, самума, ночного холода и, главное, от глаз Серидэи, — Дарейна издала сдавленный хриплый смешок. — И самому Зулгайену известно, где его конь.

— Понадобится ли ему только это знание?! — с грустной насмешкой отозвался киммериец.

— Садись в седло! — голос Дарейны почему-то стал жестче. — Ты напрасно сомневаешься во мне! Скоро твой друг нас догонит…

Конан коснулся ее лица преисполненным испытующего недоверия взглядом, но ничего не сказал.

Затем он осторожно, так, чтобы не потревожить спящую принцессу, сел в седло и дружески потрепал коня за густую каштановую гриву.

Животное издало кроткое благодарное ржание.

— Ну, и что же ты намерен делать теперь?! — с издевательской насмешкой в голосе спросила Дарейна.

Конан глядел на нее, сузив глаза. Конечно же, он и сам задавался этим вопросом. Возвращаться в Айодхью с пребывающей в беспамятстве принцессой представлялось ему абсурдом. Прежде нужно было избавиться от слезы Дианирина. Но как?!

В душе Конан полагался на Дарейну, ибо, как ни тяжело было ему признаваться себе в этом, но пока что все зависело именно от нее. А теперь ведьма со злорадной иронией спрашивала, что же собирался предпринять он сам.

— Не повезешь же ты девчонку в Вендию?! — ее голос звучал чуть небрежно. — Со Слезой на пальце она долго не протянет! Одной только Серидэе все это время удавалось поддерживать в ней жизнь. Между ней и принцессой существует какая-то особенная связь… — Дарейна бросила в сторону Насинги холодный и презрительный взгляд. — Она как будто бы даже привязалась к девчонке.

— Привязалась?! — удивленно повторил Конан.

На какое-то мгновение он отвел взгляд от Дарейны, когда же снова взглянул на нее, то увидел перед собой огромную крылатую тварь, с угольно-черным опереньем и —

единственным, что оставалось от прежней Дарейны, — человеческой головой.

— Следуй за мной! — громко сказала тварь и, решительно взмахнув крыльями, стрелой понеслась вперед.

Конан погнал коня.

Замок Серидэи был уже далеко позади, когда Дарейна опустилась к киммерийцу.

— Куда мы направляемся? — спросил ее Конан.

Ведьма хрипло засмеялась, а затем, пронзив его взглядом, тихо ответило:

— В Скалу Черного грифа.

— Да неужели?! — выразил свое изумление Конан. — Вот уж не думал, что когда-нибудь попаду туда! В пресловутую Скалу Черного грифа! Ха!

Дарейна пренебрежительно хмыкнула.

— Что же нам нужно там? — спросил киммериец.

Ведьма ответила не сразу. Какое-то время она о чем-то размышляла. Ее лицо при этом было непроницаемо, глаза глядели вперед, неподвижно и напряженно.

Наконец Дарейна произнесла:

— Слеза Дианирина — это осколок огненной звезды, — ее голос звучал тихо и сдавленно.

— Мне известно это, — с нотками раздраженного нетерпения в голосе сказал Конан.

Ведьма искоса взглянула на него, и ее серые глаза сверкнули гневом.

— Мы должны окунуть перстень со слезой в воду, — бесстрастно продолжала она.

Конан молчал.

Он оторопело глядел перед собой, силясь понять смысл только что произнесенных Дарейной слов.

Сама же ведьма теперь наблюдала за своим спутником с нескрываемым любопытством.

Сознание того, что ей удалось озадачить киммерийца, вероятно, забавляло ее. Лицо Конана начало постепенно проясняться. Он уже было открыл рот, намереваясь что-то сказать, но Дарейна опередила его.

— В Скале Черного грифа есть подземное озеро, — она говорила с подчеркнуто таинственной многозначительностью. — Нам нужно будет опустить руку девчонки в его воду. Слеза растворится в ней, — голос ведьмы взволнованно дрожал, уголки губ приподняла вверх довольная, жадная улыбка.

Конан глядел на ведьму с брезгливой неприязнью. Но упоенная сладостным предвкушением своей победы ведьма не замечала взгляда киммерийца.

— Долго еще ехать до этой проклятой горы? — спросил он.

— Завтра мы наверняка будем там, — ответила Дарейна.

Конан от изумления даже присвистнул.

— В самом деле, очень скоро! — с подчеркнутой иронией в голосе заметил он. — Странно, что тебе не пришло в голову отправиться куда-нибудь подальше?!

На лице Дарейны застыла мина недовольства.

А ты вообразил, что Слезу Дианирина можно растворить в любой случайно встретившейся тебе на пути лужице?! — с ехидцей отозвалась ведьма. — Что ж! Попробуй! — она натянуто рассмеялась.

— Да мне, признаюсь, вообще не понятно, каким образом вода может растворить Слезу? — с едва заметными примирительными нотками в голосе произнес Конан.

Взгляд Дарейны чуть смягчился.

— Все потому, — с воодушевлением начала ведьма, — что ты считаешь, будто Слеза Дианирина — это обыкновенный камень!

— Ну?! Конечно же, не обыкновенный, — возразил киммериец. — Я признаю, что Слеза обладает какими-то магическими свойствами.

Дарейна сдержанно улыбнулась.

— И все же по-твоему Слеза — это камень?! — с лукавыми искорками во взгляде повторила она.

Конан растерянно пожал плечами.

— Слеза Дианирина, — с торжественной интонацией продолжала молодая ведьма, — это застывший огонь! Частичка самой звезды Дианирина!

— Да перестань же ты, наконец, повторять одно и то же! — не выдержал киммериец. — Лучше расскажи, что это за озеро такое в скале Черного грифа?

Дарейна обиженно поджала губы. От нее снова повеяло злобой. Она взмыла вверх и теперь летела высоко над головой Конана.

— Эй! — что было мочи крикнул киммериец. — Ну, прости, если что не так! — и затем уже себе под нос с усмешкой пробормотал: — Какие же, Нергал их всех побери, они обидчивые, эти ведьмы!

Только он сказал это, как услышал позади себя голос Дарейны.

— Будь осторожней, ибо они, к тому же, на редкость злопамятные! — в ее тоне слышалась ядовитая насмешка, угроза и вместе с тем что-то беспомощно досадливое.

Конан обернулся и тотчас же встретился с укоризненным взглядом ведьмы.

— Итак, что же это за озеро в Скале Черного грифа?! — повторил киммериец.

Дарейна молчала.

О чем-то сосредоточенно размышляя, она устремила взгляд перед собой и даже не моргала. Ее лицо казалось неживым. Конан глядел на нее с нетерпением.

— Мне немного известно, — тихо начала она, при этом ее глаза оставались неподвижными. — Каждая, посвящаемая в служительницы Дианирина, должна совершить священное омовение в этом озере. Но если же, — ее голос дрогнул, — обычная ведьма снова окунется в него… — она вдруг замолкла, как будто у нее сперло дыхание.

— Что с ней произойдет? — с нетерпением всматриваясь в лицо Дарейны, поторапливал ее с продолжением Конан.

— Точно не знаю, — сдавленно произнесла молодая ведьма. — Но только… не хотела бы я такой участи, — она выдавила из себя тихий короткий смешок.

— С чего же ты взяла, что вода этого озера сможет растворить Слезу Дианирина? — осторожно спросил Конан.

Взгляд Дарейны метнулся в сторону киммерийца и обжег его своим прикосновением.

— Так должно быть, — жестко сказала ведьма. Конан снисходительно улыбнулся в ответ.

Дарейна что-то недоговаривала — он понимал это. И понимал также, что ведьмы никогда не выдавали своих секретов простым смертным, вроде его, Конана. Если же сейчас их, Дарейну и киммерийца, и объединяло одно желание — избавиться от Слезы, то ведь даже в этом каждый из них был заинтересован по разным причинам.

Конан превыше всего надеялся спасти маленькую Насингу, а ведьма мечтала стать верховной хранительницей…

Глава XXV
«Тайна верховной хранительницы»

К полудню следующего дня они наконец достигли скалы Черного грифа. Это была темно-серая каменная громадина, значительно превосходившая в высоту все окружавшие ее скалы и по форме напоминавшая птицу — косальского грифа.

Даже сейчас, в лучах яркого полуденного солнца, она выглядела мрачной, неприступной и зловещей.

У каменной птицы были глаза, два зияющие чернотой отверстия, причем походили они, скорее, не на птичьи, а на человеческие, удлиненного миндалевидного разреза, с чуть приподнятыми внешними уголками.

И у Конана вдруг возникло совершенно определенное чувство, как будто глаза эти наблюдали за ним с холодной величественной надменностью.

— Всем так кажется, — точно угадав мысли киммерийца, с насмешкой произнесла Дарейна.

— Что — кажется? — с подчеркнутой небрежностью в голосе, но все же с трудом сдерживая преисполнявшее его волнение, спросил Конан.

— Да то, что глаза Черного грифа следят за тобой, — невозмутимо ответила Дарейна. — Ты ведь об этом думал?! — она издала ироничный смешок.

Киммериец отозвался недовольным хмыканьем.

У подножия скалы Конан спрыгнул с седла и, держа на руках маленькую принцессу, направился вверх по узенькой, рискованно крутой тропе. Впереди него летела Дарейна.

Киммериец шел медленно. Тропа часто обрывалась и появлялась снова уже где-нибудь далеко впереди.

Конану приходилось перескакивать с камня на камень, взбираться на высокие уступы и, к тому же, то и дело слышать обращенные к нему язвительные реплики Дарейны.

— Ну что же ты там копаешься?! — с усмешкой говорила ведьма. — Поторапливайся!

Конан едва сдерживал возмущение. Да и не стоило тратить силы на бесполезные словесные перепалки! Девочка, лежавшая у него на руках, что-то бормотала во сне, тихонько постанывала и вертела головой.

В солнечном свете она выглядела пугающе бледной, через тонкую кожу просвечивали сиреневые жилки, губы были так бледны, словно в них не было ни кровинки, под глазами залегли тени, а волосы были безжизненно тусклыми.

Наконец Дарейна, сложив крылья, опустилась на камень, повернула голову в сторону поднимавшегося вслед за ней киммерийца и сказала:

— Здесь вход в скалу, — ее голос теперь прозвучал тихо, взволнованно и без обычной ядовитой насмешки.

Когда же Конан поравнялся с Дарейной, он действительно увидел в скале огромное, неопределенной формы отверстие. И поскольку скала напоминала птицу, это самое отверстие располагалось как раз на шее. Конан уже было сделал шаг в его сторону, как вдруг замер… перед ним был не тоннель, не грот, а — провал.

— Там есть ступеньки, — разгадав причину замешательства киммерийца, произнесла

Дарейна. — Но будь осторожным, они очень узкие — можно сорваться. — И снова Конан отчетливо услышал в ее голосе волнение, даже как будто тревогу. — Иди же! — прошептала молодая ведьма. — Чего ты ждешь?!

Упомянутые Дарейной ступеньки, а именно — первую из них киммериец, скорее, не увидел, а угадал. И когда его нога коснулась камня, он с облегчением выдохнул. Дальше было проще: вторая ступенька, третья… Как и предупреждала Дарейна, лестница была очень… нет — слишком узкой. Она вела куда-то вниз, при этом одна ее сторона тесно прилегала к стене, а за другой зиял провал. Ко всему прочему, ступеньки были неровными и скользкими. Конан шел очень осторожно. Рядом с ним над провалом летела Дарейна. Откуда-то снизу, доносились частые звуки бьющейся о камень воды. И чем дальше, тем все больше они раздражали Конана, он и сам толком не понимал — почему? С каждой секундой (или… с каждым шагом вниз) киммерийцем овладевало какое-то неопределенное, мучительно тревожное чувство.

Что-то неразличимое взгляду, поднималось из самых глубин скалы. Витало в тяжелом воздухе. Проникало внутрь Конана, властно подчиняло себе все его существо.

Становилось темнее. И опять киммерийца и Дарейну сопровождал тусклый голубоватый свет. Спуск казался бесконечным. Все тело Конана как будто онемело. Ноги двигались по инерции. Перед глазами все качалось, двоилось, пульсировало.

И вдруг… нога Конана опустилась на каменную ступеньку и, поддавшись внезапной слабости, беспомощно скользнула в сторону. Следующее мгновение — и потерявший контроль над своим телом киммериец сорвался с лестницы, Он ничего не различал перед собой, ничего не чувствовал.

При этом ему каким-то поразительным образом удавалось не выпускать из рук маленькую Насингу. Он крепко прижимал ее к груди.

Падение длилось недолго. Прошло, наверное, всего не больше трех мгновений, когда Конана подхватила какая-то огромная сила. Он не сразу сообразил, что это Дарейна вцепилась когтями в опоясывавший его кожаный ремень. Она что-то сказала ему, но он не смог разобрать слов.

Сперва киммериец думал, что Дарейна вернет его на лестницу, но нет — они неслись куда-то вниз, вглубь скалы. Конан ничего не видел вокруг, тусклый голубоватый свет, верно сопровождавший их, не позволял разглядеть что-либо на расстоянии более трех шагов, дальше все скрадывала густая непроницаемая темнота. Они летели долго, и киммерийца уже начала одолевать смутная тревога. Все громче становились звуки бьющейся о камень воды.

Наконец они опустились. Конан огляделся по сторонам, но, как и прежде, его глаза мало что смогли разглядеть. Дарейна приняла человеческий облик.

— Иди за мной, — прошептала она.

Скоро они оказались в узком, извивающемся серпантином тоннеле. Его стены были неровными и блестели от влаги. С низкого потолка свисали причудливых форм сталактиты. Пройдя весь тоннель, они попали в огромный грот. Голубоватый свет, что все это время сопровождал их, здесь стал вдруг таким необыкновенно ярким, что в первые секунды даже ослепил Конана. Когда же глаза киммерийца привыкли к свету, он смог рассмотреть место, в котором очутился. Грот был округлым, с очень высоким потолком и вздымающимися чуть наклонно стенами. Везде висели громадные, порой в человеческий рост сталактиты. Они завораживающе поблескивали, игриво переливались, кое-где даже вызывающе сверкали. В самом центре грота было какое-то углубление. Его окружал невысокий каменный уступ. И

только в одном месте виднелся узенький проход. К нему Дарейна и повела Конана.

Там, внизу углубления, виднелось озеро. Его вода была совсем не прозрачной и… ярко-голубой. Да, такого же самого цвета, что и Слеза Дианирина в перстне Насинги. Озерная гладь была такой спокойной, неподвижной, что создавалось впечатление, будто это и не вода была, а нечто твердое, как камень или стекло. От узкого прохода в уступе вниз, к самому озеру, вели выдолбленные в камне ступеньки.

— Ну же! Спускайся! — с дрожью в голосе прошептала Дарейна — Окуни руку девчонки в воду!

Конан осторожно спустился по каменным ступеням. И уже приблизился к самому озеру, как вдруг… услышал громкий, властный и одновременно с тем отчаянно взволнованный голос.

— Вы не сделаете этого!

На какие-то мгновения Конана как будто парализовало. Он оторопело взглянул наверх, туда, откуда раздался голос. На каменном уступе стояла Серидэя. Ее огромные глаза сверкали гневом. И киммериец почему-то не мог понять, в чью сторону она глядела, в его или Дарейны?

Конан метнулся было к озеру, но в один миг на месте воды вспыхнул огонь.

Киммериец непроизвольно отпрянул назад, к ступенькам. Оранжево-красные язычки пламени вздымались вверх, боролись меж собой, тревожно дрожали.

Становилось нестерпимо жарко, душно. Все вокруг уверенно окутывала густая багровая пелена.

— Отдай мне девочку! — жестко сказала верховная хранительница, и ее взгляд пронзил Конана насквозь.

Киммериец почувствовал, что им снова овладевала слабость, совсем как тогда, во время спуска по ведшей вглубь скалы лестнице. Он старался не глядеть на Серидэю, но, куда бы ни отводил взгляд, почему-то все равно видел перед собой ее огромные темно-зеленые глаза. Они были обращены к нему и смеялись. Конан не мог шелохнуться. Мрачные предчувствия отзывались тупой болью в груди. Руки, ноги одеревенели. В ушах что-то неугомонно, мучительно трещало. А потом слух Конана различил голос Дарейны. Сначала его звуки показались киммерийцу очень тихими, как будто доносившимися откуда-то издалека. Но постепенно голос становился все громче, и вместе с тем, как он нарастал, Конан ощущал, как к нему возвращаются прежние силы. Глаза Серидэи уже не преследовали его. Грот был окутан темной дымкой, и все же киммериец отчетливо видел верховную хранительницу — как и прежде, она стояла на каменном уступе. Дарейну же Конан не мог видеть, но хорошо слышал ее голос, взволнованный, чуть дрожащий, то срывавшийся на крик, то опускавшийся до хриплого шепота.

— Тебе не быть больше верховной хранительницей! — со смесью ядовитого злорадства и неуверенности проговорила молодая ведьма. — Ты давно утратила свою магическую силу. Все, что у тебя осталось, — она издала короткий смешок, — лишь жалкие показушные фокусы! Ты — никто!

— Я верховная хранительница Дианирина! — с убедительным достоинством ответила Серидэя. — Была и останусь ею! — ее голос звучал громко и жестко. — И ни твоя глупая болтовня, ни твои беспомощные козни не смогут помешать мне!

— Ошибаешься! — горячо воскликнула Дарейна. — Я должна занять место верховной хранительницы!

Серидэя рассмеялась.

— Я всегда знала, что ты всего лишь мечтательница! — сказала она. — Наивные мечты и неоправданные амбиции — в этом ты вся! Мне жаль тебя! В самом деле, жаль.

Какое-то время Дарейна молчала, а потом, будто собравшись с силами, громко произнесла:

— Меня ждет великое будущее! — в ее голосе отчетливо слышался пафос убежденности. — Я избрана самой звездой Дианирина!

Серидэя снова засмеялась, тихо, еле слышно, однако все ее тело при этом содрогалось.

Потом вдруг в один миг замерла. Стало очень тихо.

— Звездой Дианирина?! — протянула Серидэя. — С каким трепетом ты говоришь о ней! А хочешь знать всю правду?! — в ее голосе теперь прозвучала горечь. — Хочешь?! Никакой звезда Дианирина нет! Нет! — из ее горла вырвался негромкий досадливый смешок. — Когда-то давно… — задумчиво продолжала Серидэя, — я мечтала стать верховной хранительницей Дианирина. Тоже верила в звезду, — она замолчала. Какое-то время размышляла о чем-то. Затем, судорожно сглотнув, продолжала: — Там, на небе, лишь призрак. И мы самозабвенно поклоняемся ему. Ты и другие служительницы поклоняетесь ему из-за своего неведение. Я… Потому как… уже и не могу иначе. Мое поклонение звезде, как и поклонение предшествующих мне верховных хранительниц, требуется только для того, чтобы служить примером другим ведьмам… вроде тебя. Молчишь?! Наверное, не веришь мне?! Что ж! Подчеркнутое недоверие ко всему восполняет тебе отсутствие здравого смысла! — Серидэя натянуто засмеялась. — Но все же лучше выслушай меня! То, что мы видим на небе, над скалой Черного грифа, всего лишь отражение этого озера, — она повернула голову, и ее взгляд коснулся пылавшего озера с ненавистью и обидой. — Я и сама, к сожалению, узнала об этом поздно… слишком поздно. Только верховной хранительнице известна тайна озера, — Серидэя снова на несколько мгновений замолкла. Потом, чуть понизив голос, продолжала: — Когда ново посвящаемая в служительницы Дианирина входит в его воды, озеро забирает ее силу… Да, силу! Истинную силу! Ту, которой, на самом деле, обладает любой смертный. А взамен она наделяет ведьму, — из ее горла снова вырвался смешок, — тем, что ты, Дарейна, так верно назвала жалкими показушными фокусами. Вот и вся правда! — с торжественной досадой произнесла она. — Ну, и что ты теперь скажешь?! По-прежнему хочешь стать верховной хранительницей?! Быть сожженной и затем восстать из собственного пепла… Ради чего?! — Ее голос сорвался на крик. — Чтобы потом тысячелетиями поддерживать видимость своей силы?! Своей власти?! — Верховная хранительница горько усмехнулась. — Оставь свою мечту, Дарейна. Она не стоит ничего… Для меня же теперь… — задумчиво продолжала Серидэя, — оставаться верховной хранительницей — единственная возможность поддерживать в себе… Нет, не жизнь — ее давно уже забрал огонь. И все же… я еще здесь, а не в преисподней.

Серидэя медленно повернула голову в сторону все еще стоявшего на каменных ступеньках киммерийца.

Ее взгляд задержался на маленькой принцессе. И Конан увидел — он не мог ошибиться! — в ее взгляде… бесконечную нежность.

— Вы хотели опустить руку Насинги в озерную воду, — с мягким грустным укором в голосе произнесла Серидэя. — А ведь алчное озеро… — она почему-то не договорила, будто испугалась. Задумалась о чем-то. Потом, глядя на Конана, продолжала: — Вам бы, конечно, удалось уничтожить меня, но и в Айодхью вернулась бы уже не прежняя Насинга.

И тут Конан увидел, что к нему несется Дарейна. Это был всего лишь мимолетный проблеск, ибо… еще какое-то неуловимое мгновение, и молодая ведьма уже была рядом с ним. Озлобленная, с горящими отчаянием глазами и прерывистым дыханием, она протянула руки к вендийской принцессе. Конан, признаться, не сразу сообразил, что должно было случиться. И только когда Дарейна вцепилась в девочку своими длинными худыми пальцами, намереваясь выхватить ее их рук киммерийца, он решительно оттолкнул ведьму. Она прошипела что-то и с еще большим неистовством бросилась в его сторону. Ее физическая сила не уступала силе Конана — в этом киммерийцу не раз случалось убеждаться, и потому сейчас ему стоило немалых усилий противостоять ей.

— Уймись же, Дарейна! — воскликнула Серидэя. В ее голосе теперь не было и оттенка привычной властности, скорее, молящая просьба. — Оставь Насингу!

Дарейна резко остановилась. Нервно передернула плечами. И, оторопело глядя перед собой, сдавленным прерывающимся голосом произнесла:

— Я… я убью девчонку… и тебя! Следующее мгновение — и она уже оказалась возле самой верховной хранительницы. Между ведьмами завязалась борьба. Она продолжалась совсем не долго, наверное, не больше пяти мгновений. Дарейна решительно стремилась столкнуть Серидэю с каменного уступа. Наконец ей это удалось. Верховная хранительница сорвалась вниз, но перед тем успев мертвенной хваткой вцепиться в саму Дарейну. Обе ведьмы стремительно неслись в пылающее огнем озеро. И только их тела коснулись пламени, как все озеро взволнованно зашипело, затрещало. Оранжево-красные язычки на миг взметнулись высоко вверх, по сторонам, так, что едва не задели по-прежнему стоявшего на каменных ступеньках Конана. А потом все вдруг затихло. Огонь в одно мгновение исчез, и озерная гладь стала, как и прежде, спокойной, неподвижной. Все озеро походило на исполинский камень ярко-голубого цвета. Конан взглянул на руку Насинги — перстень был пуст. Киммериец легко снял его с тоненького девичьего пальчика и с брезгливой небрежностью бросил его в озеро.

Глава XXVI
«Схватка над пропастью»

Конан легко нашел дорогу обратно, к ведшей наверх узенькой лестнице. Не без справедливой опаски поднялся по крутым неровным ступеням. И уже было собирался выйти наружу, когда дорогу ему преградили двое вооруженных мечами мужей.

Они стояли спиной к солнечному свету, и потому Конан не мог видеть их лиц. Одежда же выдавала в них вендийцев. Конан инстинктивно обнажил меч.

И хотя одна его рука придерживала у груди маленькую принцессу, другая — крепко сжимала рукоять оружия, была готова в любой момент отразить нападение.

Однако же незнакомцы вовсе не торопились предпринимать наступательные действия. Они чуть расступились. И между ними показался третий человек, худой, долговязый, с длиной шеей и маленькой головой. Конан сразу же узнал в нем принца Шэриака.

— Ну вот мы и встретились! — почти пропел Шэриак, и его самодовольный тон не предвещал ничего хорошего.

Не самая приятная встреча в моей жизни, — хладнокровно заметил Конан.

— Надеюсь, и последняя! — с ядовитой зловещей насмешкой воскликнул принц.

И в тот же миг стоявшие по обе стороны от него воины взмахнули мечами. Смело сверкнул несущийся им навстречу булатный клинок Конана.

Борьба была неравной, не только потому что Конану приходилось сражаться сразу с двумя противниками, но и потому еще, что одной рукой он по-прежнему придерживал у груди маленькую Насингу. К тому же площадка, на которой все происходило, была такой узкой, что один неверный шаг в сторону мог стоить сражавшимся жизни. Люди Шэриака нарочно двигались вперед, так, чтобы оттеснить отступавшего от их стремительных атак Конана к пропасти в скале. Ни их, ни стоявшего чуть в стороне и внимательно следившего за всем принца, казалось, нисколько не пугала возможная гибель девочки, королевской дочери. Впрочем, Конан небезосновательно предполагал, что именно смерти Насинги и добивался Шэриак.

Металл громко ударялся о металл, вызывающе сверкал в солнечных лучах. Учащалось дыхание сражавшихся. Движения становились все более порывистыми, отчаянными, порой даже хаотичными С губ срывались проклятия. Конан старался не отступать назад, и покамест ему это удавалось.

Но вот клинок одного из людей Шэриака взметнулся над его головой. Решительным молниеносным ударом Конан выбил меч из рук противника. Однако же стоявший неподалеку Шэриак ловко подхватил летящий меч и, не теряя ни секунды, бросил его назад. Воин поймал оружие, но не успел и взмахнуть им, как искусно увернувшийся от удара другого своего противника Конан смертельно поразил его в живот. И только окровавленный клинок вышел из плоти поверженного врага, как тотчас же понесся отражать нападение другого противника. Удар. Второй, третий… Оглушительно лязгал металл, и этот звук, как обычно, отзывался в Конане безудержным, опьяняющим подъемом сил. Еще один взмах двуручным мечом, и второй противник был пронзен в грудь.

Шэриак издал какой-то сдавленный звук. На мгновение его взгляд встретился со

взглядом Конана, в нем были ненависть и вызов. Принц вынул из ножен огромный меч. Конан торопливо опустил Насингу у скальной стены, подальше от пропасти и, главное, от Шэриака. Обернулся к принцу. Мгновенный кошачий прыжок — и его булатный клинок метнулся в сторону противника. Снова была битва.

Шэриак сражался искусно (о, Конану было хорошо известно о боевом умении мужской половины вендийской королевской семьи!). Стремительно неслись друг к другу широкие обоюдоострые клинки, недружелюбно сталкивались и громыхали. Принц уверенно теснил Конана к пропасти в скале. Он был уже ранен, но ни силы, ни безукоризненная четкость движений, ни решительность атак не оставляли его. Глаза Шэриака сверкали злобной яростью. Мышцы немолодого светлокожего лица застыли в напряжении. Лоб блестел от пота.

Еще один вынужденный шаг назад — и Конан оказался над самой пропастью. Во взгляде Шэриака мелькнуло неумолимое злое торжество. С губ сорвался тихий смешок. Принц снова взмахнул мечом. И, уклоняясь от удара, Конан потерял равновесие и… сорвался вниз. Ему удалось ухватиться руками за висевший над пропастью каменный выступ. Падая, он несколько раз ударился об этот уступ, расцарапал в кровь лицо. И теперь чувствовал нарастающую с каждой секундой боль в ушибах, мучительное жжение на лбу, одной из щек, виске, вкус соли на губах. Он с трудом поднял голову и увидел над собой Шэриака.

Их разделяло совсем немного: уступ, за который посчастливилось ухватиться Конану, располагался у самой площадки, на краю которой и стоял преисполненный самодовольства принц.

Шэриак наклонился вперед. Его меч взметнулся и застыл в напряженной готовности к новому удару. Конан не сомневался, что удар этот предназначался его рукам. Надеяться на пощаду было нелепо. Конан опустил голову. Теперь он не видел Шэриака, не видел приготовленного к рубящему удару остроконечного клинка. Он ждал конца. Мгновение, еще одно…

И вдруг слух Конана уловил мимолетный, еле различимый свист. Сразу затем раздался короткий вскрик — Конан, конечно же, узнал голос Шэриака.

И что-то стремительно пронеслось вниз, мимо висевшего над пропастью киммерийца. Конан снова поднял голову. На краю площадки уже никого не было. Прошло какое-то время, и Конан услышал, (он не мог ошибиться) звуки чьих-то приближающихся шагов: кто-то поднимался по крутой скальной тропинке, то перепрыгивая с камня на камень, то вскарабкиваясь на высоченные уступы (Конан и сам недавно проделывал этот путь и потому хорошо помнил об его терниях).

Силы покидали киммерийца. Тело порой немело, а затем снова отдавалось во власть коварной боли. Обхватившие каменный уступ руки дрожали от непосильного напряжения. Секунды ожидания казались Конану вечностью.

Но вот звук приближающихся шагов усилился. Кто-то уверенно ступил на площадку перед отверстием в скале. Еще мгновение, и чуть потянув шею, Конан увидел Зулгайена, вернее, сперва только голову туранца, ибо, выглядывая из-за скального уступа, мог разглядеть только верхнюю часть показывавшегося в скальном отверстии пространства. Сам же полководец не замечал висевшего над пропастью киммерийца. Он выглядел расстроенным, даже как будто сердитым. Его лицо было неподвижно. Большие черные глаза глядели вперед мрачно. Губы застыли в досадливом выражении. Зулгайен приблизился к лежащей у стены маленькой принцессе. Склонился над ней.

Конан попытался окликнуть его. Голос киммерийца прозвучал сдавленно и на полуслове беспомощно оборвался. Конан вновь попытался подтянуться и снова окликнул Зулгайена. От напряжения в ушах у него зашумело, и он не смог даже расслышать собственный голос. Голова безвольно поникла.

В следующее же мгновение сквозь громкий, ни на йоту не ослабевающий шум в ушах Конан различил радостно-взволнованный вскрик Зулгайена.

Киммериец попытался снова поднять голову, но силы отказали ему. Лишь краешком глаза он на миг смог заметить полководца, стоявшего у обрыва (на том самом месте, где какое-то время назад находился принц Шэриак). Затем Конан увидел протягивающуюся к нему руку Зулгайена.

— Попробуй ухватиться за мою ладонь! — взмолился Зулгайен.

Конан напрягся и, оторвав одну руку от уступа, быстро взметнул ее к ладони туранца. Другая рука, не в силах более удерживаться, соскользнула по камню вниз. Однако Конан не сорвался в пропасть, ибо ему удалось ухватиться за ладонь Зулгайена. Ступнями он оперся о каменную стену. Еще одно усилие — и Конан взобрался на площадку. Сделал всего два шага вперед, и от бессилия его колени подогнулись. Однако он не упал, Зулгайен вовремя поддержал его и помог сесть.

Они не произносили ни слова. Конан утомленно опустил веки. Зулгайен опустился рядом с ним на камень и о чем-то задумался. Так они и сидели, когда услышали позади себя тихое, неразборчивое бормотание. Оба мужчины в одно мгновение обернулись к маленькой принцессе. Девочка беспокойно шевелилась. Ее руки вдруг резко взметнулись вверх и тотчас же опустились. Голова металась из стороны в сторону. Губы медленно двигались.

Зулгайен вскочил на ноги и приблизился к девочке, Конан же оставался сидеть. Со своего места он хорошо видел лежавшую у стены Насингу.

Ему показалось, что на щеках девочки проступил слабый румянец. Насинга пробормотала еще что-то, а потом ее ресницы взволнованно затрепетали, и она открыла глаза.

Принцесса чуть приподняла голову, оторопело осмотрелась вокруг. Задержала взгляд сперва на Зулгайене, затем на Конане, при этом в глазах ее не было заметно ни испуга, ни изумления — они глядели безучастно.

Опираясь на руки, Насинга села, подвинулась к скальной стене и прислонилась к ней спиной. Ее узкие худенькие плечики судорожно передернулись. Бледные губы охватила едва заметная дрожь. Какое-то время девочка сидела молча, неотступно глядя прямо перед собой широко раскрытыми, по-прежнему ничего не выражавшими глазами. Потом вдруг взглянула на Конана, так, будто видела в нем друга. И, обращаясь к нему шепотом произнесла: — Я хочу к маме.

Эпилог

Вся Айодхья праздновала возвращение в королевский дворец принцессы Насинги. Был уже поздний вечер, но улицы вендийской столицы шумели в радостном оживлении. Горожане были пьяны и беззаботно веселы. Еще несколько часов назад, во время официальных торжеств, все неутомимо восхваляли всевидящего Асуру, королевскую семью и, конечно же, спасителя маленькой принцессы друга Дэви Жасмины киммерийца Конана… О Зулгайене же нарочно умалчивалось — слишком уж враждебными были отношения между Вендией и Тураном. Сам полководец не приехал в Айодхью. Из Косалы он, оставив Конана и Насингу, отправился в храм Тарима за женой. И уже вместе с Ассинджей должен был ехать в свое родовое поместье. Туда же, в Рогвейн, обещал в самое скорое время приехать и Конан. Зулгайен пригласил его погостить в своем замке, и киммериец не смог отказаться.

И вот сегодняшним вечером, когда не закончилось еще празднество, Конан покинул стены королевского дворца и отправился в Туран.

* * *

Дэви Жасмина сидела у ложа дочери. Большие черные глаза девочки были обращены к матери. Уголки губ приподнимала вверх улыбка. Жасмина тоже улыбалась. Ее глаза светились бесконечной нежностью.

К ним подошла старая рабыня. В руках она держала поднос с маленькой серебряной чашей. Дэви взяла чашу и приблизила ее к лицу Насинги.

— Подними головку и выпей, — ласково сказала она.

Девочка послушно приподняла голову над подушкой. Но перед тем, как прильнуть губами к стенке чаши, скривила рот в брезгливой мине.

— Знаю, что не хочешь, — улыбаясь сказала Жасмина. — Но ты должна сделать хотя бы три глотка.

Насинга отпила и снова опустилась на подушку. Дэви поцеловала ее.

— Умница, — прошептала она. — Скоро ты совсем поправишься. А теперь закрывай глазки и постарайся уснуть.

Жасмина потянулась к стоявшему на небольшом столике светильнику, намереваясь погасить в нем пламя. Насинга порывистым жестом коснулась материнской ладони и прошептала:

— Оставь так.

Дэви на несколько мгновений в нерешительности замерла, потом улыбнулась и ответила:

— Хорошо. Но совсем-совсем ненадолго. Я велю кому-нибудь из рабынь зайти к тебе и погасить огонь.

Девочка молча кивнула. Жасмина опять наклонилась к дочери, поцеловала ее. Поправила шелковое покрывало. И затем мягким неслышным шагом покинула покои.

Принцесса осталась одна. Она не могла заснуть. Веки утомленно опускались, в сладостной лености немело тело, губы все чаще округлялись в зевке, а сон почему-то не шел. Взгляд Насинги вдруг случайно коснулся горевшего светильника. И тут же, будто только и дожидаясь этого, пламя взволнованно затрепетало. На мгновение — хотя, может быть, это лишь показалось девочке? — оно окрасилось голубым светом. Насинга не испугалась. Она неотступно глядела на пламя, и при этом откуда-то, из самых дальних уголков ее сознания, постепенно выплывали неясные воспоминания. Девочка невольно улыбнулась, будто что-то приятное и нежное обволакивало ее.

Пламя стало уверенно расти, превратилось в огромное трепещущее пятно, снова вдруг вспыхнуло голубым светом (на этот раз Насинга явственно запечатлела это мгновение) и тотчас же принялось торопливо уменьшаться. Когда пламя было большим, принцесса глядела на него, чуть прищурившись, теперь же смогла широко раскрыть глаза. И вот она заметила: на столике, как раз возле светильника, что-то приветливо поблескивало. Это был перстень, с очень красивым непрозрачным камнем голубого цвета и маленькими золотистыми крапинками. Насинга подняла его. Хотела надеть на палец, но что-то остановило ее.

Вдруг она услышала звук приближающихся шагов. Кто-то шел к ее покоям. Насинга быстро спрятала перстень под подушку и легла. Глаза она не закрыла, все глядела на огонь в светильнике.

И тут пламя снова беспокойно затрепетало, и Насинга различила в нем прекрасное женское лицо. Из огня на принцессу смотрели огромные зеленые глаза. Девочка боязливо зажмурилась и вдруг расслышала перекликавшийся с потрескиванием пламени чуть слышный шепот:

— Насинга! Насинга!..

Девочка открыла глаза, но не увидела в огне ничего. Пламя все еще взволновано трепетало…

Потом оно вдруг с оглушительным треском взметнулось вверх, в третий раз сверкнуло голубым светом — и тотчас же потухло насовсем.

Когда через несколько мгновений в покои принцессы заглянула посланная Жасминой рабыня, огонь в светильнике уже не горел.

А маленькая Насинга безмятежно спала.